

ФУАД ГАДЖИЕВ

НЕЗАВИСИМОСТЬ ДЕ-ФАКТО

ТУРЕЦКАЯ РЕСПУБЛИКА СЕВЕРНОГО КИПРА

С предисловием Модеста Колерова
«"Косовский прецедент": создатели и плоды (1999–2007)»

МОСКВА
REGNUM
2008

ББК 66.3(2Туц), 53
УДК 323.172(560)
Г 13

Г 13 **Гаджиев Ф. Независимость де-факто:** Турецкая Республика Северного Кипра / Предисл. М. Колерова «“Косовский прецедент”: создатели и плоды (1999-2007)». — М.: REGNUM, 2008. — 176 с.

ISBN 978-5-91150-022-1

ББК 66.3(2Туц), 53
УДК 323.172(560)

ISBN 978-5-91150-022-1

© Ф. Гаджиев, текст, 2008
© М. Колеров, предисловие, 2008
© REGNUM, издание, 2008

«Косовский прецедент»: создатели и плоды (1999–2007)¹

10 декабря 2007 г. истек срок, отпущенный на урегулирование проблемы Косово. Этот день станет первым днём «косовского прецедента». Косовские власти признают международные посреднические усилия исчерпанными и переведут свою борьбу за независимость в последний акт, а США, ЕС) и их многообразная клиентела на территории бывшего СССР попробуют признать «косовский прецедент» несуществующим и уникальным.

Интересны задушевные признания авторов прецедента, сопровождающие заведомо слабые аргументы в пользу его «уникальности». Первое: Косово должно стать независимым, ибо «сербы виноваты как народ». Эту расистскую, звериную формулу в августе 2006 г. изобрёл, объявил и публично отстаивал специальный представитель ООН по Косово Марти Ахтисаари. Второе: в апреле 2007 г., когда ещё не истекли сроки, определённые для переговоров о статусе Косова, заместитель госсекретаря США Николас Бернс заявил: «США уверены, что независимость Косово — единственное решение проблемы этого края... Есть утверждения, что эта независимость станет прецедентом для других сепаратистских движений, но мы такое утверждение полностью отвергаем». «Косово точно уже не будет частью Сербии», — в мае 2007-го предрекла госсекретарь США Кондолиза Райс, а в июне и сам Джордж Буш препопределил: «Независимость Косово неизбежна».

В этих признаниях — вся подноготная «уникальности». Ни Ахтисаари, ни Райс, ни Буш не скрывают, что созданная в результате прямой воо-

¹ Впервые: REGNUM, 28 ноября 2007: <http://www.regnum.ru/news/922737.html>.

См. также: Колеров М. А.. Непризнанные государства бывш. СССР в контексте Балкан и Черноморского региона: Тезисы к постановке проблемы // Русский Сборник: Исследования по истории России. Т. II. М., 2006.

ружённой агрессии против Югославии в 1999 году, с нуля, без каких бы то ни было исторических предпосылок², Соединёнными Штатами и их европейскими союзниками косовская государственность — с самого начала была предметом «ручной настройки».

Сколько бы ни твердили в унисон союзники США об «уникальности» будущего события (чем ближе «неизбежность», тем острее желание избежать её последствий), на деле «косовский прецедент» уже восемь с лишним лет как создан самими США и поддержан их клиентелой на территории бывшего СССР. В 1999 году США и НАТО вмешались во внутренний конфликт в югославском Косово, разбомбили метрополию, легализовали тесно связанных с наркотрафиком и исламским терроризмом албанских радикалов, передали им в руки почти полную государственную власть, санкционировали антисербскую чистку и сегрегацию.

Насколько этот прецедент уникально не существует, даже слепым и глухим клиентам США может рассказать многонациональный хор мирных (и не очень) борцов за независимость из Шотландии, Фландрии, Каталонии, Страны Басков, Корсики, Западной Сахары, Трансильвании и т. д., не говоря уже о тех, кто отстоял свою независимость с оружием в руках, но формально ещё не признан — на территории бывшего СССР. Не говоря уже о тех, кто воевал за независимость, победил и добился признания — в Эритрее и Восточном Тиморе. Не говоря уже об иных американских любимцах, которым предложат либо — против своих интересов — одобрить «уникальность», либо, скорее всего, дожждаться повторной «уникальности» для себя: Турецкой Республике Северного Кипра, Тайване и Курдистане. Много интересного увидят в «несуществующем прецеденте» и Республика Сербская в столь же созданной с нуля Соединёнными Штатами Боснии и Герцеговине, и Палестина, и албанские анклав на Балканах. Впрочем, клиентеле это известно не хуже других.

² Карабахский аналитик Давид Карабекян сделал важное различие: «Косово с первых дней своего существования формировалось внешними силами (читай: Западом)». В этом его действительное отличие от всех других, построивших свою государственность самостоятельно. В этом и его совершенно неконкурентное отличие от Приднестровья, Абхазии и Южной Осетии, в 1990-е гг. выживших и состоявшихся в тени равнодушия и даже иной раз противодействия слабой России. Но отличие, должное понизить, а не повысить его шансы на независимость. В случае с Косово и в этом, и в другом действует обратная логика.

Прецедент —1999: расчленение

«Косовский прецедент» появился в международном политическом языке в 1998–1999 гг. и означал подготовку и практику агрессии США – НАТО против признанного государства, его полную или частичную оккупацию и расчленение.

Когда агрессия ещё только готовилась, в сентябре 1998 г. представитель Китая в ООН предупреждал, что «это может в будущем создать плохой прецедент», а троцкисты из Международной партии трудящихся пророчили, что «это создаст прецедент для будущей интервенции войск НАТО в Восточной Европе, России и других бывших республиках СССР...». Слевыми были согласны и вполне статусные атлантисты: «Интервенция в Косово создает опасный прецедент для сил НАТО и США по поддержке движений борьбы за независимость внутри независимого государства» (конгрессмен Мак Коллинз, март 1999). Или: «Во внутренние дела России никто не лезет по причине наличия у страны ядерного оружия. Мировое сообщество также не лезет в отношения Индии и Пакистана по той же причине. Запад действует только по отношению к странам, у которых нет атомного вооружения: Гренада, Гаити, Панама, Югославия, Ирак. Самый большой прецедент был создан в Югославском конфликте, когда НАТО, полностью игнорируя мнение ООН, напала на независимое государство» (экс-посол Канады в Югославии Джеймс Биссет, май 1999). Тогда же, раньше и точнее многих, перспективы «косовского прецедента» обнаружили (с радостью) в Палестине и (с тревогой) в Израиле, и особенно Ариэль Шарон, заявивший, что теперь «Запад, благодаря Косовскому прецеденту, сможет вторгнуться на наши земли».

Для России, как это помнит большинство живших тогда, агрессия в Косово стала моментом политического отрезвления и осознания многих нелепых истин, среди которых была и такая, ныне кажущаяся банальной: национальные интересы России не сводятся к неукоснительному следованию внешним правилам произвольно толкуемой «демократии», более того — чем существеннее эти интересы, тем циничней и «недемократичней» их ущемление со стороны евроатлантических учителей, готовых не только к введению «внешнего управления» Россией, но и к её территориальному расчленению. Жертва, принесённая Сербией на наших глазах, открыла нам нашу неспособность защитить себя и крайне зыбкую целостность тогдашней России. Позволю себе процитировать, что я писал в первые дни агрессии 1999 г.:

«Исторический инстинкт и немая аналогия вчерашнего СССР и сегодняшней России со вчерашней и нынешней Югославией заставляют... обнаруживать свою завтрашнюю судьбу в сегодняшней сербской картинке... сравнение Сербии со старой русской метрополией, Косова с Чечней³... Мы — следующие. Мы — сербы... Мы никогда не будем для «них» достаточно хорошими.

Война против Югославии создала прецедент, на котором в историях мировой политики у русских читателей всегда будет лежать закладка. В них, в историях, привычных к гекатомбам и геноциду, тайной резне и двойным стандартам, прочитается: теперь все возможно, теперь это будет и с нами».

В августе 1999 года, не удовлетворившись фактической независимостью Ичкерии, Басаев и Хаттаб вторглись в Дагестан.

В 2000 г. в результате первой «цветной революции» был свергнут президент Югославии Милошевич. В 2001 г. США с союзниками вошли в Афганистан, в 2003-м — в Ирак, свергнув президента Хусейна. Косово и Курдистан получили от США карт-бланш на движение к независимости⁴.

Демонстрация военной силы послужила хорошим фоном для вмешательства невоенного, «цветного» свойства, сугубо политических (хотя кто скажет, где кончаются специальные операции и начинаются политические)⁵. В 2003-м в Молдавии «переменился» президент Воронин, 2003-м в Грузии был свергнут президент Шеварднадзе, в 2004-м в Литве — президент Паксас, в 2004-м на Украине — президент Кучма, в 2005-м в Киргизии — президент Акаев. «Зачистка» политической карты мира приобрела обвальный характер, и поначалу казалось, что уж коли новые независимые государства так легко оказываются под контролем США, то и «урегулирование» этнополитических конфликтов посредством расчленения метрополий становится излишним.

³ «Контрпример» Чечни, предупредительно адресовываемый России в контексте Косова (де, после признания независимости Косова, не вздумайте признавать, например, Абхазию, а не то кто-нибудь признает Чечню и отколет её от России), вряд ли можно считать контрпримером: претендующей на признание независимости Ичкерии ни в Чечне, ни где бы то ни было давно уже нет.

⁴ Итоги выборов в Ираке: Курдистан и новый региональный расклад // <http://www.regnum.ru/news/408034.html>

⁵ Колеров М. Фронт против России: «санитарный кордон» и «внешнее управление» // <http://www.regnum.ru/news/423582.html>

Опыт «перемены» молдавского Воронина обнаружил ещё одно условие: ни европейская риторика, ни расчленение сами по себе — не ценность. Для «косовского прецедента» образца 1999 г. ценна не только военная оккупация, но и политический контроль. Риторически этот контроль был сформулирован в требованиях о соответствии нового косовского режима «демократическим стандартам», действующая система которых должна была предшествовать решению вопроса о статусе края. Вскоре о них забыли, а введённую для их реализации международную администрацию оставили — и она стала «крышей» для легитимации Косово.

Именно тот факт, что достигнутый Ворониным и Россией компромисс вокруг Приднестровья (в «меморандуме Козака»⁶) не оставлял места для атлантического контроля и, напротив, сохранял в регионе присутствие России, и стал причиной произведённой с Ворониным «перемены» и его отказа от приднестровского урегулирования.

Но на пике политического могущества США контроль всё чаще оказывался неэффективным и становился своей противоположностью — вовлечённостью в нестабильность. Перед глазами сценаристов косовской независимости вырос тупик неизлечимой нестабильности в Афганистане и Ираке, спровоцированной США. Теперь США согласны на любую находящуюся под их контролем «стабильность», даже такую, как в Косово, способную сдетонировать уже не там, на Среднем Востоке, а здесь, в Европе. Очевидная неспособность США к эффективной оккупации «врагов свободы» и двусмысленные успехи США на территориях «образцов демократии» (Украина, Грузия) толкают их на сделку с любым режимом, который — безотносительно верности демократии — станет политическим союзником США, санкционирует их военное присутствие и, если необходимо, выдаст мандат на урегулирование. Здесь США с готовностью воспользуются «косовским прецедентом», потому что главное его условие — контроль.

⁶ «Меморандум Козака»: Российский план объединения Молдовы и Приднестровья// <http://www.regnum.ru/news/458547.html>

Прецедент — 2004: легитимация

В начале 2004 г., когда «косовский прецедент» 1999 г. на время затмился серией «цветных революций», проходивших свою кульминацию, а политический смысл и региональное предназначение президентства Михаила Саакашвили были ещё не всем ясны, первый заместитель главы МИД России Вячеслав Трубников предложил формулу урегулирования конфликтов на территории бывшего СССР («меморандум Козака» по Приднестровью только что был отвергнут Молдавией).

Формула являла собой предельно компромиссную попытку рассматривать конфликты в бывшем СССР вне косовского контекста, а перспективы их урегулирования находить в рамках «уникальных» обстоятельств и намерений метрополий. Говоря о Грузии Трубников предлагал: «Новому руководству Грузии нужно находить общий язык и с Абхазией, и с Южной Осетией, и с Аджарией. Потому что в последние годы, собственно говоря, власть в Грузии за пределы Тбилиси не распространялась. Надо восстанавливать страну».

Отвечая на вопросы азербайджанских журналистов, Трубников сказал: «Я не думаю, что формула, которая была изобретена для Молдавии, универсальна. Почему? Потому что в принципе эта формула следовала за принципиальным решением Кишинева о федерализации страны. И все вставало на свои места. Раз это федерация, значит, давайте думать, какая это будет федерация. Для Грузии этот вопрос пока не стоит. Тбилисское руководство не говорит о федерализации. То же самое и для Азербайджана, если иметь в виду Нагорный Карабах. Вопросы о федерации тоже не возникает. Ведь не Россия должна предлагать этот принцип. Если этот принцип возникает в Баку — это один разговор, если этот принцип возникает в Тбилиси для Абхазии, для Аджарии, для Южной Осетии — это другой разговор. Мы же не можем брать и эту формулу тиражировать. Она может быть неприемлема. А вот в Молдавии она была приемлемой. Почему? Потому что и Приднестровье, и Гагаузия, и Молдавия были в принципе согласны с так называемой асимметричной федерацией».

Но при обсуждении проблемы Нагорного Карабаха (НКР) неуниверсальная формула решений *ad hoc* дала сбой. Говоря о Карабахе, Трубников уже апеллировал к совершенно другой логике, логике прецедента, которая не зависела от готовности метрополии к федерализации и т.п.:

«Не хочу это называть образцом или примером, но вы знаете, что в конечном итоге вот Восточный Тимор — воевал, воевал за свою независимость, и всё-таки стал независимым... И эта независимость международно признана... я думаю, что и на проблему Нагорного Карабаха надо посмотреть с каких-то оригинальных, новых позиций, не замыкаясь на том, к чему мы давным-давно привыкли».

Пожалуй, никогда прежде (и никогда после) представитель России так определённо не разграничивал перспективы признания Карабаха и других самоопределившихся государств бывшего СССР. Немедленно на эту новацию Трубникова отозвался замглавы МИД Армении: «В связи с упоминанием Восточного Тимора должен сказать, что это поучительный пример признания и реализации права народов на самоопределение с целью урегулирования конфликта. Это не единственный пример: в современном мире стороны конфликтов и международное сообщество все больше и больше прибегают к применению права на самоопределение в той или иной форме для предотвращения или окончательного урегулирования существующих конфликтов. Только в течение последнего десятилетия этот вариант был избран для Восточного Тимора, Северной Ирландии, Квебека, Южного Судана, Сербии и Черногории, Пуэрто-Рико и других случаев». А председатель постоянной комиссии Национального собрания Нагорного Карабаха по внешним сношениям Ваграм Атанесян «только приветствовал» «мнение г-на Трубникова относительно целесообразности решения карабахской проблемы по сценарию Восточного Тимора». Никакого прямого продолжения эта новация не имела (если не считать её реализацией удачное подчинение Аджарии и неудачное завоевание Южной Осетии, проведённые Саакашвили), но на горизонте политической риторики вновь возник образ прецедента — теперь уже не для внешнего разрушения территориальной целостности и суверенитета, а для суверенизации путём «войны за независимость».

На иную перспективу наталкивал референдум о воссоединении Кипра (24 апреля 2004), три десятилетия расколотого на греческую и турецкую части: собственно Кипр и Турецкую Республику Северного Кипра (ТРСК), признанную только Турцией. Накануне референдума Турция предупредила, что в случае его провала приложит все усилия для признания ТРСК дружественными странами, а в ходе своего визита в союзническую Турцию президент Азербайджана Ильхам Алиев заявил, что Азербайджан может признать независимость Северного Кипра, если референдум окончится неудачей, а греческая часть острова само-

стоятельно войдёт в состав ЕС. Так Азербайджан ответил на параллели с Восточным Тимором. Наблюдатели в Баку и вне его остро почувствовали прецедентный характер этого возможного решения и начали просчитывать его последствия для самого Азербайджана.

Азербайджанский эксперт Зардушт Ализаде предупредил, что Азербайджану не следует торопиться с признанием суверенитета Северного Кипра: «Нужно подождать признания со стороны хотя бы нескольких государств. Выступить первыми было бы неосторожно, потому что это дает определенный прецедент для признания независимости Нагорного Карабаха некоторыми государствами. А если мы признаем суверенитет турков-киприотов после других, получится, что карабахская проблема отличается от кипрской. Ведь суверенитет НКР не признала пока официально даже сама Армения». Оставляя в стороне невыгодную для Армении параллель с Турцией (признающей ТРСК), глава армянского МИД Вардан Осканян заявил, что признание ТРСК Азербайджаном «может стать довольно интересным прецедентом и, почему бы и нет, в вопросе Нагорного Карабаха»⁷.

Видимо, дружественные и недружественные толкования инициативы вокруг ТРСК заставили Азербайджан если не пересмотреть свою позицию, то во всяком случае изменить темп действий. Эта скорая перемена осталась незамеченной, и, когда в начале мая 2004 г. азербайджанская делегация в ПАСЕ отказалась принять участие в обсуждении и голосовании по вопросу об открытии в Совете Европы представительства ТРСК, в Турции разразился скандал. Уже в Баку, на заседании азербайджанского парламента, от бессменного руководителя делегации в ПАСЕ Самеда Сеидова потребовали объяснений. Сеидов заявил, что делегация преднамеренно не участвовала в заседании, поскольку это создало бы «опасный прецедент» «признания непризнанных образований», и, в частности, «возможного признания в дальнейшем сепаратистского режима в Карабахе». Член делегации Асим Моллазаде уточнил: «Мы не хотели допустить прецедента регистрации и открытия офиса непризнанной ТРСК.

⁷ Однако, видимо, следуя принятой в Карабахе линии на подчёркивание уникальности своего конфликта по сравнению со всеми другими, тогдашний глава МИД НКР Ашот Гулян отверг саму возможность прецедента Северного Кипра для НКР, указав на то очевидное, но явно недостаточное для правового понимания событий обстоятельство, что в основе этих конфликтов лежат совершенно разные предыстории. Впрочем, наблюдатели не признали это противоречие между Арменией и НКР существенным и в дальнейшем ориентировались на позицию Армении.

Потому что с таким же вопросом к Совету Европы уже обращались такие незаконные образования, как Нагорный Карабах, Абхазия, Приднестровье. Наличие подобного прецедента могло бы нанести серьезный ущерб позициям Азербайджана... Попытка критиковать нашу работу связана, прежде всего, с непрофессионализмом тех, кто в структурах исполнительной власти занимается не своими делами».

Можно предположить, что, несмотря на острое осознание прецедентности любых действий по даже частичной легитимации любого непризнанного государства, такой разворот дался Баку непросто. Бакинская оппозиционная газета «Азадлыг» даже нашла разногласия в правящей элите. А глава общественно-политического отдела администрации Президента Азербайджана влиятельнейший Али Гасанов заявил, что в произошедшем виновен глава постпредства Азербайджана при Совете Европы, что и «глава делегации Самед Сеидов продемонстрировал равнодушие в этом вопросе». По словам Гасанова, Ильхам Алиев распорядился разобраться в вопросе, а азербайджанскому послу в Анкаре поручил дать публичное разъяснение. (В октябре 2004 г. Бюро ПАСЕ наконец разрешило ТРСК участвовать в деятельности всех органов ПАСЕ и выступать на пленарных заседаниях Ассамблеи.)

Столь редкие публичные разногласия между законодательной и исполнительной властями Азербайджана, безусловно, помогли Баку уточнить и сделать более гибкой свою тактику в отношении «прецедента ТРСК». В те же дни изменился общий фон вокруг ТРСК: начиная с мая 2004 г. премьер-министра (с 2005 — президента) ТРСК Мехмета Али Талата приняли госсекретарь США Колин Пауэлл, в Совете Европы, ПАСЕ, председатель Еврокомиссии Жозе Мануэл Баррозу, глава МИД Великобритании Джек Стро. Главы МИД стран-членов **Организации Исламская Конференция (ОИК)** и саммит Организации экономического сотрудничества стран Центральной и Средней Азии повысили статус наблюдателей ТРСК с «общины» до уровня «государства». В Брюсселе было открыто представительство Турко-кипрской торговой палаты, уполномоченной сертифицировать на территории ЕС товары из ТРСК. Европарламент начал мониторинг мер Еврокомиссии по финансовой помощи и прямой торговле с ТРСК. Азербайджан открыл прямое авиационное сообщение с ТРСК, где в октябре 2005 г. было открыто и фактическое представительство — Азербайджанский центр экономики,

культуры и сотрудничества (представительство ТРСК действует в Баку)⁸. В связи с этим бакинская газета «Зеркало» делилась запоздалыми сомнениями: «Между карабахской и кипрской проблемами существует довольно немало сходств и идентичности. Несмотря на стратегический союз с Турцией, Азербайджан до сих пор избегал оказания гласной поддержки ТРСК, так как это может создать прецедент по международному признанию «непризнанных республик», к которым относится и НКР».

Прекрасно осознаваемая в Баку⁹, но уже неостановимая прецедентность процесса легитимации ТРСК в течение 2004–2005 гг. наполнялась всё большим содержанием. И демонстративными поводами в этом процессе были авторы «косовского прецедента» 1999 г.

Прецедент — 2005/2007: независимость

Пока шла «прецедентная легитимация» ТРСК, в январе 2005 г. International Crisis Group опубликовала доклад о Косово¹⁰. Доклад рисовал трагический пейзаж: ситуация в крае становится все более напряженной, но отнюдь не потому, что всё жёстче и определённой становятся вытеснение и сегрегация сербского меньшинства, уничтожение памятников сербской цивилизации, а потому... что растут нетерпение и недовольство косоваров неопределенностью статуса Косово. Авторы доклада предположили, что Сербия, Россия и Совет Безопасности ООН не пойдут на признание независимости Косово, однако подчеркнули, что это сопротивление не должно останавливать процесс предоставления независимости, реализуемой усилиями США и ЕС. Именно так, как «предложила» International Crisis Group, и было сделано впоследствии: сначала ответственные лица США и ЕС вдруг забеспокоились о «нетерпении» косоваров, грозящем нестабильностью, затем объявили неизбежной независимость Косово и вот — сами начали её строить.

⁸ Подробно об этом см.: Европа, США, Турция и Азербайджан признают «непризнанную» Турецкую Республику Северного Кипра // <http://www.regnum.ru/news/708006.html>

⁹ Вопрос легитимации ТРСК настолько принципиален для Азербайджана, что ради неё он легко жертвует традиционной солидарностью с Грузией: буквально в те же дни ноября 2007 г., когда Саакашвили рассказал об «обещании» Владимира Путина «устроить из Абхазии второй Кипр» и осветил историю ТРСК, президент Азербайджана Ильхам Алиев принял в Баку прибывшего туда с официальным визитом президента ТРСК Мехмета Али Талата.

¹⁰ Crisis Group за независимость Косово и против независимости Южной Осетии, Абхазии, Карабаха // <http://www.regnum.ru/news/498802.html>

Такой сценарий развития событий уже в январе 2005 г. был очевиден всем, кто слыхал сочинения International Crisis Group с действиями США¹¹. Особенно внимательно это делалось в России.

В феврале 2005 г. российское ИА REGNUM, известное своим пристрастием к описанию постсоветской реальности (включающей в себя и реальность Приднестровья, Абхазии, Южной Осетии и Нагорного Карабаха), открыло информационный сюжет, в котором были закреплены и названный сценарий, и формула его применения на территории бывшего СССР, — «"Косовский прецедент" и борьба за независимость непризнанных государств». С тех пор на протяжении 2005, 2006 и 2007 гг. сюжет пополнили около 800 текстов, получивших миллионную аудиторию. Эксперт Виктор Якубян даже как-то отметил, что «"косовский прецедент" — продукт русской политической мысли... Прецедент должен сработать в любом случае... Прецедент будет создан самим Западом, хотя там того или нет. А там, судя по всему, хотят. Но, естественно, хотят обратить его исключительно в свою пользу...».

Тем временем в оккупированном США Ираке состоялись выборы, принесшие победу курдам и Иракскому Курдистану как фактически неподконтрольной центральным властям части территории, по реальному объёму полномочий находящейся с Багдадом в максимум конфедеративных отношениях. Эксперты в Армении вновь подняли вопрос о применимости подобных образцов суверенизации «по-американски» к проблеме Нагорного Карабаха (НКР), а в Баку вновь заметили «опасные параллели в урегулировании конфликтов в Косово и Карабахе».

В этом контексте вновь, как и много раз прежде и не раз впоследствии, преобладающее мнение армянских аналитиков свелось к утверждению «уникальности» карабахского конфликта для постсоветского пространства, его принципиальному отличию от конфликтов (и перспектив признания) в Приднестровье, Абхазии и Южной Осетии. Курдистанский контекст заставил не сфокусироваться на риторике этих аналитиков о том, что НКР, в отличие от её постсоветских коллег, и более «состоявшаяся», и более «демократичное» государство, а сличить действительно коренные отличия. Стало ясно, что главные отличия — в отсутствии России в эко-

¹¹ План США для Косово: независимость, ООН, НАТО, репарации с Сербии// <http://www.regnum.ru/news/568380.html>

номической, политической и военной (но не дипломатической) жизни НКР и, напротив, в прямом присутствии официальной, государственной ежегодной экономической помощи НКР из Соединённых Штатов.

За указанием на «уникальность» стояло, конечно, не желание «ручной настройки» урегулирования конфликта (она всё-таки потребовала бы как минимум военно-политического присутствия США в Карабахе), а желание не ставить перспективы собственного признания в зависимости от судьбы других самоопределившихся государств бывшего СССР, единственным и реальным гарантом неистребления которых сегодня остаётся Россия.

Современные Косово и Курдистан с самого начала были предметами американских case studies¹², а не объектами равного для всех права, столь дорогого для англосаксонского «прецедентного права», оставленного англосаксонской цивилизацией исключительно для внутреннего употребления. И потому здесь, где применялся иной, внешний стандарт, велико было искушение стать таким же case study и тем самым, наверное, укрепить перспективу признания, но как-нибудь избежать неизбежно сопутствующего этому вмешательства, ибо очевидный для всех прецедентный характер вмешательства США не оставлял никаких сомнений, что главной гарантией, целью и ценностью США в таком случае является только их тотальный контроль над фигурой на «шахматной доске». Эксперт Якубян: «Последние 15 лет показали, что международное право из «прецедентного» окончательно превратилось в «ситуационное». То есть прецеденты толкуются исключительно в зависимости от того, как и в чью пользу складывается конкретная ситуация в конкретном проблемном районе».

Летом 2005 г. посол Армении в США Татул Маргарян выступил с формулой, призванной философски обосновать, почему «косовский прецедент» применим в зоне контроля США и неприменим у границ России: «Опасения некоторых представителей мирового сообщества относительно того, что признание суверенитета Косово может создать прецедент принятия равнозначных решений и в остальных случаях, в частности, в случае нагорно-карабахского конфликта, считаю преувеличением... мировое сообщество признаёт отличие карабахского конфликта от других конфликтов на территории бывшего СССР... независимость

¹² Набиев Ю.: Перспективы курдской государственности//<http://www.regnum.ru/news/616672.html>

Косово окажет свое воздействие на процессы урегулирования других конфликтов, однако мировое сообщество принимает соответствующие решения, руководствуясь особенностями каждого конкретного случая. Кроме того, в истории уже есть примеры применения мировым сообществом при урегулировании или предупреждении конфликтов в той или иной форме принципа права на самоопределение. Независимо от результата, только за последнее десятилетие этот вариант был использован в Восточном Тиморе, Северной Ирландии, Квебеке, Южном Судане, Пуэрто-Рико, Сербии и Черногории, др.». Видимо, не только предупредительность в отношении Китая помешала автору формулы поставить в этот ряд Макао, Гонконг и Тайвань. Тогда же советник министра обороны Армении Гайк Котанджян обратил внимание на предложение председателя парламентской ассамблеи НАТО Пьера Лелюша, известного своей крайне радикальной антироссийской риторикой, о целесообразности проведения под эгидой ООН и ОБСЕ дополнительного референдума по самоопределению Нагорного Карабаха с учетом прецедента в Косово.

Умственная операция по отделению «косовского прецедента» от «обременённых российскими интересами» Абхазии, Южной Осетии и Приднестровья казалась успешной. И в конце 2005 г., в Женеве на международной конференции экспертов из непризнанных государств тогдашний замминистра иностранных дел Карабаха Масис Маилян сказал: «Действительно, пример Косово может стать прецедентом для признания Нагорно-Карабахской Республики». Может быть, это балансирование на грани кавказской солидарности и избирательного *Rex Americana* и стало бы приобретением теперь уже кавказской политической мысли. Но упаковывавшая «косовский прецедент» риторика «демократических стандартов», «стандартов прежде статуса», скрывавшая контролируемый путь Косово к независимости — независимо от тех самых «стандартов», из-за нарушения и ради которых якобы и была предпринята агрессия против Югославии... риторика «стандартов», прикрывавшая оккупацию и отчленение Косово, наконец, была отброшена.

В ноябре 2005 г. Совет Безопасности ООН в руководящих принципах косовского урегулирования наконец «отвязал» вопрос о соответствии Косова демократическим стандартам от вопроса об определении его статуса. Спецпредставителем в Косово стал Ахтисаари. В повестку дня вошла задача срочного решения проблемы статуса, а рамки статуса уже не содержали прямой привязки к территориальной целостности Сербии

и вообще не упоминали о ней. 17 ноября 2005 г. парламент Косово обязал своих переговорщиков исходить исключительно из не обсуждаемого принципа независимости. Запад не протестовал.

Прецедент агрессии 1999 г., созревший все эти годы в процессе легитимации результатов оккупации, подошёл к своему финалу. Контроль, «ручная настройка», «внешнее управление» стали фактом. Но ловушка захлопнулась.

30 января 2006 г. на совещании с членами правительства России Владимир Путин дал публичную инструкцию министру иностранных дел по статусу Косова:

«В. Путин: ...Это чрезвычайно важный вопрос для нас не только с точки зрения соблюдения принципов международного права, но и исходя из практических интересов постсоветского пространства. Все варианты предложенных решений... должны иметь универсальный характер. Для постсоветского пространства это очень важно. У нас, к сожалению, еще не все конфликты разрешены на постсоветском пространстве, и мы не можем идти по пути, согласно которому в одном месте будем применять одни принципы, а в другом — другие.»

С. Лавров: Обязательно будем это делать, тем более что в ходе подготовительной работы некоторые наши партнеры по Контактной группе пытаются записать в документы этой группы тезис о том, что Косово — это уникальный случай и не создает прецедентов.

В. Путин: Уникальные для того, кто хочет обойти общие принципы международного права. Эту "уникальность" мы уже видим на протяжении последних лет в отдельных регионах мира. И к чему ведет эта "уникальность", все хорошо понимаем».

На следующий день, 31 января 2006 г., на пресс-конференции для российских и иностранных журналистов, отвечая на вопрос грузинской телекомпании «Мзе» («Вы вчера заявили, что решение косовского вопроса должно носить универсальный характер. А означает ли это, что в случае признания Косово Россия поддержит такого же рода решения в отношении всех замороженных конфликтов на постсоветском пространстве, в том числе абхазского и южноосетинского?»), Путин развил свою мысль: «Если кто-то считает, что Косово можно предоставить

полную государственную независимость, то тогда почему мы должны отказывать в этом абхазам или южноосетинам. Я сейчас не говорю о том, как будет действовать Россия. Но мы знаем, например, что Турция признала Республику Северный Кипр. Я не хочу сказать, что и Россия тут же немедленно признает Абхазию или Южную Осетию в качестве независимых и самостоятельных государств, но такие прецеденты в международной жизни есть... нужны общепризнанные, универсальные принципы решения этих проблем».

Сербский эксперт Мирослав Йованович писал об этом: «Более чем очевидно, что Россия не согласится на то, чтобы способ решения и само решение проблемы Косова были объявлены единственным и исключительным в международной практике случаев. А это, в свою очередь, рано или поздно создало бы необходимые условия для использования подобного прецедента в процессе провозглашения независимости других спорных территорий, в частности, на просторах бывшего СССР, в чем Россия весьма заинтересована... Если принять все это во внимание, то возникает справедливый вопрос, имеет ли Россия что-нибудь против самой независимости Косова как таковой. Учитывая выступления высоких российских политиков, складывается впечатление, что нет. Россия только настаивает на достижении договоренности Белграда и Приштины, на уважении к происходящему и на тезисе, что таким образом обретенная независимость является прецедентом в международной практике»¹³.

С тех пор позиция России в отношении «косовского прецедента» ни на йоту не изменилась, а иностранные исследователи русской политической мысли, по-видимому, оказались не готовы к, в общем-то, очевидному применению «прецедентного права» не только на территории Pax Americana. Последовавшие комментарии продемонстрировали серьёзный кризис того «молчаливого консенсуса» вокруг Косово, когда взаимная ложь о территориальной целостности Сербии и «стандартах» лишь прикрывала неуклонную реализацию плана, озвученного International Crisis Group.

В новых обстоятельствах советник министра обороны Армении Гайк Котанджян предпочёл вернуться назад, в то время, когда неумолимую

¹³ См. об этом: Йованович М.: «Русское вето»: сербская политика между желаемым и реальным//<http://www.regnum.ru/news/810621.html>

логику суверенизации Косово ещё можно было упаковать в «незавершенность процесса косовского урегулирования», и призвал «пока воздержаться от суждений о границах применения косовского прецедента при разрешении карабахского конфликта. Хотя заявление президента России Владимира Путина, безусловно, заслуживает самого пристального внимания. Неоспоримо то, что для определения меры прецедентности косовского урегулирования полезен непредвзятый сравнительный анализ обоих конфликтов... Проводя политико-правовые и исторические параллели между косовским и карабахским конфликтами, можно с некоторыми оговорками утверждать, что Косово, Албания и Сербия в схематическом сопоставлении в своих общих характеристиках могут быть соотнесены соответственно с Карабахом, Арменией и Азербайджаном». Котанджян стал, наверное, первым государственным служащим высокого ранга, кто в позитивном ключе сравнил идеологию объединения Армении и Карабаха с неоднократно раскритикованным и прямо запрещённым кураторами Косова проектом объединения Албании и Косово¹⁴. Впрочем, это сравнение имеет под собой самые существенные обстоятельства: идеология ирредентизма, то есть освобождения и объединения близких или идентичных этносов в рамках одного государства, не исчерпалась с объединением Германии. Это по-прежнему живо и в отношении Венгрии к румынской Трансильвании, и в отношении самой Румынии к Молдавии, и в отношении Северной Осетии к Южной, и в отношении Азербайджана к Иранскому Азербайджану.

Интеллектуальный кризис сторонников косовской «беспрецедентности» толкал их всё глубже в публичные противоречия. Традиционно развешенная и одновременно неуязвимая в своей герметичности риторика авторов косовского проекта умерла. Она уступила место редкостным по примитивности рассуждениям евроатлантических чиновников, политиков, экспертов¹⁵, в иные дни успешно апеллирующих к равенству прав и перед законом, — об «уникальности» косовского казуса, о том, что все конфликты имеют свою историю и т. п.

¹⁴ Следует отметить, что вскоре армянская сторона оставила колебания: «Мы рассчитываем на международный прецедент отделения, подобного нашему: официальное отделение Косово от Сербии...», — заявил в ноябре 2006 г. президент Нагорного Карабаха Аркадий Гукасян, а позже, в июле 2007 г. сделал вывод: «Если независимость Косово будет признана, возникнет вопрос, почему не должна быть признана независимость Карабаха».

¹⁵ Один из них, российский историк Артем Улунян, подвергая сомнению «прецедентность», с присущим ему апломбом обнажил свою дремучую некомпетентность. «Есть один крайне важный, с моей точки зрения, аспект, — говорит он. — в Косово нет иностранных граждан. Там живут граждане

Кто бы спорил: люди тоже все разные, но имеют равные права. Историческое событие тоже есть уникальный результат комбинации факторов, но всё случившееся в истории — уже прецедент. Даже столь привечаемая на Западе русофобия «новых демократий» Восточной Европы отталкивается именно от (недобросовестных, но принимаемых) ссылок на исторический опыт русского или коммунистического империализма, то есть на прецеденты, моральные страдания от которых смогут немного уменьшить, наверное, лишь требования контрибуции от современной России. Этот взбесившийся прецедент восточно-европейских националистов нисколько не умиротворяется их же собственными, но идентично исполненными под диктовку «большого брата» суждениями о «беспрецедентности» Косово. Хотелось бы посмотреть, как они будут объяснять евреям «беспрецедентность» Холокоста лишь потому, что он кем-то толкуется не как геноцид, родовая характеристика нацизма, а как уникальное следствие детских травм Гитлера. Вся борьба с фашизмом — это борьба против последствий его прецедента, самой возможности его повторений, теперь, после Холокоста, обоснованно заставляющего находить в любой игре с фашизмом — Освенцим. Отнюдь не случайно именно те, кто твердит об «уникальности» Косово, упорно не хотят видеть возрождённого государственного ультра национализма, неонацизма и расизма в Восточной Европе, героя современной Украины гитлеровца Шухевича.

Совсем недавно вступив в хор борцов против прецедента и ещё неловко борясь с противоречиями, официальная Украина невольно обнажает и существенные противоречия в идеологиях косовского проекта и другого трансатлантического проекта — организации ГУАМ (Грузия, Украина, Азербайджан, Молдавия). Если в отношении Косово Украине рекомендовано без затей утверждать «уникальность», то в пространстве ГУАМ, то есть как раз в ландшафте потенциальных наследников универсального прецедента, Украина принуждена быть изобретательной (быть гарантом приднестровского урегулирования, претендовать на направление

Косово, имеющие старые югославские паспорта и документы ооновской миссии. Что же касается территорий, к которым сегодня принято примерять этот прецедент, то, за исключением Карабаха, там живут по паспортам иностранного государства, в данном случае России. Участие международного сообщества в косовской ситуации, с моей точки зрения, не позволяет говорить о принципе прецедентности». Улуяну будет интересно узнать о массовом (параллельно с российским или иным) приднестровском гражданстве, о десятках тысяч абхазских граждан в Абхазии и гражданах Южной Осетии, составляющих абсолютное большинство в своей республике.

своих миротворцев в Абхазию, поставлять вооружение) — и, страшно сказать, создавать прецедентные механизмы в отношении конфликтов. Получается абсурдно. В одни и те же дни ноября 2007 г.: министр иностранных дел Украины Арсений Яценюк твердил, что дело Косово уникально и неприменимо в других конфликтах, а его заместитель Андрей Веселовский от имени МИД заявлял, что «механизмы разрешения конфликта в Приднестровье могут стать примером для других непризнанных республик — Южной Осетии, Абхазии и Нагорного Карабаха». Логика рушится, если когда и была.

Crisis Group и её последователи так аргументировали невероятную срочность и уникальность косовской независимости: нужна стабильность, а нетерпение косоваров вот-вот её нарушит — значит, надо немедленно удовлетворить требования косоваров, тем более что они априори признаны справедливыми. И так, стабильность? А кто угрожает ей, так или иначе воссозданной, в Приднестровье, Абхазии, Южной Осетии? Разве не Молдавия? Не стремительно на деньги Запада оснащающая себя наступательной инфраструктурой и профессиональными боевиками Грузия? Нетерпение? Но косовары «терпят» свою фактическую независимость всего восемь лет, в то время как терпение абхазов, осетин и приднестровцев уже приближается к двум десяткам лет. Ожесточённость былого конфликта? Вот глава миссии ОБСЕ в Молдавии Уильям Хилл заявил, что ситуация в Приднестровье «абсолютно несравнима с тем, что происходило и происходит в Косово... нет такой этнической и религиозной враждебности, которая есть в Косово. В Молдавии значительно легче достичь урегулирования. Поэтому не нужно будет принимать такие меры, как в Косово». А разве не крайнее, многократно задокументированное ожесточение и преступления против человечности продемонстрировали румынские националисты во время неспровоцированной агрессии в Приднестровье, грузинские националисты — в Абхазии и Южной Осетии? И если представитель ОБСЕ утверждает, что «такие меры, как в Косово» продиктованы ожесточением между сторонами конфликта, то, следуя его логике, не следует ли непризнанным государствам бывшего СССР форсировать ожесточение ради достижения независимости? Однако и Приднестровье, и Абхазия, и Южная Осетия, в отличие от Косова, — действующие мультиэтнические государства. И на эскалацию и возобновление конфликта идут не они, а Грузия, уверенная, что эта эскалация не будет поставлена ей в вину с «косовской» жёсткостью.

И никакой Ахтисаари не скажет ей, что «грузины виноваты как народ», и никакой Буш не предопределит, что «независимость Южной Осетии неизбежна».

Государственный советник президента Южной Осетии Константин Кочиев дал исчерпывающее описание ситуации: «Западные посредники... всячески пытаются утвердить тезис об уникальности косовской ситуации во всяком случае, что Косово ни в коем случае не может даже рассматриваться как прецедент, имея в виду давно самоопределившиеся, но до сих пор не получившие международного признания четыре республики на постсоветском пространстве — Южную Осетию, Абхазию, Приднестровье и Нагорный Карабах. Тезис об уникальности в понимании Запада преломляется как правомерность применения двойных стандартов, которые допускают признание независимости Косова, но не должны подавать никаких надежд Южной Осетии, Абхазии или Приднестровью. Для объяснения этого подхода изобретаются самые причудливые и странные аргументы. Все эти аргументы лежат вне правовой плоскости, вроде того, что уровень взаимной неприязни между сербами и албанцами настолько высок, что о совместной жизни не может быть и речи, тогда как по отношению к Южной Осетии те же люди исходят из принципа «стерпится — слюбится». Получается, что осетинам, исходя из такой логики, следовало устраивать этнические чистки и брать курс на строительство моноэтнического государства?.. "Уникальность" критерием быть не может по определению... Прецедент возникнет неизбежно; запреты даже думать об этом никого не остановят, сработают те же архетипы сознания, которые легли в основу англосаксонской модели прецедентного права, восходящего к древним варварским правдам. Весьма странно, кстати, что толкуют об уникальности Косова в плане возможности его признания именно представители англосаксонской правовой культуры, которые с молоком матери впитывают соответствующее правосознание, основанное на прецедентах»¹⁶.

¹⁶ Неправовой и несправедливый смысл «уникальности» очевиден, конечно, и для сербов. Весной 2007 г. премьер-министр Сербии Воислав Коштуница подчеркнул: «Сербия не может быть исключением из правил. На это представители некоторых европейских стран заявили, что случай Косово — уникален. Любая страна — уникальна, но правила и законы, применяемые к уникальным странам должны быть универсальными».

Итак, созданный Соединёнными Штатами статус Косово прецедентен, как прецедентно любое историческое событие, и универсален, как универсально любое правовое решение. Его масштабное влияние неизбежно. Любое решение судьбы реально существующего Косово — ловушка для Запада. Потому что не только вся история легитимации Косово, но и любой будущий официальный статус Косова для постсоветского пространства, как и для всех, кто ищет себя на пути независимости, — перспектива, несовместимая с единством метрополий. На деле — это такой масштаб официальных полномочий и прав, которые, будучи в истекшие годы реализованными лишь неофициально, уже разрушили Молдавию, Грузию и Азербайджан. Теперь, как отметил один молдавский интернет-журнал, как бы ни был решён приднестровский (косовский, абхазский, осетинский, карабахский) вопрос, прежней Молдавии (Сербии, Грузии, Азербайджана) уже не будет никогда.

ВВЕДЕНИЕ

Очевидным фактом истории является то, что мир, состоящий из народов, характеризуется взаимодействием и взаимозависимостью. Это выражается в различных формах сотрудничества, а также конфликтов. Для организации своей деятельности народы строят государства, в рамках которых развивают внутренние и внешние связи. В современную эпоху многие общественные, неправительственные, а также правительственные организации бросают вызов существованию государства. Однако, несмотря ни на что, этому образованию нет альтернативы в системе международных отношений. Известно, что государства состоят из населения и территории, на которые распространяется их суверенитет. При этом суверенитет должен подкрепляться международным признанием. В настоящее время в мире существует 192 международно признанных государства, и практически все они многонациональны. Вместе с тем на земле проживает около двух тысяч народов. Может ли каждый народ иметь свое национальное государство? Этот вопрос является одним из наиболее актуальных в современную эпоху.

С одной стороны, важнейшей тенденцией мирового развития являются максимальная открытость государств, свободный обмен населением, товарами, культурными ценностями. И это требует придания известной условности межгосударственным границам. С другой стороны, существует и иная тенденция — порой не менее заметная и действенная в своих проявлениях. Она заключается в стремлении отдельных этнических групп населения к обособлению в рамках национального государства. В таких случаях налицо тенденция к частичному ограничению внешних связей государства. И хорошо, если вопрос обособления поддается регулированию с помощью известного набора средств самоуправления. В некоторых случаях, особенно если этническое меньшинство связано с большим или малым этнически родственным государством, имеет место процесс трансформации этнических групп в политические и даже военно-политические.

В таких случаях происходит подрыв внутреннего единства государств, их раскол, что имеет долгосрочные последствия для других государств, международных организаций, региональной и мировой стабильности. Часто такие процессы имеют место в молодых государствах, образовавшихся после распада больших многонациональных государств. И здесь уже согласно неписаным законам глобализации к внутренним этническим противоречиям примешиваются интересы крупных региональных и глобальных игроков. Подобные процессы приводят к появлению такого международно-правового феномена, как непризнанные государства.

Итак, непризнанные государства чаще всего появляются в результате распада больших многонациональных государств. В этой связи трудно не согласиться с мнением тех, кто считает основным двигателем истории борьбу за наследство распавшихся империй. Так, почти четыре послевоенных десятилетия XX века были периодом борьбы за наследство британской и французской колониальных систем. В результате этого проявились североирландский, ближневосточный, кашмирский и прочие конфликты. Изменения геополитической конфигурации мира в последние полтора десятилетия произошли в результате распада СССР. Прямо или косвенно это привело к конфликтам в Боснии и Герцеговине, Косове, Приднестровье, Абхазии, Южной Осетии, Нагорном Карабахе. Большинство этих конфликтов представляют собой отделение частей территорий международнопризнанных государств и провозглашение на них государств непризнанных. Основной целью этих государств является приобретение международно-правового статуса в виде независимого государства. Юридической основой появления непризнанных государств является право народов на самоопределение, подтвержденное рядом документов ООН и других международных организаций. Однако принцип территориальной целостности государств, означенный в тех же документах, является средством противодействия отделению. Любой подобный конфликт проходит через военную стадию, заканчивающуюся перемирием и переговорами об урегулировании, которые часто длятся десятилетиями. Например, в 1969 г. для противодействия межобщинным столкновениям в Северную Ирландию были введены британские войска. Вывод войск, связанный с окончательным урегулированием конфликта, произошел в 2007 г. Таким образом, между началом конфликта и его окончанием прошло 38 лет. При этом он был урегулирован в рамках территориальной целостности Великобритании.

Однако кипрский конфликт так и не нашел своего урегулирования до сегодняшнего дня. Возникновение его связано с распадом Британской империи, хотя корни проблемы, как и на Ближнем Востоке, в бывшей

Югославии уходят в распад Османской империи. Исторически эта проблема во многом связана с географическим фактором, который играет важную роль в истории любого государства, особенно островного. Нахождение Кипра в Восточном Средиземноморье на пересечении стратегически важных путей из Европы на Ближний Восток и в Африку всегда играло роль конфликтного потенциала как на самом острове, так и вне его границ. Остров был объектом внимания различных внешних сил. Чаще всего они стремились использовать его как плацдарм для ведения войн против государств Западной Азии либо сделать препятствием для ведения таких войн. И то, и другое предполагало оккупацию острова континентальными силами.

С выходом на историческую арену ислама и мусульманских государств географическое положение Кипра приобрело новое измерение — христианско-мусульманского пограничья. И вот уже христианские государства использовали Кипр как плацдарма для антиисламских войн, а мусульмане — как плавучую крепость, закрывавшую проход на Ближний Восток. И нынешнее положение на острове в определенной степени носит черты этой военно-стратегической практики, сложившейся больше тысячи лет тому назад. Время сократило до минимума религиозную составляющую кипрского противостояния, но оставило в силе главную цель внешних сил — использование острова как плацдарм для нападения на потенциального противника или как преграды на пути проникновения этого противника в глубь стратегически важной территории.

Одна из первых попыток превращения острова в препятствие на пути «западных» сил на мусульманский Восток была следствием обеспокоенности подданных дамасского халифа Абдель Малика возможностью использовать Кипр для угрозы Сирии и Палестине. Поэтому в 688 г. н. э. между византийским императором Юстинианом II и Абдель-Маликом был подписан договор, согласно которому на Кипре не должно было быть византийских или иных военных контингентов. Кроме того, по условиям договора остров не мог быть использован в качестве базы для военных действий, а доходы, получаемые на Кипре, должны были поровну делиться между казной халифа и императора. Так был создан первый прецедент по совместному управлению островом двумя внешними силами.

Следует отметить, что в 743, 806 и 912 гг. арабы вторгались на Кипр из-за нарушения византийцами указанного договора. С 965 г. остров вновь перешел под единоличное управление византийского императора.

В XI веке одновременно с крестовыми походами начался период использования территории Византии, в том числе и Кипра, как плацдарма для нападений на ближневосточные владения турок-сельджуков. Однако после образования крестоносцами своих государств в Сирии и Палестине западные силы стремились захватить Кипр для его использования как с оборонительной, так и с наступательной целями. То есть остров должен был защищать с моря государства крестоносцев в Сирии и Палестине, но служить базой для наступления на Египет и сельджукские владения в Малой Азии. В 1156 г. на остров напал правитель Антиохийского княжества Рено Шатийонский, а в 1191 г. его захватил Ричард Львиное Сердце, который первым делом заставил православных греков сбрить бороды. Династия франкских рыцарей Лузиньянов правила на острове с 1192 по 1489 г. После них и вплоть до Османского завоевания 1571 г. Кипр находился под контролем венецианцев. Излишне говорить, что два последних периода истории острова озаменовались его использованием для борьбы против мусульманских правителей под эгидой Папы Римского.

Присоединение острова к владениям турецкого султана положило начало формированию геополитической конфигурации, существующей вокруг острова сегодня. Стала формироваться турецкая община, которая наряду с греческой играла важную роль в политической и хозяйственной жизни острова. Наличие двух общин было должным образом использовано Великобританией, владевшей островом с 1878 по 1960 г. Обретение Кипром независимости в 1960 г., конституция страны, принятая в тот период, привели к эскалации межобщинного насилия в 1963 г., когда началась горячая фаза межнационального конфликта, которая с перерывами длилась до 1974 г. и закончилась оккупацией Турцией северной части острова. После этого наступил период межобщинных переговоров по выходу из кризиса. Однако он привел только к закреплению раскола острова на две части в 1983 г., когда было провозглашено создание Турецкой Республики Северного Кипра (ТРСК).

Особенностью кипрского конфликта является то, что в этом случае процесс самоопределения затронул два народа, не ощущавших единой гражданской идентичности. Поэтому за самоопределением путем отделения от метрополии здесь последовали акции самоопределения путем отделения от своих соседей по стране. Целью данного исследования является изучение различных аспектов кипрской проблемы, в особенности внутренних и внешних причин, приведших к появлению на Кипре непризнанного государства. Актуальность его заключается в том, что суверенная и международно признанная

Республика Кипр уже 33 года как контролирует только часть своей территории, являясь единственной разделенной страной ЕС. При этом самопровозглашенная ТРСК является первым подобным образованием в Европе после Второй мировой войны. Столица страны — Никосия — уже дольше, чем когда-то Берлин, является разделенным городом. Разные периоды кипрской проблемы характеризовались разной степенью воздействия на нее внешних сил, уменьшения влияния одних и усиления других из них. Греция и международно признанная Республика Кипр стремятся воссоединить Кипр под эгидой центрального (греческого) правительства. Турция и Северный Кипр ведут последовательную работу для укрепления международного положения ТРСК, достижения ее признания мировым сообществом. Они пытаются убедить его в закономерности существования поделенного на две части Кипра как единственно возможной гарантии мира и стабильности на острове с точки зрения кипрской истории и географии. При этом настоящее состояние конфликта, так же как и различные стадии его развития в прошлом, — следствие воздействия на него глобальных и региональных игроков в зависимости от их интересов. Интересы эти привели к тому, что ТРСК продвинулась значительно дальше по пути международного признания, чем аналогичные образования на постсоветском пространстве.

Вследствие этого настоящее исследование в значительной мере нарушает тенденцию к защите греческой и греко-кипрской точки зрения на события, имевшей место в большинстве исследований кипрской проблемы советскими и российскими авторами. Подобная тенденция являлась отражением советской и до определенной степени российской политики в регионе Балкан и Восточного Средиземноморья. Данное исследование уделяет значительную долю внимания турецкой и турко-кипрской трактовке событий, что имеет своей целью способствовать лучшему пониманию положения ТРСК для оптимальной реализации российских интересов в указанных регионах, а также на постсоветском пространстве. Это перекликается с мнением ряда ведущих российских дипломатов и международных экспертов, настаивающих на необходимости присутствия России с обеих сторон кипрского конфликта. Подтверждением тому являются определенные подвижки в российской позиции, обнаружившиеся в последние годы.

Вполне вероятно, что подобные подвижки имели место ввиду известной общности внешнеполитических задач РФ и Турции. Ведь обе страны, бывшие многонациональными империями, сталкиваются с проблемами решения вопросов зарубежных соотечественников. К тому же специфика географического и политического положения обеих стран требует

серьезного внимания к созданию оборонного пространства вне границ страны. Реализация подобной задачи требует создания оборонительных рубежей на подступах к их территориям. А это возможно только в случае сохранения влияния, а еще лучше — военного присутствия в регионах, являвшихся ранее частью этих территорий. В этой связи напрашивается аналогия между положением ТРСК на Кипре и непризнанных государств на постсоветском пространстве.

Не секрет, что, будучи первым проявлением противоречия между правом народа на самоопределение и территориальной целостностью государства в послевоенной Европе, кипрский конфликт является хрестоматийным с точки зрения постсоветских конфликтов, взаимоотношений между мировым сообществом, бывшей метрополией и ее бывшей частью. Модельный характер имеет и урегулирование проблемы посредством ООН, которое также частично применялось в конфликтах на пространстве СНГ. Вследствие этого исследование уделяет значительное место механизму принятия соответствующих резолюций ООН, содержанию некоторых из них. В этой связи проявляется еще одна, пожалуй, решающая черта кипрского конфликта, повторяющаяся применительно к конфликтам на постсоветском пространстве, а именно уже упоминавшаяся прямая зависимость степени успеха урегулирования от интересов крупных региональных и мировых акторов международной политики. Поэтому исследование имеет своей целью изучить схожесть положения ТРСК с положением непризнанных государств на постсоветском пространстве, степень использования ее опыта в их государственном строительстве и международной деятельности по достижению признания. Это призвано содействовать выработке более определенного отношения к разным непризнанным государствам, определить их перспективы, продемонстрировать степень целесообразности их существования с точки зрения интересов основных глобальных и региональных игроков. Определенные подвижки в проблеме непризнанных государств, связанные с положением в Косово, противоречия между РФ и ее западными партнерами по Совету Безопасности ООН придают еще большую актуальность проблеме непризнанных государств. В этой связи положение ТРСК и множество данных, свидетельствующих о фактическом ее признании, делает опыт этого непризнанного государства ключевым звеном не только кипрской проблемы, но и практически всех проблем, связанных с противоречием между принципом территориальной целостности государств и правом наций на самоопределение на пространстве ОБСЕ.

САМООПРЕДЕЛЕНИЕ ПО-КИПРСКИ: ДВА ПЛЮС ТРИ

Исходной причиной кипрского конфликта можно считать наличие на острове двух крупных общин — греческой и турецкой. После развала Римской империи с 395 по 1191 г. Кипр был частью Византийской империи, что окончательно определило греческий этнический характер острова. С 1191 по 1571 г. Кипр находился под управлением французов и венецианцев. При этом роль, которую играла религия в тот период, способствовала тому, что местное православное население, практически лишенное права проживать в городах, серьезно угнеталось католическими землевладельцами, предпринимавшими постоянные попытки насильственного обращения греков в свою веру. Не удивительно, что большинство греков приветствовало появление на Кипре турецких войск как освободителей от гнета католиков⁶.

Присоединение острова к Османской империи ознаменовалось двумя важными событиями в его истории. Во-первых, турки действительно облегчили положение местного населения. Они ликвидировали крепостное право. Крестьяне-греки получили право выкупа земли, которую они прежде обрабатывали как подданные католических феодалов. Османы применили на Кипре традиционную для своей страны систему управления, опиравшуюся на религиозные общины (миллеты). Так, турки признали право иерархов греческой православной церкви управлять делами общины, то есть практически всем островом. Во главе его был поставлен архиепископ, наделенный правом прямого обращения к султану. Греческая православная церковь не платила налоги властям, но была ответственна за их сбор с населения и передачу в османскую казну.

Таким образом, греки-киприоты после 400-летнего перерыва были вновь допущены к управлению делами острова, а их церкви был придан статус лидирующей политической силы. Исключительные права церкви подтверждались султанскими указами 1572, 1660 и 1754 гг.⁶ Это дало грекам возможность развития своего культурного наследия, сохранения национальной идентичности, способствовало развитию греческой кле-

рикальной и торговой элит, возглавивших в дальнейшем антиосманское, а затем и антибританское освободительное движение.

Вторым важным событием, коренным образом изменившим ситуацию на острове, было появление новой общины — турок-мусульман. Причиной форсированной миграции турок на остров было тяжелое экономическое положение, сложившееся в результате войн, истребления и изгнания католической части населения. Турецким солдатам и чиновникам администрации, служившим на Кипре, предоставляли земельные наделы с условием, что они и их семьи останутся там жить. Кроме того, остров, на котором традиционно свирепствовала малярия, был местом ссылки для турок, провинившихся перед властями. С той поры в турецком языке сохранилась поговорка: «Того, кто говорит правду, ссылают на Кипр». Следует отметить, что мусульманская община острова не имела права прямого обращения к султану. Звучит парадоксально, но и при султанах турки-киприоты были до известной степени ущемлены в политических правах по сравнению с греками. Однако чувство принадлежности к доминировавшей в империи мусульманской общности несколько смягчало недовольство турок лидирующим положением греков.

Итак, на Кипре появились две официально признанные общины, с которыми по сей день ассоциируется политическое, экономическое и культурное положение острова. При этом следует указать на то, что, несмотря на религиозные различия, основной социально-хозяйственной ячейкой на острове была сельская община, которая могла состоять из представителей как греков, так и турок. Неудивительно, что крестьянские восстания, имевшие место при османском правлении, были совместными выступлениями представителей двух народов против налогового гнета.

Несмотря на бесконфликтное в основном сосуществование греков и турок на острове, значительное количество межобщинных браков, относительно легкий переход меньшей части христиан в ислам и некоторых мусульман в православие, на острове не сложилось единой кипрской общности населения. Причиной тому, прежде всего, были религиозные различия, система «миллетов», согласно которой каждая община пользовалась отдельными правами в области самоуправления, образования, судов и т. п. Возможно, что такая система и была до определенного времени залогом мира и стабильности на острове.

Однако особые права часто создают особые ожидания у их обладателей. Относительно большая степень автономии греческой право-

славной церкви в Османской Турции привела к росту национального греческого самосознания. Известно, что в конце XVIII века в среде греческих интеллектуалов появились идеи создания независимого греческого государства на греконаселенных землях Османской империи. Излишне говорить, что идея присоединения Кипра к этому государству стала популярной и у греков-киприотов. Таким образом, в греко-киприотской среде появились зачатки идеи «эносиса» («союза», то есть присоединения к греческому государству), и поныне не потерявшей своей привлекательности для значительной части кипрского населения. Термин «эносис» берет свое начало в панэллинской «Великой идее» («Мегали идея»), согласно которой Греция должна включать в себя все греконаселенные территории, которые определялись по книгам древнегреческого историка и географа Страбона. Располагались они с запада на восток — от Сицилии до Малой Азии; с севера на юг — от Черного моря и Македонии до Кипра.

Начало войны за независимость Греции (1821) привело к антигреческим репрессиям по всей территории империи. И хотя на Кипре не было антитурецких выступлений, 470 духовных лиц, в том числе архиепископ, митрополит и многие другие, были обвинены в помощи повстанцам и казнены. Однако и это не привело к греко-турецким столкновениям на Кипре. Достаточно сказать, что уже в 1830 г. крестьяне, как греки, так и турки, совместно выступили против властей. И новый архиепископ острова был вынужден искать убежища в резиденции турецкого наместника⁶.

Образование независимого греческого государства сыграло свою роль в консолидации греков-киприотов, развитии греческого национального самосознания. Киприоты, получавшие образование в Греции, возвращались оттуда горячими сторонниками эносиса. Следует отметить, что в 1878 г. Турция и Великобритания заключили договор, по которому последняя обязывалась защищать Турцию от России. Согласно этому договору Британская империя получила возможность оккупировать Кипр, формально остававшийся в рамках османского суверенитета, и должна была «вернуть» остров Турции в случае уменьшения или исчезновения так называемой «российской опасности»²⁹. В 1914 г. с началом Первой мировой войны Кипр был аннексирован Великобританией. Таким образом, на момент отхода острова к Великобритании в 1878 г. там сложилась значительная прослойка греческого духовенства, интеллигенции и буржуазии, готовая вести борьбу за объединение с Грецией.

Установление на острове британской власти привело к изменению межобщинных отношений. У обеих общин появились поводы для недовольства. Турки, которые в 1881 г. составляли 24 процента населения острова, утратили свой не слишком оправданный статус политически и военно доминировавшей общины. Оказавшись в рамках действия либеральной британской социальной модели, укреплявшей власть буржуазии, турки, в отличие от греков не имевшие сильного предпринимательского класса, превратились в слабое звено кипрского общества. Кроме того, англичане относились к грекам-христианам лучше, чем к туркам-мусульманам. Это было связано в том числе и с тем, что в британских гимназиях изучали греческий язык и античное наследие как основу европейской цивилизации. Турки же не имели «цивилизационного» ресурса.

Однако британская модель правления предполагала секуляризованное общество, поэтому британская администрация отменила привилегии, дарованные султаном греческой православной церкви. В связи с тем, что кипрское общество за 300 лет церковного доминирования было практически полностью управляемо церковью, это привело к значительному росту антибританских настроений. Таким образом, как британская администрация, так и турецкое меньшинство столкнулись на Кипре с хорошо организованной благодаря церкви, экономически сильной греческой общиной, что объективно вело их к сотрудничеству. В Лондоне с его богатым колониальным опытом хорошо знали, насколько важны поддержка и укрепление меньшинства для лучшего контроля над большинством, представители которого занимали почти все ключевые посты в британской колониальной администрации.

Получив власть над островом, Великобритания произвела там административную реформу, учитывавшую турецкий опыт отдельного развития общин. При губернаторе был учрежден совещательный административный совет, состоявший из авторитетных представителей двух общин, избиравшийся самими общинами по фиксированным квотам. Создавались также специальные советы, которые самостоятельно решали вопросы развития религии, культуры в рамках своей общины. Была реформирована система образования, учреждены общегражданские школы, этнические по характеру. При этом новая администрация стимулировала привлечение учителей из «родственных» стран. Это приводило к росту национального самосознания у представителей обеих общин.

Результаты не замедлили себя ждать. Уже в конце XIX века увеличилось число обращений греков-киприотов в британскую администрацию с требованием разрешить Кипру объединиться с «матерью-Грецией». В 1897 г. во время греко-турецкой войны за Крит несколько сотен добровольцев-киприотов приняло в ней участие. Напомним, что в войне за независимость Греции киприоты практически не участвовали. Победа греков в этой войне и изгнание турок с Крита увеличили обеспокоенность турок-киприотов, опасавшихся, что эносис на Кипре будет иметь для них те же последствия. Именно к тому периоду относится первое, еще мирное противостояние греков и турок на Кипре: в ответ на требования эносиса турки в административном совете при губернаторе стали блокировать предложения греков по хозяйственным вопросам.

Тем временем агитация за эносис не прекращалась: греки-киприоты учились по греческим учебникам. В 1901 г. английский инспектор по делам образования отмечал, что кипрские школьники поют греческие патриотические марши, один из которых, например, призывает следовать за барабанщиком, который ведет в бой против турок. Неудивительно, что уже в 1912 г. двое крестьян-турок были избиты греками недалеко от Лимасола. Это переросло в один из первых на острове турецких погромов, произошедший в турецком квартале города¹⁵.

Однако препятствием на пути эносиса были не только опасения турецкого населения, но и политика Греции, отказавшейся вступить в Первую мировую войну на стороне Антанты. Это прекратило изучение британской стороной вопроса о реализации эносиса. Период после войны ознаменовался греческой интервенцией в Турции, греко-турецкой войной, массовым взаимным кровопролитием и поражением греков. В 1922 г. Турция и Греция договорились об обмене населением, в результате чего греки покинули районы своего традиционного проживания в Малой Азии. Кипр теперь находился в 400 км от ближайшей греческой территории (острова Родос). Эти события также не добавили светлых тонов в постепенно ухудшавшиеся греко-турецкие межобщинные отношения на Кипре. Отсутствие общей киприотской идентичности приводило к тому, что определяющими в межобщинных отношениях стали не собственно кипрские события, а противоречия между «родственными» или «материнскими» государствами.

Справедливости ради следует отметить, что, согласно упоминавшейся уже логике поддержки меньшинства, британские власти, в основном

опиравшиеся на греческое большинство, в период между мировыми войнами стремились все больше и больше заручиться поддержкой турок. Они осознавали, что основная угроза их власти исходила от высокой степени консолидации греческой общины и сильных юнионистских настроений среди ее представителей.

При этом следует отметить, что сильных антигреческих настроений в турецкой общине еще не было. И здесь трудно не согласиться с мнением российского ученого О. Бредихина, утверждавшего, что причиной тому был процесс «вычленения новой турецкой идентичности из общеосманской», имевший место в период между двумя мировыми войнами⁶. Реальные антитурецкие настроения греков тоже не приводили к столкновениям, так как главным препятствием на пути эносиса объективно были англичане, а не турки.

Новый всплеск борьбы греков за эносис произошел в 1931 г., когда по всему Кипру произошли массовые выступления против англичан. В этой связи британская администрация была вынуждена принять меры против роста греческого и турецкого национализмов на острове. Был введен запрет на использование государственных символов как Греции, так и Турции. Изменилась практика привлечения учителей: во избежание «импорта» националистической пропаганды из Греции и Турции на Кипре был открыт специальный колледж для подготовки учителей. Перед началом Второй мировой войны Великобритания обещала смягчить эти жесткие ограничительные меры. Британские власти были заинтересованы в лояльности колоний перед надвигавшейся войной.

Во время Второй мировой войны греки-киприоты проявили полную лояльность метрополии. Причиной тому было нападение Германии на Грецию. На стороне союзников в Греции сражался шеститысячный кипрский полк, а всего в войне против Германии приняло участи до 30 тысяч греков-киприотов¹. Неудивительно, что после войны греки-киприоты стали требовать от метрополии освобождения, которое они понимали как эносис. В ответ на эти требования в 1947 г. британские власти предложили провести конституционную реформу. Согласно ей на острове предполагалось создать законодательный орган в составе 18 греков-киприотов, четырех турок и четырех официальных английских представителей. Председателем назначался сам губернатор. Также предполагалось создать исполнительный орган в составе трех греков, одного турка и четырех членов законодательного собрания.

Предлагаемые органы могли решать все вопросы, кроме нахождения Кипра в составе Великобритании. При этом губернатор был вправе не учитывать рекомендаций исполнительного совета.

Естественно, что такое предложение было отвергнуто греками-киприотами, точнее церковью, игравшей основную роль в освободительном движении. Руководство церкви решило провести плебисцит с целью продемонстрировать британской администрации стремление киприотов к свободе. Во главе кампании по проведению плебисцита встал молодой епископ Китонский — Макариос, ставший впоследствии первым президентом Республики Кипр. Турецкая община выступила против эносиса. В 1948 г. впервые состоялась 15-тысячная манифестация турок-киприотов под лозунгом противодействия объединению острова с Грецией⁶.

Плебисцит состоялся 15–22 января 1950 г. При этом 95,7 процента греков-киприотов проголосовали за эносис¹. За это же проголосовали некоторые турки, но основная часть общины по-прежнему опасалась перехода под власть Греции и выступала против этого. Великобритания не признала результатов плебисцита, однако он показал, насколько сложно будет удержать Кипр в составе империи. Учитывая уход из Индии, Палестины и обострение ситуации на Ближнем Востоке в связи с ее разделом, Кипр снова приобретал актуальность как стратегически важная точка контроля над Восточным Средиземноморьем. В этой ситуации удержание Кипра требовало ослабления позиций греков-киприотов при помощи единственно возможной силы — турок-киприотов. И Великобритания поддержала идею «таксима» (разделения), выдвинутую турками в ответ на эносис. Идея таксима заключалась в том, что туркам-киприотам будет невозможно жить в греческом государстве, поэтому, в случае присоединения Кипра к Греции, одна часть его должна быть присоединена к Турции.

К тому времени, кроме нескольких партий греков-киприотов, таких как Национальная партия, АКЕЛ и другие, уже существовала партия турок-киприотов — Турецкая партия национального единства во главе с Фазилем Кючюком, будущим первым и последним вице-президентом Республики Кипр. В 1949 г. возникла Федерация турецких ассоциаций Кипра, включавшая все турецкие общественные организации острова. Создание этих организаций поддерживалось Великобританией и ее союзником — Турцией¹.

Следует отметить, что сразу после войны Греция не проявляла особой активности в кипрском вопросе. Причиной тому была гражданская война 1946–1949 гг., тяжелое экономическое положение страны. В этой ситуации Греции не хотелось ухудшать отношения со своим потенциальным союзником по НАТО — Великобританией. Только после подавления восстания коммунистов, вступления в НАТО, а также улучшения экономического положения в результате плана Маршалла Греция открыто показала свою заинтересованность в кипрском вопросе.

Так, в 1953 г. греческий премьер-министр Папагос впервые поставил перед Великобританией вопрос об эносисе. Британский премьер-министр Иден отказался даже обсуждать этот вопрос. В 1954 г. Греция смогла внести кипрский вопрос в повестку дня ООН в качестве требования самоопределения для кипрского народа. Однако, несмотря на поддержку СССР, обсуждение вопроса закончилось безрезультатно. По предложению США и Великобритании в 1954 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию 814 (IX), согласно которой обсуждение кипрского вопроса откладывалось на неопределенный срок. Тем временем было принято решение о выводе британских войск из зоны Суэцкого канала. Таким образом, Кипр оказался единственным владением Великобритании в Восточном Средиземноморье, куда и было перемещено командование британскими войсками в регионе.

Кипрский вопрос был одним из точек соприкосновения британских и турецких интересов. В 1955 г. турецкий премьер-министр А. Мендерес потребовал в случае ухода англичан присоединить Кипр к Турции либо осуществить раздел острова. Так, лозунг таксима стал одним из главных принципов турецкой политики по отношению к Кипру. Осуществить таксим было довольно сложно, так как в тот период только 50 процентов населения острова жили в этнически однородных населенных пунктах. При этом 7 процентов населенных пунктов были только турецкими, а 40 процентов — смешанными греко-турецкими. В смешанных населенных пунктах греки составляли 72 процента населения, турки — 28 процентов. 65,5 процента турок и 38 процентов греков соседствовали между собой¹. В августе – сентябре 1955 г. в Лондоне состоялась Конференция по Кипру министров иностранных дел Англии, Турции и Греции. В ней приняли участие и представители греческой и турецкой общин острова.

На требование Греции предоставить Кипру право на самоопределение британский министр иностранных дел Макмиллан ответил отка-

зом, предупредив, что в случае самоопределения остров может быть разделен. Его поддержал и министр иностранных дел Турции Ф. Зорлу. В месте с тем в ходе конференции Турция сформулировала условия, при которых она готова была отказаться от раздела острова. Это образование партнерского государства двух общин, в котором ни одна из них не имеет преимуществ, ни одна из сторон не имеет право объявлять себя правительством другой, в котором запрещена пропаганда этноса и таксима. При этом Греции и Турции будет запрещено иметь на острове войска, а Кипр не должен быть членом организаций и пактов, членом которых одновременно не являются Турция и Греция¹⁰. Это предложение не устроило Грецию.

В советской историографии активность Турции в Кипрском вопросе в период борьбы острова за независимость, как правило, объясняли подстрекательством Великобритании. Конечно, это поверхностное объяснение, пропитанное духом холодной войны. Заинтересованность Турции в Кипре была не меньшей, чем Англии и Греции. И здесь в полной мере сыграли свою роль уже упоминавшиеся географический и военно-стратегический факторы. Кипр находится на расстоянии 70 км от Турции, но на расстоянии 800 км от континентальной Греции и 400 км от ближайшего греческого острова — Родос²³. Так, Великобритания нуждалась в Кипре как плацдарме для контроля над регионом Ближнего Востока; Греция — как в исторически греческой, стратегически важной территории, обладание которой повысит политическое значение страны в региональном и мировом масштабе, позволит вполне конкретно угрожать Турции со стратегически выгодного расстояния, а следовательно, сдерживать амбиции своего исторического соперника. Турции Кипр был необходим как преграда для проникновения потенциального противника в ее «мягкое подбрюшье» — стратегически важный и традиционно проблемный регион южной и юго-восточной Анатолии, граничащий с арабскими странами и Ираном. Кроме того, в этом регионе находились самые известные объекты турецкой военной инфраструктуры, например, база Инджирлик. Учитывая тактико-технические характеристики самолетов ВВС Греции того времени, остров был единственным местом, откуда они могли долетать до стратегически важных турецких районов без дозаправки.

Неслучайно на Лондонской конференции в январе 1964 г. министр иностранных дел Турции Ф. Дж. Эркин заявил: «...Кипр, географически являющийся продолжением Анатолийского полуострова, удобной ба-

зой для контроля над Восточным Средиземноморьем, точкой опоры оборонительной системы Турции, имеет жизненно важное значение для Турции не только из-за наличия там турецкой общины, но и по своему геостратегическому положению»¹⁸. Естественно, что пока, остров контролировала союзная Великобритания, Турция не проявляла беспокойности в связи со своими южными границами, но возможное укрепление на острове Греции, как следствие эносиса, по мнению Турции, представляло для нее потенциальную опасность.

Тем более что Греция не прекращала борьбы за Кипр. В ноябре 1954 г. на остров тайно приехал греческий полковник Г. Гривас, киприот по происхождению. При его активном участии в 1955 г. была создана националистическая организация ЭОКА (Национальная организация борцов-киприотов), которая методами террора стала бороться против британского правления. В ответ на создание ЭОКА турками-киприотами при поддержке британской администрации была создана боевая организация «Волкан» (Вулкан), позднее переименованная в ТМТ (Турецкая организация обороны). Более того, британская администрация усилила свою опору на турецкую общину острова путем привлечения турок-киприотов для службы во вспомогательной полиции. Убийства боевиками организации ЭОКА полицейских из числа турок, ответные действия организации «Волкан» положили начало межобщинным столкновениям на острове. Турки были изгнаны из многих смешанных деревень¹⁰. Так, в 1955 г. еще до провозглашения независимости на Кипре началась горячая фаза греко-турецких отношений.

Великобритания продолжала поиски вариантов сохранения своего господства на острове. В 1957 г. был предложен «план Макмиллана», согласно которому в течение семи лет Кипр должен был получить право на самоопределение. При этом там должен был быть установлен трехсторонний кондоминиум Англии, Греции и Турции. План был одобрен Турцией, но отвергнут Грецией и греками-киприотами. Тем временем межобщинные столкновения усиливались и в 1958 г. британские власти провели разделительную линию между турецкими и греческими кварталами Никосии. Это была первая линия раздела между общинами.

В конце концов Великобритания стала больше склоняться к варианту предоставления Кипру независимости, при котором она сохраняет свой суверенитет не над островом, а над военными базами на его территории. По времени это совпало с выдвижением Грецией и лидером гре-

ков-киприотов архиепископом Макариосом плана по предоставлению острову независимости под эгидой ООН. План был поддержан социалистическими и развивающимися странами и основывался на идее энонуса, практически означавшей, что сразу после предоставления острову независимости он станет частью Греции²³.

С точки зрения международного права в предложениях Греции не было ничего необычного. Согласно им Кипр должен был получить независимость в соответствии с принципом равноправия всех народов и правом на самоопределение, которые содержатся в Уставе ООН. Однако США и Великобритания понимали, что присоединение острова к Греции создаст проблемы с турецкой общиной, будет способствовать ухудшению греко-турецких отношений и дестабилизации на южном фланге НАТО, создав условия для более тесного советско-греческого сотрудничества. Вследствие этого США оказали давление на Грецию и Турцию, усадив их за стол переговоров.

Переговоры начались в начале 1959 г. в Цюрихе. В них приняли участие премьер-министры Греции и Турции Караманлис и Мендерес, министры иностранных дел двух стран. Позже в Лондоне к ним присоединились премьер-министр и министр иностранных дел Великобритании, и представители греческой и турецкой общин острова. Стороны договорились о создании на Кипре независимого государства. Договоренности эти были оформлены 19 февраля 1959 г., когда были окончательно обговорены все подробности независимости. Лондонское соглашение по Кипру было подписано Великобританией, Грецией, Турцией и двумя представителями кипрских общин — Макариосом и Кючюком, хотя последние не принимали участия в переговорах. Основой соглашений была двухобщинность острова, то есть обе общины получали право не нарушать исторических, этнических, языковых, религиозных, образовательных и прочих связей с двумя родственными государствами. Фактически эти соглашения были достигнуты Грецией и Турцией при британском патронате. Справедливости ради следует отметить, что горячий сторонник энонуса архиепископ Макариос был не согласен с подобной основой независимости, однако угроза раздела острова между Грецией и Турцией возымела свое действие; будущий первый президент Кипра подписал соглашения помимо своей воли.

Цюрихские и Лондонские соглашения состояли из нескольких договоров, которые закладывали основу политической системы независимого Кипрского государства. Это были — Договор о создании, Договор о гарантиях и Договор о союзе.

Все три договора и основы Конституции были подписаны 16 августа 1960 г. на Кипре. Этот день и считается днем независимости республики. Согласно Договору о создании Англия, Греция и Турция соглашались признать Республику Кипр, суверенитет которой распространялся на всю территорию острова за исключением районов двух британских военно-морских баз в Акротири и Декелии (264 кв. км), на которые и по сей день распространяется суверенитет Великобритании. Три стороны, подписавшие договор брали на себя обязательства консультироваться и сотрудничать в совместной обороне Кипра.

В Договоре о гарантиях страны-гаранты (Англия, Греция, Турция) брали на себя обязательства обеспечивать независимость, территориальную целостность и безопасность Кипра. Они обязывались запрещать любую деятельность, направленную прямо или косвенно на объединение Кипра с любым другим государством или на раздел острова¹. Такие же обязательства брала на себя Республика Кипр, обещавшая не участвовать в целом или частично в любом политическом или экономическом объединении с другим государством. Республика Кипр также объявляла запрещенной любую деятельность, которая может прямо или косвенно способствовать союзу с каким-либо государством или разделу острова¹. Три стороны-гаранта обязывались проводить консультации и предпринимать необходимые меры для осуществления этого договора. В случае невозможности совместных действий каждая из трех стран-гарантов сохраняла за собой право предпринимать действия с единственной целью — восстановление положения, предусмотренного договором.

Договор о союзе был подписан Грецией, Турцией и Республикой Кипр. По этому договору предусматривалась совместная оборона острова с размещением на его территории генерального штаба союза и воинских контингентов союзников. На Кипре могли находиться 950 греческих и 650 турецких солдат. Греческие солдаты и офицеры также составили значительную часть кипрской Национальной гвардии.

Конституция острова была основана на признании существования двух равноправных общин-соучредительниц — греческой и турецкой.

Каждая из них получала право строить особые отношения с «материнским государством», праздновать греческие и турецкие национальные праздники, использовать без всяких ограничений греческие и турецкие флаги. При этом во всех сферах политической жизни власть была разделена между греками и турками в определенных пропорциях. Так, в палате представителей греки-киприоты получали 70 процентов, а турки — 30 процентов мест. При этом обе общины голосовали отдельно. Президентом страны должен был быть грек, а вице-президентом турок, также избираемые общинами по отдельности. При этом каждый из них имел право вето в отношении законов, принимаемых парламентом, и решений Совета министров. Совет министров состоял из десяти человек, семи греков и трех турок, кандидатуры которых выдвигались отдельно президентом и вице-президентом, но назначались их совместным решением.

Конституция предусматривала также создание Высшего Конституционного суда в составе двух судей — грека и турка, а также нейтрального председателя, не относящегося ни к одной из общин. Члены Конституционного суда назначались совместно президентом и вице-президентом. Соотношение греков и турок в армии, полиции и жандармерии согласно конституции должно было составлять 60:40. Кроме того, по Конституции образовывались две коммунальные палаты — греческая и турецкая, которые обладали законодательной, исполнительной властью в области религии, культуры, спорта, благотворительной сфере — каждая в своей общине.

Нетрудно заметить, что согласно Конституции турки, составлявшие 18 процентов населения острова, получили большее представительство в органах власти по сравнению со своей реальной численностью. По мнению турок, это было выражением равноправия и партнерских отношений двух народов, а по мнению греков — несправедливостью по отношению к большинству населения острова. Они считали, что греческая сторона, платящая налоги в объеме 82 процентов, не обязана финансировать «завышенное» участие в госорганах и силовых структурах турок, платящих только 18 процентов налогов. Этот и прочие принципы Конституции двухобщинного характера вызывали недовольство греко-кипрской элиты, стремившейся к эносису.

Часто считается, что выработанные в Цюрихе и Лондоне принципы создания кипрского государства были изначально обречены на провал,

так как ограничивали независимость Кипра и легализовали возможность вмешательства во внутренние дела независимого государства внешних сил. На самом деле, учитывая, что политика есть искусство возможного, представляется, что Конституция и национальное устройство страны в то время были единственно возможным компромиссом между Грецией и Турцией. В период холодной войны и советско-американского противоборства это устройство было выработано по инициативе Великобритании и под нажимом США с целью обеспечить единство блока НАТО и безопасность обеих общин, населявших остров. Ознакомление с депешами, отправлявшимися американскими дипломатами в Госдепартамент в 1960 г., показывает их раздражение активными действиями просоветских политических сил Кипра и нежелание примириться с установлением советского политического доминирования на острове⁴¹. Да и могло ли небольшое островное государство, с населением, едва превышавшим полмиллиона человек, находившееся в точке пересечения интересов крупных государств, изначально пользоваться той же степенью независимости, что и окружавшие его большие страны? Сложность положения состояла в том, что основы кипрского государства были выработаны в соответствии с европейскими либеральными традициями толерантности и учета прав национальных меньшинств. Но на Кипре они столкнулись с проблемами, исходившими из истории взаимоотношений двух народов, а также со специфической политической культурой Восточного Средиземноморья (по сути дела — Ближнего Востока), во многом порожденной этой историей. Не секрет, что ни греки, ни турки не обладали североевропейской сдержанностью и готовностью к компромиссам, как, например, финны, уравнившие в правах шведское национальное меньшинство, немного превышавшее пять процентов населения страны. Стремление привить на чуждой ближневосточной почве саженцы европейской толерантности привело впоследствии к многочисленным драматическим коллизиям. *Таким образом, в 1960 г. на Кипре имело место самоопределение — греки и турки отделились от Великобритании.* Многие в мире считали, что это самоопределение будет единственным. Как оказалось, оно было лишь *первым самоопределением по-кипрски.*

Дело в том, что самоопределение не решило основной проблемы острова, а именно отсутствия или довольно слабого наличия собственно кипрской общенациональной, а не этнической идентичности. Поэтому, как уже отмечалось, каждая община относилась к судьбам острова так, словно жила в Греции или Турции, но никак не на Кипре. Греки, предпо-

читавшие объединение с Грецией, считали, что если оно невозможно, то кипрское государственное устройство должно повторять греческую мононациональную модель, в которой греки доминируют в обществе на правах большинства, а немногочисленные турки пользуются правами национального меньшинства. Кроме того, памятуя об имевшем место в 20-е гг. XX века обмене населением между Грецией и Турцией, многие на Кипре считали необходимым переселение турок-киприотов в Турцию. Была и другая тенденция — изгнать турок с острова военным путем, как это было на близком к Кипру острове Крит в конце XIX века. Да и сам первый президент Кипра Макариос считал принятие Конституции и двухобщинной системы правления временным компромиссом на пути к эносису. В этом его поддерживали как греческие политики, так и местные соратники. Например, по турецким данным, вскоре после обретения независимости соратник президента Макариоса и будущий президент Кипра Г. Клиридис писал из Греции, что Макариос не должен торопиться в вопросе отмены двухобщинной системы, так как рано или поздно Кипр все равно станет частью Греции¹⁰.

Но для того чтобы Кипр стал частью Греции, требовалось отменить систему баланса сил между общинами, свести на нет Конституцию, признававшую греков и турок равноправными партнерами по государству. Для греков было очевидно, что эта система висит над Кипром как Дамоклов меч, в любую минуту готовый обрушиться на остров в виде «таксима» как наказание за ее нарушение. С этой целью при поддержке Греции греки-киприоты приняли тайный план «Акритас», направленный на насильственное изменение Конституции. В плане «Акритас», в частности, говорилось, что греки-киприоты смогут убедить международную общественность в своей правоте, только если представят свое дело как право на самоопределение, а не на эносис, для чего следует избавиться от всех статей Конституции, мешающих свободному выражению желаний народа¹⁵. Естественно, что под словом «народ» имелись в виду только греки. В рамках этого плана на остров велась переброска оружия из Греции, в чем активно участвовал и нынешний президент Кипра Тассос Пападопулос⁷.

Не более толерантными, чем Греция и греки-киприоты, были Турция и турки-киприоты. Психологические корни их отношения к проблеме заключались в том, что со времен Османской империи турки привыкли ощущать себя главной силой острова, и даже уход Турции с Кипра не лишил турок-киприотов этого ощущения. Они готовы были жить

на Кипре не в качестве национального меньшинства, а как равноправная с греками община. Кроме того, в среде турок-киприотов была еще свежа память о греко-турецких противоречиях 20-х гг., а также проблемах турецкого национального меньшинства в Греции, положение которого не всегда соответствовало межгосударственным договоренностям между двумя странами. Зная о настроенности большинства греков-киприотов на эносис, турки были готовы к защите своего конституционного статуса общины-соучредителя, но, осознавая ограниченность своих возможностей, всегда держали в уме вариант таксима.

В таких нелегких условиях началось развитие Кипра как независимого государства. Конституционное устройство республики было направлено на терпеливую совместную работу обеих общин по созданию нового государства. Но сильнейшая из двух общин — греческая — была полна решимости исправить «несправедливости», допущенные при принятии Конституции, вплоть до изгнания всех турок с острова, а более слабая турецкая — не допустить этого исправления любой ценой, вплоть до разделения нового государства на две части.

Итак, ни одна из кипрских общин не выказывала таких качеств, как терпение и ежедневный труд, направленные на преодоление трудностей, связанных с новым политическим устройством кипрского общества. Справедливости ради следует отметить, что именно греки-киприоты положили начало разрушению конституционных основ кипрского государства. Используя свое численное преимущество, а также накопленный за многие годы работы в британской администрации управленческий опыт, они стали торпедировать соблюдение норм Конституции, которые казались им нереальными и несправедливыми. Например, соблюдение соотношения 70:30 при наборе государственных служащих. Турки апеллировали к Конституции, а также считали установленные пропорции представительства компенсацией за многолетнее греческое доминирование в британском колониальном госаппарате. Греки считали, что представительство турок должно быть пропорционально их доле в населении острова. Этот спор отражал высокую степень поляризации кипрского общества, так как 70-процентное представительство в государственных органах на деле лишь немногим отличается от 80-процентного — и то, и другое означает значительный перевес и большой административный ресурс.

Вице-президент Кючюк безуспешно пытался добиться соблюдения норм представительства. На словах его поддерживал президент Макариос, прекрасно информированный о существовании плана «Акритас». В этой связи привлекает внимание противоречивость заявлений президента Кипра. По завершении переговоров о независимости в Лондоне архиепископ Макариос заявил: «Передаю сердечные приветствия всем грекам и туркам Кипра, с радостью приветствую достигнутые соглашения и с уверенностью заявляю, что этот день будет началом прогресса и процветания для нашей страны». Однако уже 28 июля 1960 г. кипрский лидер заявил: «Соглашения не являются целью, они представляют собой настоящее, но не будущее. Греко-кипрский народ будет продолжать борьбу за свое дело и построит свое будущее в соответствии со своей волей». В сентябре 1962 г. он пошёл в выражении своего мнения еще дальше: «До тех пор, пока не изгнана турецкая община, представляющая собой часть турецкой нации — злейшего врага эллинизма, дело героев ЭОКА не может считаться завершенным»³³. Таковую изменчивость заявлений кипрского лидера можно объяснить международным положением республики. Он взаимодействовал с сильными просоветскими коммунистами и не менее сильными прозападными националистами, настроенными на эносис. Президент Макариос мастерски лавировал между СССР и Западом, сохраняя хорошие отношения с обеими главными силами мировой политики. Вместе с тем, учитывая принадлежность президента Кипра к клерикальным кругам, нетрудно предположить, что в своих симпатиях он больше склонялся на сторону националистов.

Таким образом, большинство греков-киприотов, вдохновленных своим лидером, саботировали реализацию конституционных норм. Вопросы о нарушениях передавались в суды. Однако они и там не находили своего решения — греки составляли численное большинство во всех судах. И вопрос о конституционном представительстве в органах власти так и не был решен согласно Конституции. Возглавлявший Верховный суд независимый юрист из ФРГ Эрнст Форстхофф подал в мае 1963 г. в отставку в знак протеста против невозможности решать этнополитические вопросы правовым путем²³. Конституционно пропорциональное представительство общин на государственной службе Кипра так никогда и не было реализовано. Нарушение одной из конституционных норм повлекло за собой нарушение и других. Так, греки-киприоты возражали и против раздельного голосования в Палате представителей, им казалось, что это нарушает демократическую процедуру утверждения законов большинством. Естественно, что турки указывали на конститу-

ционность этого принципа. Например, сразу после достижения независимости правительство республики предложило парламенту закон о подоходном налоге. Греки-киприоты желали, чтобы закон был принят общим большинством. Однако турки-киприоты решили действовать согласно Конституции. Более того, они стали блокировать прохождение закона, мотивировав это нежеланием греков соблюдать конституционные нормы пропорционального представительства на госслужбе. В результате две общины приняли два закона о подоходном налоге. Налоги взимались внутри общин и тратились на общинные нужды²³. Таким образом, налоги не доходили до государственной казны, греки-киприоты были заняты борьбой за свои права против Конституции, турки-киприоты — борьбой за свои права по Конституции. Функционирование государственного аппарата было парализовано.

Настоящим камнем преткновения в отношениях между двумя общинами был вопрос о отдельных муниципалитетах. Согласно статье 173 Конституции Кипра в пяти крупнейших городах страны (Никосии, Фамагусте, Лимасоле, Ларнаке и Пафосе) должны создаваться отдельные муниципалитеты. Однако греки считали, что муниципалитеты должны быть смешанными. Турки, как всегда, настаивали на выполнении Конституции. В результате президент Макариос по предложению состоявшего из греков Совета министров издал приказ о создании в указанных городах смешанных муниципалитетов. В ответ общинная палата турок-киприотов приняла закон о формировании отдельных турецких муниципалитетов. Оба решения были признаны недействительными Верховным судом. Естественно, все это сказалось на управлении пятью крупнейшими кипрскими городами.

Очередная правовая коллизия имела место при создании кипрской армии. Так, Совет министров издал указ о создании кипрской армии, которая должна была комплектоваться на смешанной основе. Однако вице-президент Ф. Кючюк пригрозил применить право вето, настаивая на том, что солдаты, различающиеся по языку и культурным традициям, не должны находиться в одних казармах. Президент Макариос поставил под сомнение право вето вице-президента в таком вопросе, но вынужден был объявить, что на тот период Кипр вообще не нуждался в армии.

Недостаточно проработанные в Конституции вопросы языка создавали большие проблемы в строительстве общего государства даже там, где

не возникало споров. Так, заседания парламента, судов, других государственных органов велись на английском языке, однако не все киприоты владели им в достаточной мере. Следует отметить, что архиепископ Макариос довольно слабо владел английским языком, так же как и вице-президент Кючюк, получивший образование в Швейцарии на немецком и французском языках²³. Кстати, вице-президент, имевший по Конституции право вето в отношении внешнеполитических решений, часто жаловался на то, что министр иностранных дел (грек-киприот) не информировал его о тех или иных шагах своего ведомства.

Это был не единственный случай игнорирования чиновниками-греками вице-президента-турка. Так, в декабре 1962 г. полицейский-грек в штатском застрелил турчанку из-за того, что она отказалась разрешить ему (мужчине) обыскать ее, усомнившись в том, что он полицейский. Вице-президент, возмущенный этим случаем, решил выступить со специальным заявлением. Однако национальное радио, возглавляемое греком-киприотом, отказалось передать его заявление в эфир¹⁵.

Кстати, отсутствие на Кипре общей армии компенсировалось укреплением общинных вооруженных формирований, создававшихся с помощью Греции и Турции, что имело печальные последствия для будущего кипрского государства.

Почти три года после достижения независимости и провозглашения Конституции прошли в спорах о ее справедливости и правильном применении. Греки настаивали на необходимости изменений, турки, напротив, требовали соблюдения основного закона. В требованиях греков была своя логика. Они пытались создать эффективное государство так, как его понимали, хотя и вопреки одобренной ими же Конституции. Невыполнение ранее принятых договоренностей как на юге Европы, так и на Ближнем Востоке всегда чревато кровавой развязкой. Естественно, что инициатива по разрешению противоречий исходила от греков, заблаговременно разработавших соответствующий план.

30 ноября 1963 г. президент Макариос вручил вице-президенту Ф. Кючюку предложения по изменению Конституции. В преамбуле к предложениям глава государства напомнил, что на конференции по Кипру, проходившей в 1959 г., где он представлял греческую общину, им были высказаны возражения по многим условиям конституционного устройства кипрского государства, по которым договорились Греция и Турция и кото-

рые приняла Великобритания. Макариос также указал на то, что он был поставлен перед необходимостью подписать цюрихско-лондонские соглашения во избежание более тяжелых последствий для кипрского государства. Президент Кипра отметил, что условия создания республики имели своей целью предоставить туркам-киприотам гарантии безопасности, а не превращать их в преграду для развития кипрской государственности. Он также выразил надежду на то, что его поправки к Конституции будут способствовать привлечению турок-киприотов к строительству государства, сближению греков и турок, укреплению дружбы и взаимопонимания между ними на благо всех киприотов²³.

Архиепископ Макариос предложил следующие 13 поправок:

- «Право вето президента и вице-президента отменяются.
- Вице-президент заменяет президента только в случае его отсутствия или недееспособности.
- Греческий председатель Палаты представителей и его турецкий заместитель избираются всей палатой, а не только греческими и турецкими депутатами по отдельности.
- Заместитель председателя Палаты представителей замещает председателя только в случае его отсутствия или недееспособности.
- Условие Конституции о возможности принятия определенных законов путем раздельного голосования общин отменяется.
- Создаются единые муниципалитеты.
- Создается единая правовая администрация.
- Запрещается разделение сил безопасности на полицию и жандармерию.
- Численный состав сил безопасности и сил обороны определяется законом.
- Пропорция принятия греков-киприотов и турок-киприотов на государственную службу и в силовые структуры приводится в соответствие с соотношением греческого и турецкого населения на Кипре.
- Количество членов Комиссии по государственной службе снижается с 10 до 5 человек.
- Решения Комиссии по государственной службе принимаются простым большинством.
- Коммунальная палата греческой общины распускается»²³.

На первый взгляд предложения Макариоса не содержали ничего необычного и имели своей целью укрепление власти, столь необходимое в тот период. Однако на деле эти предложения полностью размывали принципы, на которых была построена республика согласно цюрихско-лондонским соглашениям, лишали турецкое меньшинство правовой защиты, предусмотренной Конституцией. По сути дела, они были попыткой создания унитарного государства с естественным доминированием греков, составлявших 82 процента населения острова. Турки-киприоты не могли согласиться на эти условия. Они были отвергнуты и Турцией, приложившей немало усилий к заключению цюрихско-лондонских соглашений. На Кипре начался очередной этап межобщинного противостояния, точнее, следующий этап реализации плана «Акритас».

21 декабря 1963 г. в турецком квартале Никосии произошла уличная драка между группой турок-киприотов и греками-киприотами, так называемыми «йоргаджи» — специальными агентами МВД Кипра в гражданской одежде. После этого турецкие кварталы в Никосии, Ларнаке и Лимасоле подверглись атакам греческих полувоенных формирований, появились жертвы из числа мирных жителей-турок. Позже столкновения распространились на весь остров. В результате силовых действий греческой общины представители турецкой общины покинули все государственные учреждения.

Как позже указывал президент Кипра Г. Клиридис в своих мемуарах «Кипр — моя исповедь», инициатором изгнания турок из власти в 1963 г. был сам архиепископ Макариос. При этом он не прислушивался к советам соратников, призывавших действовать без изменения Конституции. Тот же Клиридис указывал, что Конституция была не так уж опасна для Кипра, усмирить амбиции турок можно было при помощи внутренних войск, находившихся под командованием греческого генерал-лейтенанта Караянниса, а право вето, беспокоившее Макариоса, ни разу не было применено по отношению к решениям парламента ни президентом-греком, ни вице-президентом-турком³³.

26 декабря было достигнуто формальное соглашение о мире. Великобритания перебросила войска со своих баз и создала в Никосии знаменитую «зеленую линию», нейтральную зону между кварталами, существующую и поныне. Учитывая сложность ситуации страны-гаранты собрались в январе 1964 г. в Лондоне на конференцию по Кипру. Греческую и турецкую делегации возглавляли министры иностранных дел Паламас и Эркин,

кипрскую — представители общин Клиридис и Денкташ. Конференция не дала особых результатов. Греческое правительство Кипра отвергло идею создания «межправительственного комитета», под эгидой которого на остров предполагалось ввести войска НАТО. Тем самым Греция и греки-киприоты показали, что они желают полностью освободиться от обязательств по цюрихско-лондонским соглашениям и закрепить статус-кво — фактическое вытеснение турецкого меньшинства из политической системы страны.

В этой связи правительство Кипра сделало ставку на перенос вопросов урегулирования из НАТО в ООН. По его обращению с требованием «подлинного самоопределения» для киприотов 4 марта 1964 г. Совет Безопасности ООН принял резолюцию 186 (1964), высказавшись за посылку на Кипр сил ООН для поддержания мира. В марте же на Кипр стали прибывать силы ООН — Вооруженные силы ООН на Кипре (ВСООНК). Они разделили противоборствующие стороны и фактически закрепили реализацию греческой стороной плана «Акритас». При этом резолюция Совета Безопасности ООН 186 признавала кабинет греков-киприотов правительством всего острова. Это решение дало грекам международное признание, а турок обрекло на изоляцию. Как и предполагали греки, ООН помогла им закрепить фактическое изменение Конституции, свести на нет цюрихско-лондонские соглашения. 4 апреля 1964 г. архиепископ Макариос заявил об односторонней отмене Договора о гарантиях и Договора о союзе¹⁵.

В результате атак греков-киприотов большинство турок-киприотов нашло прибежище в небольших (3 процента от общей территории острова) анклавах. Самый значительный из них располагался на севере Кипра — между Никосией и Киренией¹⁶. Только в таких анклавах немногочисленные боевые отряды ТМТ и солдаты турецкого воинского контингента могли гарантировать их безопасность. Однако греческая сторона не прекращала попыток полностью взять ситуацию под свой контроль. 1 июня 1964 г. Палата представителей Кипра одобрила законопроект о создании Национальной гвардии (регулярной армии), в которой все киприоты от 18 до 59 лет должны были пройти 6-месячную военную службу. Теперь согласно закону только члены Национальной гвардии и полиции могли носить оружие. С внешней стороны дела все было законно — только легитимная власть может иметь вооруженные формирования. Но легитимная власть, а следовательно, армия и полиция, была греческой. При этом полиция достаточно активно воевала с турец-

ким населением острова. Разоружение всех остальных вооруженных формирований угрожало безопасности турецких анклавов. Неудивительно, что этот закон был отвергнут Турцией и турками-киприотами. Турция стала готовиться к вооруженному вмешательству на Кипре.

Однако президент США Л. Джонсон направил письмо турецкому премьер-министру И. Иненю, в котором предупредил, что его страна не будет поддерживать Турцию в случае ее конфликта с СССР из-за Кипра, после чего военные приготовления были отменены. Обеспокоенные ситуацией вокруг Кипра США направили на остров своего представителя — бывшего госсекретаря Д. Ачесона, в результате чего конфликтующим сторонам был предложен план урегулирования. Он также учитывал фактическую принадлежность острова греко-кипрской общине, а следовательно, Греции. Ниже приводится текст плана:

- «Кипр объединяется с Грецией.
- Турции предоставляется значительная по размерам военная база на острове, которая будет ее неоспариваемой частью.
- Кипр делится на 8 кантонов, 2 из которых контролируют турки-киприоты.
- Греция передает Турции маленький остров Каstellоризон, расположенный вне турецкой территории»²³.

Турция приняла этот план в качестве основы для переговоров. Но Греции и международно признанному правительству Кипра не было смысла делиться ни с кем властью на острове; они отвергли план. Более того, была предпринята попытка поставить под контроль оставшиеся под защитой турок анклавы. Этим занялся основатель организации ЭОКА полковник Гривас, поразительно «своевременно» вернувшийся из ссылки в Грецию. Руководимые им боевики в августе 1964 г. напали на стратегически важные деревни Коккина (Эренкёй) и Мансура к северу от Никосии. Их наступление было успешным. При этом в ходе его были жертвы среди мирного турецкого населения. Для противодействия наступлению турецкая авиация начала облет и бомбардировку кипрских деревень и населенных пунктов на северо-западе острова. Однако Великобритания и СССР оказали давление на греков-киприотов, и наступление было остановлено³³. Вместе с тем как США, так и СССР снова серьезно предупредили Турцию

о нежелательности ее вооруженного вторжения на остров. Турция прекратила военную операцию, а Греция ввела на остров 12-тысячный воинский контингент, не предусмотренный международными соглашениями.

Именно в августе США сделали еще одну попытку урегулировать конфликт с помощью модифицированного варианта плана Ачесона. На этот раз военная база на Кипре предлагалась Турции не навсегда, а в аренду на длительный срок¹. Однако в той ситуации президенту Кипра опять не было смысла делиться властью с турками-киприотами, а территорией — с Турцией. К тому же план не поддержала и Турция. Видимо, на тот период и приходится эволюция взглядов архиепископа Макариоса на будущее Кипра. Ставший одним из лидеров движения неприсоединения, наладивший хорошие связи с СССР, укрепивший свою власть на острове, он все меньше и меньше задумывался об эносисе, который мог бы иметь много негативных последствий с внешнеполитической точки зрения, да и вообще грозил превратить его в политика второго плана.

Таким образом, кипрский кризис 1963–1964 гг. закончился в пользу греков-киприотов, ставших единовластными хозяевами 97 процентов территории острова и добившихся фактической отмены цюрихско-лондонских соглашений. По турецким данным, 25 тысяч турок-киприотов стали беженцами, было разрушено более 1000 турецких домов¹⁵. По данным ООН, в 109 кипрских турецких населенных пунктах и деревнях со смешанным населением было разрушено 572 дома, разграблено 2000 домов, подвергнуто нападениям 270 мечетей и прочих мест поклонения. При этом 4 тысячи турок-киприотов были изгнаны с государственной службы, 25 тысяч беженцев лишились своей собственности, сельхозугодий, а следовательно, средств к существованию, 300 турок-киприотов пропали без вести³³. Анклавы турок-киприотов блокировались, к ним запрещался подвоз товаров, объявленных стратегическими, таких как ГСМ, стройматериалы, электрооборудование, транспортные средства. Продовольственное снабжение анклавов происходило нерегулярно под давлением ООН. 10 сентября 1964 г. Генеральный секретарь ООН заявил, что положение турок-киприотов в анклавах сродни «положению осажденных»⁶. В 1965 г. турки — депутаты Палаты представителей попытались вернуться к исполнению обязанностей. Однако их предупредили, что они будут допущены до заседаний, только если признают изменения законодательства, сделанные в их отсутствие, в том числе выход Кипра из цюрихско-лондонских соглашений. *Таким образом,*

на острове свершилось второе самоопределение по-кипрски — на этот раз греки отделились от турок. Произошел фактический раздел населения острова по национальному признаку.

ООН продолжила попытки кипрского урегулирования. Так, со специальной миссией на остров был направлен посредник ООН по Кипру эквадорец Галло Плаза. В марте 1965 г. доклад Г. Плазы был распространен в ООН как документ Совета Безопасности. Г. Плаза предлагал, чтобы Кипр полностью отказался от идеи эносиса, был демилитаризованным единым государством без деления на общины. В докладе предполагалось, что рекомендации войдут в силу только после переговоров между общинами. Однако Турция отвергла и доклад, и самого посредника ввиду того, что он предлагал сделать греческий язык государственным, отказаться от идеи федерации, возложить контроль за соблюдением прав турецкой общины на комиссара ООН по Кипру.

В апреле 1967 г. в результате военного переворота к власти в Греции пришла военная хунта — так называемые «черные полковники». После этого состоялась встреча премьер-министра Турции Демиреля и премьер-министра Греции Коллиаса. Однако стороны не пришли к единому мнению в вопросе о Кипре. Греческие военные были сторонниками эносиса, а Турция предлагала вернуться к цюрихско-лондонским соглашениям¹.

Исходя из своих объединительных целей, греческая хунта усилила поддержку военизированных подразделений организации ЭОКА под руководством Гриваса, к тому времени уже генерала. В конце 1967 г. генерал Гривас начал новое наступление на стратегически важно расположенные турецкие населенные пункты между Лимасолом и Никосией. Последовали новые жертвы среди мирного населения. Войскам ООН удалось прекратить наступление. При этом Турция снова пригрозила военным вмешательством и предъявила Греции ультиматум, потребовав вывода греческих войск, введенных сверх квоты по цюрихско-лондонским соглашениям, отзыва с Кипра генерала Гриваса, роспуска Национальной гвардии, обеспечения безопасности турецкой общины. На этот раз в кризис вмешались США, и в начале 1968 г. «лишние» греческие войска были выведены с Кипра, генерал Гривас отозван, а численность Национальной гвардии сокращена.

В ответ на наступление генерала Гриваса в декабре 1967 г. руководство турецкой общины провозгласило создание «временной администрации республики Кипр»¹. Были созданы законодательные, судебные, исполнительные органы администрации. Президент Макариос считал эту администрацию незаконной, но администрация считала незаконными самого Макариоса и правительство Кипра как действовавших в нарушение цюрихско-лондонских соглашений.

С мая 1968 г. начались переговоры между представителями общин — председателем парламента Г. Клиридисом и членом временной администрации Р. Денкташем. Однако они не привели к изменениям, так как обе стороны остались при своем мнении. Турки добивались создания федеративного государства с автономным турецким районом на севере Кипра. Естественно, что греки, контролировавшие ситуацию, предлагали создание единого государства. Греки считали, что затягивание переговоров было на руку им; видимо, они надеялись, что турки не выдержат блокады и все же пойдут на их условия.

Тем временем руководство Греции, немало сделавшее для утверждения Макариоса и греков-киприотов в качестве полновластных хозяев острова, было очень недовольно его отходом от идеи эносиса. На президента Кипра стало осуществляться давление с помощью офицеров Национальной гвардии. В начале 70-х гг. на Кипр был возвращен генерал Гривас, возглавивший борьбу за эносис. На сей раз, его противниками были не турки, а греки, поддерживавшие Макариоса. В 1972 г. греческая хунта потребовала, чтобы Макариос изменил состав правительства, ввел туда больше сторонников Гриваса, уволил его противников. Президент Кипра пошел на удовлетворение всех требований греческой стороны.

В феврале 1973 г. перед президентскими выборами на Кипре Гривас потребовал проведения плебисцита по эносису, но получил отказ от президента Макариоса, заявившего о необходимости проведения переговоров с турецкой общиной для создания единого Кипрского государства. Зимой 1974 г. после смерти Гриваса многие члены его организации были выпущены из заключения по амнистии. Это привело к усилению оппозиции Макариосу и росту его обеспокоенности за судьбу своей власти. 2 июля 1974 г. президент потребовал от Греции вывести с острова своих офицеров. 15 июля Национальная гвардия Кипра начала военный переворот. Архиепископ Макариос смог избежать смерти и вовремя уехать с острова.

Однако переворот, произведенный Грецией при помощи офицеров Национальной гвардии, все же состоялся. Президентом был провозглашен известный противник президента Макариоса Никос Сампсон, активный участник организации ЭОКА, особо «отличившийся» во время турецких погромов 1963–1964 гг.⁷ Новое правительство Кипра объявило о создании Эллинской республики Кипр, провозгласило своей целью эносис¹⁷. Н. Сампсон заявил, что его главной целью является свержение «убийцы Макариоса»¹⁵. В разных частях острова начались репрессии против сторонников свергнутого президента. Сам архиепископ Макариос выступил в ООН, где заявил об оккупации его страны Грецией¹. В связи с нарушением цюрихско-лондонских соглашений (присоединением Кипра к другой стране) Турция обратилась к Великобритании по поводу консультаций для реализации договора о гарантиях. Однако визит турецкого премьер-министра Б. Эджевита в Лондон 17–18 июля не принес результатов. Великобритания не стала водить войска на остров совместно с Турцией, надеясь на решение вопроса при помощи переговоров.

20 июля 1974 г. началось вторжение турецких войск на Кипр, так называемая «мирная операция». Турция мотивировала это необходимостью выполнения IV статьи Договора о гарантиях. Первоначально турецкие войска расположились в небольшом районе (3 процента от территории острова) вокруг порта Кирения, служившего плацдармом для ввода турецких войск. На острове начались военные действия между турецкими и греческими войсками.

В тот же день Совет Безопасности ООН принял резолюцию 353, в которой потребовал безотлагательного вывода всех иностранных войск с Кипра и призвал страны-гаранты провести встречу в Женеве для урегулирования кризиса. 22 июля вступило в силу соглашение о прекращении огня, а 23 июля был свергнут военный режим Греции. К власти пришло демократическое правительство под руководством К. Караманлиса. Н. Сампсон покинул пост президента Кипра, его место временно занял председатель парламента Г. Клиридис. 25–30 июля и 8–14 августа 1974 г. состоялись две женевские конференции по Кипру, в которых приняли участие министры иностранных дел Великобритании, Греции и Турции. 25 июля была подписана Женевская декларация, согласно которой:

- на острове следовало восстановить конституционный строй 1960 г.;

- стороны не должны были расширять контролируемые ими зоны;
- по линии прекращения огня устанавливался контроль миротворцев ООН;
- греческие войска снимали осаду с турецких районов, а их место занимали силы ООН.

Однако новое греческое руководство и глава кипрского парламента отказались подписывать соглашение, разработанное на основе декларации. Камнем преткновения снова стал вопрос о федеративном устройстве Кипра. Греческая сторона настаивала на едином центральном правительстве и культурной автономии для турок. Турецкая сторона предлагала создание на 30 процентах территории острова турецкого автономного района на севере Кипра. Она также заявила о возможности сократить вдвое автономный район на севере острова и «получить» оставшиеся 15 процентов территории в виде турецких анклавов в южной части острова³⁷. Однако греческая сторона потребовала срока в три-четыре дня для «обдумывания» турецких предложений.

Было очевидно, что греческая сторона хочет выиграть время, рассчитывая на давление США и Великобритании на Турцию с целью вывода войск. Следует отметить, что, пока у власти в Греции находились военные, а на Кипре — Н. Сампсон, Великобритания и США не имели повода для оказания воздействия на Турцию. Однако после изменения ситуации западные союзники все явственнее выражали недовольство турецкой военной операцией.

Положение усложняли погромы турецкого населения, производимые сторонниками ЭОКА из числа солдат Национальной гвардии. Видимо, ими двигали горечь поражения и желание создать максимальное количество проблем вернувшимся к власти сторонникам Макариоса. Кроме того, они имели приказ убивать турок-киприотов до прихода турецкой армии³³. Не исключено, что таким образом военные круги Греции стремились лишиться поддержки местного населения турецкую армию в случае ее дальнейшего продвижения на острове. Так, в июле – августе 1974 г., по сведениям британской, американской и западно-германской печати, было уничтожено всё мужское население деревни Токини, сожжены деревни Алоа, Сандаларис, Марата, где впоследствии были обнаружены массовые захоронения мирных турок-киприотов²⁷. Также

имели место погромы в турецких кварталах Фамагусты и Пафоса³³. 22 июля 1974 г. премьер-министр Турции Б. Эджевит призвал ООН остановить «геноцид турок-киприотов», он указал на то, что его страна согласилась на прекращение огня, но не на истребление турок на острове³³.

16 августа началась вторая фаза так называемой «мирной операции» турецких войск. В ее результате были оккупированы 37 процентов острова и обозначены границы, по сей день разделяющие турок и греков. В ходе боевых действий имели место немалые жертвы среди мирного греческого населения острова. В настоящее время пропавшими без вести числятся 1468 греков и 502 турка-киприота. В ходе греко-турецкого вооруженного конфликта погибло 6 тысяч солдат. По британским источникам, беженцами и перемещенными лицами стали 150 тысяч греков и 60 тысяч турок-киприотов¹⁷, по греческим — 200 тысяч греков и 30 тысяч турок; в северной части острова расположился турецкий военный контингент численностью в 30 тысяч человек¹. Со временем из Турции на север Кипра переселилось несколько десятков тысяч человек. По турецким данным, это 35–40 тысяч человек. Греки настаивают на цифре в 100–120 тысяч¹⁸.

В ноябре 1974 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию 3212, в которой содержится призыв к выводу с Кипра всех иностранных войск, уважению суверенитета и территориальной целостности республики, проведению межобщинных переговоров и др. В подтверждение этой резолюции была принята резолюция Совета Безопасности ООН 361. Таким образом, вновь была подведена правовая основа под односторонний выход греков-киприотов из цюрихско-лондонских соглашений. По сути дела, был создан еще один прецедент в поддержку правовой коллизии, начало которой положило принятие резолюции Совета Безопасности ООН 186. В очередной раз единственным законным правительством острова была признана греко-кипрская сторона, вышедшая из цюрихско-лондонских соглашений, согласно которым Кипр становился независимым государством. Турки-киприоты, строго следовавшие букве указанных соглашений и кипрской Конституции, снова оказывались в международной изоляции.

В декабре 1974 г. на Кипр вернулся президент Макариос. После этого греческая сторона инициировала переговоры с турецкой, передав ей свои предложения, базировавшиеся на резолюциях Совета Безопасности ООН, где турецкой общине предлагалась местная автономия под эгидой

сильного центрального правительства. Излишне говорить, что эти предложения не были приняты турками-киприотами. С одной стороны, они ссылались на нарушение греками цюрихско-лондонских соглашений, с другой — защищенные турецкими штыками, были не особо склонны к компромиссам. 13 февраля 1975 г. была провозглашена Турецкая федеративная республика Кипр¹. То есть после неудавшейся попытки эносиса, турецкая сторона сделала свой шаг в сторону таксима. Он состоял в решении кипрской проблемы на основе двухобщинного, двухзонального государства. В августе 1975 г. в Вене было достигнуто соглашение об обмене населением между двумя частями острова¹⁰. Все оставшиеся греки (по разным данным — 100–150 тысяч человек) покинули север, а турки (по разным данным, 25–65 тысяч человек) — юг Кипра⁶. Исключение составили небольшие общины турок на юге, греков и маронитов — на севере острова. Следует отметить, что на оккупированной части острова были сосредоточены 82 процента туристической инфраструктуры Кипра, плодородные земли, дававшие 60 процентов сельхозпродукции, предприятия, на которых производилось 70 процентов промышленной продукции. Порт Фамагуста, обрабатывавший 83 процента всех грузов, приходивших на остров, также оказался в «турецкой зоне»¹⁷.

Исходя из этого и многих других факторов, международно признанное правительство острова не могло примириться с потерей почти 40 процентов своей территории и продолжило переговоры об урегулировании. Позиция греков-киприотов основывалась на следующих принципах:

- беженцы должны вернуться в свои дома;
- Кипр должен сохранить целостность и сильное центральное правительство;
- турки-киприоты должны быть представлены в правительстве, исходя из пропорционального соотношения населения;
- турецкие войска должны покинуть остров.

Однако время шло, а турки-киприоты, уже бывшие стороной, занимавшей более сильные позиции, не торопились идти на уступки. Они чувствовали увеличение интереса к ним с греческой стороны, которая даже стала передавать телевизионные и радиопрограммы на турецком языке, чего не было с 1963 г. Турки ждали уступок с греческой стороны. Часть греко-кипрских политиков осознала необходимость достижения урегулирования на компромиссных условиях. В начале 1977 г. по инициативе

лидера турок-киприотов Р. Денкташа в Никосии состоялась его встреча с президентом Макариосом. В результате переговоров стороны сформулировали принципы урегулирования. При этом кипрские власти впервые официально заявили о согласии на федеративное двухзональное государство. Рамочное соглашение Макариос – Денкташ, подписанное 2 февраля 1975 г. — гласило:

- Кипр должен быть независимой, неприсоединившейся, двухобщинной республикой;
- территория под управлением каждой из общин должна быть согласована в свете договоренностей на основании ее экономической ценности, плодородия и собственности на землю;
- принципиальные вопросы, такие как свобода передвижения, свобода расселения, право собственности, и другие вопросы особого характера открыты для дискуссии, принимая во внимание исходные принципы двухобщинности, федерализма и определенные практические сложности, связанные с турко-кипрской общиной;
- власть и функционирование центрального федерального правительства должны строиться по принципу защиты единства страны, учитывая двухобщинный характер государства²⁴.

Процесс урегулирования был замедлен ввиду смерти архиепископа Макариоса в августе 1977 г. Президентом Кипра стал С. Киприану. Он встретился с Р. Денкташем 19 мая 1979 г. Стороны подтвердили свою приверженность рамочным договоренностям Макариос — Денкташ. Они решили продолжить переговоры на основе этих принципов. Следует отметить, что на этот раз стороны зашли достаточно далеко и даже обсудили вопрос о возвращении греческих беженцев в Фамагусту. Однако обеим сторонам не хватило терпения. Греческая сторона обвиняла турецкую в желании построить на Кипре конфедерацию, турки считали, что греки не желают предоставлять туркам гарантии безопасности в форме истинной федерации.

В октябре 1981 г. к власти в Греции пришел премьер-министр А. Папандреу. В феврале 1982 г. он совершил визит на Кипр, где сделал заявление о том, что этот остров — неотъемлемая часть эллинизма, что не прибавило турецкой стороне уверенности в реальном желании греков-киприо-

тов урегулировать проблему²⁷. Столкнувшись с неуступчивой позицией Р. Денкташа, греческая сторона снова решила воздействовать на турецкую сторону при помощи ООН.

13 мая 1983 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию 37/253 по Кипру, в которой были осуждены односторонние действия по изменению демографической ситуации на острове, содержалось требование о выводе войск как необходимом условии взаимоприемлемого решения кипрской проблемы. Резолюция призвала заинтересованные стороны воздерживаться от любых действий, нарушающих независимость, единство, территориальную целостность Кипра¹. Реакция турецкой стороны была неожиданной и негативной. 17 июня 1983 г. парламент турок-киприотов принял решение о признании за турками-киприотами права на самоопределение и проведение референдума о независимости. Это решение было мотивировано тем, что на Кипре живут не две общины, а два народа; поэтому каждый из них имеет право на самоопределение. 15 ноября 1983 г. было провозглашено создание Турецкой Республики Северного Кипра (ТРСК). *Произошло третье самоопределение по-кипрски — турки отделились от греков.*

Таким образом, за первые неполные четверть века независимого существования две кипрские общины самоопределились три раза. Это произошло вследствие греко-турецкого противоборства, ставшего стержневым элементом становления кипрской государственности. Первый этап противоборства 1960–1963 гг. был одинаково проблемным для обеих кипрских общин и стоявших за ними Греции и Турции. Так, цюрихско-лондонские соглашения, вызвавшие недовольство и сопротивление греческой стороны, можно считать успехом турок. Вместе с тем выгодные для турок условия соглашений не выполнялись. Это вызывало недовольство и сопротивление турецкой стороны, что можно считать успехом греков. В этот период состоялось первое самоопределение по-кипрски. Греки и турки отделились от Великобритании.

Второй этап — 1963–1974 гг. — был успешным для греко-кипрской стороны и Греции. Греческая сторона реализовала план «Акритас» по фактическому нивелированию цюрихско-лондонских соглашений и вытеснению турок-киприотов из политической системы страны; смогла заручиться международной поддержкой со стороны ООН, стать единственным международно признанным представителем Республики Кипр. Руководство

республики (община греков-киприотов) стало вести работу по созданию унитарного греческого кипрского государства, используя документы ООН в качестве правовой базы для внешне- и внутривполитических действий, не останавливаясь перед силовыми акциями подавления проявлений недовольства турецкой стороны. При этом Турция, пытавшаяся вмешаться в конфликт на стороне своих этнических братьев, неоднократно сталкивалась с отрицательной реакцией на международном уровне. Этот период ознаменовался вторым самоопределением по-кипрски, когда греки-киприоты отделились от турок-киприотов.

Третий этап — 1974–1983 гг. — был в основном успешным для турецкой стороны. Судя по всему, она извлекла уроки из событий 1963–1964 гг., осознав, что тактика упреждения эффективнее тактики догоняющих мер. В связи с этим турецкая сторона смогла провести успешную, законную с точки зрения международного права операцию по вторжению на Кипр, определить значительную по размерам зону оккупации, произвести обмен населением, приступить к изменению демографической ситуации на оккупированной территории. При этом благодаря военной силе она оказалась в сильной переговорной позиции. Под давлением обстоятельств греческая сторона признала возможность построения на Кипре двухобщинного двухзонального федеративного государства. Однако турецкая сторона продолжила реализацию тактики упреждения, провозгласив на севере острова независимую ТРСК. К отрицательным для турецкой стороны аспектам этого этапа можно отнести то, что греческая сторона не упустила инициативы в международном масштабе и продолжила тактику давления на Турцию и турко-кипрскую общину посредством ООН и других международных организаций. Этот этап ознаменовался третьим самоопределением по-кипрски, когда турки-киприоты отделились от греков-киприотов.

Отделение турок-киприотов от греков и создание ими непризнанной ТРСК поставило перед международным сообществом, кипрскими греками и турками одну общую задачу — урегулирование сложившейся ситуации. Однако эта общая задача по-разному понималась представителями двух кипрских общин. Греки-киприоты были настроены на урегулирование путем создания единого кипрского государства, турки-киприоты стремились к закреплению раздела острова на две части. При этом они руководствовались двумя истинами: а) для достижения минимума возможного следует требовать его максимума; б) самооп-

ределение имеет смысл только тогда, когда оно сопровождается международным признанием. Таким образом, турки-киприоты и Турция продолжили участие в урегулировании конфликта по линии ООН. Здесь они, как правило, выступали с позиции, направленной на максимальную реализацию своих требований. Одновременно ими был взят курс на международное признание ТРСК, которое, с одной стороны, должно было служить катализатором для принятия турко-кипрской позиции на переговорах, с другой — готовить почву для международно-правового оформления сложившегося после 1974 г. статус-кво.

КИПРСКОЕ УРЕГУЛИРОВАНИЕ И ЕГО ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ. ПЕРВЫЕ ШАГИ НА ПУТИ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРИЗНАНИЯ ТУРЕЦКОЙ РЕСПУБЛИКИ СЕВЕРНОГО КИПРА

Урегулирование кипрской проблемы по линии ООН также носит модельный характер для многих подобных конфликтов, произошедших позже. Универсальной особенностью этого урегулирования является его зависимость не столько от ООН, сколько от геополитического фона урегулирования, интересов вовлеченных в него государств и стоящих за ними (играющих главную роль в урегулировании) региональных и глобальных сил. Свидетельством тому является тот факт, что мира на острове не принесло даже принятие Советом Безопасности ООН 113 резолюций по Кипру (не считая резолюций Генеральной Ассамблеи ООН). В этой связи является показательным мнение британского юриста-международника, бывшего члена парламента и автора ряда исследований по кипрскому конфликту Майкла Стивена: «Было бы ошибкой считать, что ООН может сыграть какую-то самостоятельную роль, но в случае изменения международных условий переговоры под эгидой ООН могут быть продолжены с относительными шансами на успех»³³.

История Кипра со времени официального перехода под власть Великобритании в результате начала Первой мировой войны и до наших дней может расцениваться как урегулирование положения на острове. Однако достаточно условный отсчет ему, видимо, можно вести с 1957 г., когда британская администрация предложила разработанный ею план предоставления независимости Кипру. Выработка уже упоминавшегося плана Макмиллана была шагом к цюрихско-лондонскому переговорному процессу, приведшему к независимости, а сам план содержал в себе многие из аспектов цюрихско-лондонских соглашений. Это был не первый британский план стабилизации обстановки на Кипре, но первый, в котором говорилось о предоставлении острову независимости.

Его можно считать первой попыткой урегулирования на основе компромисса между интересами Великобритании, Греции и Турции, чего в действительности не удалось добиться до сих пор — по прошествии 50 лет.

Опубликованный 19 мая 1957 г. план предлагал Великобритании в случае провала переговоров с Грецией, Турцией или киприотами выработать и реализовать без согласия других сторон свой вариант конституции. Он предполагал партнерство в управлении островом. Согласно плану статус Кипра не должен был меняться на протяжении семи лет. При этом каждая община должна была самоуправляться посредством своей коммунальной палаты представителей. Остров должен был управляться советом в составе губернатора, представителей греческого и турецкого правительств, шести министров-киприотов: четырех, избранных греческой, и двумя — турецкой коммунальной палатой. Губернатор, консультируясь с представителями греческого и турецкого правительств, должен был осуществлять руководство иностранными делами, обороной, внутренней безопасностью. Представители греческого и турецкого правительств имели право оспаривать любой закон, который они сочтут дискриминационным в независимом суде. Британское правительство также заявило, что в случае принятия киприотами греческого или турецкого гражданств они смогут сохранять и британское.

План был отвергнут греческим и турецким правительствами, а также архиепископом Макариосом, который охарактеризовал идею партнерства как установление тройного кондоминиума²⁶. В межобщинных столкновениях, начавшихся после объявления плана, погибло 56 греков-киприотов и 53 турка-киприота²⁶. В августе 1957 г. британский премьер-министр Макмиллан посетил Грецию и Турцию и предложил изменения в плане. Согласно им греческий и турецкий представители должны были не входить в совет, а иметь прямой доступ к губернатору для решения необходимых вопросов. Греческая и греко-кипрская стороны вновь не приняли план, однако его одобрила Турция. Как предполагалось планом, к 1 октября 1958 г. эта страна направила своего представителя на остров.

Естественно, что Турция исходила из простой логики: что плохо для Греции, хорошо для Турции. Эта страна получала возможность воздействовать на внутренние дела Кипра непосредственно, минуя немногочисленную и экономически слабую турецкую общину. Кроме того, она гарантировала себя от эносиса как минимум на семь лет, а также надеялась, что по прошествии этого срока сможет принять меры для его предотвращения.

Предложенные планом отдельные коммунальные палаты и добавленные в него позже отдельные муниципалитеты создавали необходимые органы для возможной реализации таксима в случае победы эносиса. Помимо всего прочего план исключал наличие централизованного парламента, руководимого греками-киприотами.

Назначение турецкого представителя усилило подозрения греческой стороны в объединении англичан и турок в ущерб греческим интересам. По Кипру прокатилась очередная волна антибританских выступлений, направленных против «англо-турецкого сговора», инспирированных организацией ЭОКА. Остров стоял на грани гражданской войны. Тем временем британская администрация продолжала реализацию плана. Она начала создавать отдельные греческие и турецкие муниципальные советы, усиливая недовольство греков, не желавших разделения. И здесь греческая сторона изменила свою позицию. Осенью 1958 г. архиепископ Макариос заявил о своей согласии на независимость Кипра под эгидой ООН после определенного периода самоуправления, то есть о фактическом отказе от эносиса.

При этом он адресовал письмо полковнику Гривасу, в котором объяснял свое решение началом реализации плана Макмиллана. Макариос указал на то, что в противном случае греческая сторона может столкнуться с политикой «свершившегося факта» — либо с таксимом, либо с получением турками-киприотами такого объема прав, лишить которого их впоследствии будет невозможно. Он также указал на то, что политику Великобритании поддерживают США²⁶. Ответом Гриваса было согласие с мнением Макариоса о необходимости требовать самоопределения. Великобритания была вынуждена согласиться с этим требованием под воздействием лейбористской оппозиции правительству консерваторов, а также мнения таких членов Совета Безопасности ООН, как СССР и США. Через считанные месяцы в 1959 г. начались политические консультации по заключению цюрихско-лондонских соглашений.

Следующей относительно успешной попыткой урегулирования было заключение цюрихско-лондонских соглашений. Известно, что выработанные в то время принципы образования государства не были восприняты адекватно всеми участниками соглашений и каждый из них, видимо, имел свои незаявленные цели. Греция и греки-киприоты были недовольны слишком большими, по их мнению, правами, предоставленными турецкому меньшинству, и отнеслись к цюрихско-лондонским соглашениям

как к промежуточному этапу на пути к эносису. Они считали главным достижение независимости, надеясь на то, что численное и экономическое преобладание греческой общины позволит ей диктовать свои условия.

Великобритания осознала, что соглашения во многом являются следствием ее политики последних лет по «подтягиванию» турецкого меньшинства к равноправию с греческим большинством. Прогнозировавшие возражения греков и их противодействие туркам после достижения независимости создавали условия для будущей активной британской роли на острове, гарантировали важность и неприкосновенность двух британских военных баз, остававшихся там.

Турция и турки-киприоты, хорошо информированные о греческом недовольстве конституционными принципами нового государства и планах на будущее, были полны решимости отстаивать свои права. При этом Турция осознала, что неизбежное греческое недовольство и противодействие большей политической роли турок создадут условия для турецкого вмешательства на острове и, возможно, реализации таксима.

Достижение Кипром независимости изменило геополитическую ситуацию вокруг острова. Так, если раньше события, происходившие на острове, были внутренним делом Великобритании, а также опосредствованно касались Греции и Турции, то сейчас Кипр оказался более открыт влиянию сверхдержав — СССР и США. Следует отметить, что обе сверхдержавы достаточно зримо присутствовали на Кипре и во времена британского управления: США — как ближайший союзник Великобритании и лидер западного мира, СССР — как сила, поддерживавшая популярную на Кипре и сильную коммунистическую партию АКЕЛ.

Совершенно очевидно то, что Кипр был очень важен для СССР, укреплявшего свои позиции в Восточном Средиземноморье. С конца 1950-х гг. и до 1961 г. в портах Албании базировалось 8 советских подводных лодок³⁷. После ухудшения советско-албанских отношений и вывода подводных лодок из Албании СССР надеялся получить возможность использования своими военными судами кипрских портов. Значение Кипра также было велико в свете активизировавшегося советского военного сотрудничества с Египтом, Сирией, другими странами Ближнего Востока и Северной Африки. Еще одной причиной, предопределявшей необхо-

димось укрепления советского влияния на Кипре, было использование США британских баз на Кипре для радиоэлектронного прослушивания территории СССР и советских союзников на Ближнем Востоке.

В первые годы независимости архиепископ Макариос, имевший планы по изменению кипрской Конституции в пользу греков, опасался США и Великобритании как сил, поддерживавших цюрихско-лондонские соглашения. Он понимал, что Договор о гарантиях оставляет вопросы урегулирования спорных вопросов в рамках НАТО. Вследствие этого он (возможно, по совету Греции) активизировал контакты с СССР, ввел Кипр в движение неприсоединения в качестве страны-основателя. Известно, что тогда главную роль в этом движении играли такие просоветские в то время страны, как Куба, Египет, Индия. Изучение депеш, направлявшихся американскими дипломатами с Кипра в преддверии провозглашения независимости острова, показывает, что основным предметом их обеспокоенности была советская материальная поддержка АКЕЛ, связанных с ней профсоюзов, других политических сил⁴¹.

В 1963–1964 гг. при реализации греками-киприотами плана по изменению Конституции и вытеснению турок-киприотов из органов власти советская поддержка помогла изменить формат переговоров об урегулировании, перенеся его из тройки участников Договора о гарантиях в ООН. Здесь Кипр воспользовался поддержкой СССР и развивающихся стран, как членов движения неприсоединения, так и их симпатизантов.

Показательным для того периода является обсуждение кипрского вопроса в ООН в феврале — марте 1964 г. В ходе обсуждения вопроса на Генеральной Ассамблее ООН поддержка СССР и неприсоединившихся стран привела к тому, что представитель турецкой общины — Р. Денкташ, тогда председатель турецкой коммунальной палаты Кипра, получил возможность выступить только как частное лицо²⁵. При этом его выступление не имело успеха, так как он призывал к урегулированию кризиса на основе цюрихско-лондонских соглашений, то есть при ведущей роли Великобритании, которая не пользовалась популярностью среди развивающихся постколониальных стран.

Перед началом голосования в Совете Безопасности ООН было ясно, что существуют два проекта резолюции: один — поддержанный США, Великобританией и Турцией, другой — СССР и неприсоединившимися странами. Первый проект основывался на цюрихско-лондонских соглашениях,

второй — упоминал о них только вскользь в преамбуле резолюции²⁵. Естественно, что Греция и Кипр поддерживали второй проект, так как первый ставил под сомнение их понимание легитимности кипрского правительства. Перед началом голосования в Совете Безопасности ООН члены советской делегации распространили среди постоянных и временных членов Совета текст передовицы «Правды» от 21 февраля 1964 г., в котором США и Великобритания обвинялись в попытках использовать Кипр в качестве «непотопляемого броненосца НАТО»²⁵.

Представитель Греции Бицос активно лоббировал советский проект резолюции. При этом он отверг предложение Посла США в ООН А. Стивенсона повлиять на кипрскую делегацию для поддержки американского проекта. В ответ на угрозу Стивенсона заблокировать резолюцию Бицос ответил, что и его резолюция будет заблокирована, явно имея в виду советское вето²⁵. Однако судьба голосования во многом зависела от непостоянных членов Совета Безопасности — Чехословакии, Марокко, Бразилии, Норвегии, Кот д'Ивуара, Боливии²⁵. И Бицос обратился к Генеральному секретарю ООН — бирманцу У Тану.

У Тан незадолго до того занимался проблемой Конго, и греческий дипломат, рассказывая о положении на Кипре, связал его с положением в Конго, проведя параллели между Великобританией и Бельгией, турецким меньшинством и сепаратистами из провинции Катанга, Макариосом и П. Лумумбой. Ему удалось убедить Генерального секретаря ООН в справедливости требований греков-киприотов. Благодаря негласной поддержке Генерального секретаря ООН развивающиеся страны — члены Совета Безопасности ООН (кроме Марокко) проголосовали за проект, поддержанный СССР²⁵.

США и Великобритания не стали его блокировать. Во-первых, Великобритания нуждалась в греческом большинстве Кипра для снабжения своих военных баз; во-вторых, Великобритания и США знали, что, согласно резолюции, в силах ООН по поддержанию мира на Кипре не будут участвовать страны Варшавского договора; в-третьих, и США, и Великобритания не желали портить отношения со странами третьего мира; в четвертых, США и Великобритания, осознав, что не могут воспрепятствовать процессу, решили к нему присоединиться; в пятых, отношения с Турцией и Кипром не были главными вопросами внешней политики США, занятых противоборством с СССР во Вьетнаме, Западной Европе, Латинской Америке. Таким образом, благодаря изменению геополитической си-

туации вокруг Кипра была принята резолюция 186, положившая начало миссии добрых услуг Генерального секретаря ООН по урегулированию положения на острове, миротворческой операции ООН и признавшая правительство греков-киприотов единственно законным представителем Республики Кипр.

Поддержка и решающая роль СССР в принятии резолюции Совета Безопасности ООН 186 привели к дальнейшему сближению СССР и Кипра. Так, в сентябре 1964 г. после визита в Москву министра торговли Арузоса Кипр получил партию советского оружия, включавшую танки Т-34, военные тягачи и зенитно-ракетные установки САМ. При этом они были поставлены из египетского порта Александрия⁴¹. Вместе с тем разочарование позицией США и Великобритании в Турции улучшило и советско-турецкие отношения. В мае 1965 г. состоялся визит министра иностранных дел СССР А. Громыко в Анкару. В советско-турецком коммюнике, принятом по итогам визита, говорилось, что кипрские стороны «должны воздерживаться от шагов, могущих привести к осложнению ситуации на Кипре»⁴¹.

На пресс-конференции в Анкаре А. Громыко заявил, что федерализм может быть одним из решений на Кипре, но отверг идею эносиса. Вместе с тем он отметил, что военная помощь СССР Кипру скоро прекратится. Советские и западные обозреватели сошлись во мнении, что Турция не выражала обеспокоенности поставками советских вооружений на Кипр, но предъявляла претензии по кипрскому вопросу к своим западным союзникам⁴¹. Таким образом, после кризиса 1964 г. более четко определились контуры долгосрочной советской политики по отношению к Кипру, одним из основных аспектов которой было осложнение ситуации в НАТО посредством улучшения советско-турецких отношений. Советские газеты того времени подводили под это улучшение теоретическое обоснование, гласившее, что после буржуазно-демократической революции Турция «ушла в сторону сил империализма, но стала переходить на позиции нейтрального национализма»⁴¹. В 1965 г. Турцию посетил Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. Подгорный, в 1966 г. — Председатель Совета министров А. Косыгин, а в 1967 г. визит в Советский Союз совершил турецкий премьер-министр С. Демирель. Советско-турецкое экономическое сотрудничество стало развиваться по восходящей, что не могло не беспокоить США. К 1970 г. американо-турецкие отношения улучшились. Турция стала ежегодно получать 200 миллионов долларов экономической и военной помощи³⁹.

Относительно легкий успех Греции и греков-киприотов в ООН, как известно, привел к жесткой позиции греко-кипрской стороны на межобщинных переговорах, где она требовала и от турок-киприотов признания правоты своего видения положения на острове. Однако укрепление международных позиций Республики Кипр с помощью антиамериканских сил вызвало определенную обеспокоенность в США, которые опасались, что сильный крен Кипра в сторону просоветского лагеря приведет к окончательной потере западного контроля над островом. И беспокоиться было от чего. Теперь США тревожили не только советско-турецкое сближение и выделение СССР экономической помощи Турции, но и противостояние советского ВМФ и 6-го флота США в Восточном Средиземноморье. Оно началось после арабо-израильской войны 1967 г., когда СССР довел количество своих военных кораблей в регионе до 70. Во время арабо-израильской войны 1973 г. для обеспечения безопасности военных поставок своим арабским союзникам СССР довел количество своих военных кораблей до 95, в том числе более 12 эсминцев и 12 подводных лодок³⁷. Продолжались военные поставки на Кипр. Так, в 1972 г. президент Макариос приобрел партию оружия в Чехословакии, за что подвергся жесткой критике прогреческих националистов³⁹.

Возможно, поэтому США поддержали приход к власти в Греции «черных полковников», а следовательно, не очень возражали против планов эносиса. Кипрский переворот 1974 г. также был поддержан США. Утверждение на Кипре Греции делало остров более подконтрольным НАТО, тем более что отношения с Турцией снова ухудшились. В 1971 г. Турция согласилась приостановить культивацию своими фермерами мака в обмен на американские субсидии. Однако субсидии никак не покрывали убытков, понесенных фермерами, отказавшимися от возделывания мака. Это стало одной из причин поражения на парламентских выборах правящей партии и прихода к власти оппозиции. Новый премьер-министр Б. Эджевит разрешил фермерам культивацию мака, что вызвало большое неудовольствие в США³⁹.

Видимо, это повлияло и на позицию Великобритании, не очень стремившейся к участию по призыву Турции в «мирной операции», несмотря на очевидное нарушение Грецией цюрихско-лондонских соглашений. При этом утверждение греческого военного режима на острове вызвало сильную обеспокоенность СССР, который с пониманием отнесся к турецкой вооруженной операции на острове.

Сразу после переворота советский посол в Анкаре Грубьяков потребовал встречи с президентом Ф. Корутюрком. Содержание беседы осталось неизвестным. После нее советский посол выразил публичную поддержку кипрскому народу в тяжелый момент его истории. Вместе с тем аналитики Пентагона прогнозировали вторжение советских войск на Кипр в поддержку Макариоса, а в западной прессе появились сообщения о том, что советские войска в Болгарии приведены в состояние боевой готовности. Сообщения были опровергнуты болгарским правительством³⁷. Дальнейший ход событий свидетельствует об определенной общности интересов СССР и Турции в тот период. Достаточно отметить, что на протяжении всего кипрского кризиса с 15 июля до 30 августа 1974 г. МИД СССР выступил с тремя заявлениями. В этих заявлениях содержались неприятие военного переворота, поддержка архиепископа Макариоса, осуждение позиции НАТО, однако не было критики Турции. Более того, заявления ТАСС после каждой из двух фаз турецкой военной операции на Кипре оправдывали действия Турции. Так, сразу после высадки турецкого десанта на Кипре премьер-министр Б. Эджевит заявил в интервью турецким СМИ, что он не знает ни одной страны, кроме Греции, протестующей против турецкой военной операции. Советскую позицию не изменило даже заявление Б. Эджевита о том, что турецкие войска останутся на Кипре, сделанное 22 июля 1974 г.³⁷.

Цели СССР прояснились 27 июля после начала женевских переговоров по Кипру с участием Великобритании, Греции и Турции. 30 июля к переговорам в качестве наблюдателя присоединился советский представитель Минин. В ночь с 30 на 31 июля Греция и Турция согласились на прекращение огня при увеличении роли ВСООНК. В тот же день СССР наложил вето на резолюцию, расширявшую полномочия ВСООНК. 15 августа после второй фазы турецкой военной операции на Кипре Греция в знак протеста вышла из командных структур НАТО. 21 августа министр иностранных дел Греции Маврос сообщил советскому послу Ежову, что его страна готова к выводу войск с Кипра в случае, если СССР гарантирует вывод турецких войск. Это означало, что в Греции понимали, на чьей стороне играла в тот период Москва. 22 августа СССР предложил проведение расширенной международной конференции по Кипру с участием постоянных членов Совета Безопасности ООН, Греции, Кипра и Турции. 27 августа советское предложение было отвергнуто Турцией, а 30 августа СССР воздержался при голосовании по резолюции Совета Безопасности ООН по Кипру, выдвинутой Австрией, Францией и Великобританией³⁷.

Таким образом, очевидно, что в ходе кипрского кризиса 1974 г. СССР преследовал две основные цели — внести раскол в НАТО посредством укрепления своих отношений с Турцией и стать полноправным, если не лидирующим, участником процесса урегулирования. При этом первая цель была реализована с достаточной долей успеха — Греция вышла из командных структур НАТО, а в феврале 1975 г. Конгресс США ввел эмбарго на поставку вооружений в Турцию, в связи с чем Турция поставила под свой контроль ряд американских военных объектов на своей территории³⁹. Американское эмбарго было отрицательно воспринято в Турции. Поэтому по инициативе определенной части военных кругов этой страны посредством представителей советских спецслужб проводился «зондаж почвы» на предмет дальнейшего советско-турецкого сближения вплоть до вступления Турции в Варшавский договор¹⁸. А СССР, добившийся частичной реализации своих целей, стал проводить по отношению к Кипру политику нейтралитета, больше отвечающую интересам греков-киприотов. Например, в советско-американском коммюнике, принятом по окончании саммита Брежнев – Форд во Владивостоке, было сказано: «Стороны выразили твердую поддержку независимости, суверенитету и территориальной целостности Кипра и будут продолжать усилия в этом направлении. Стороны считают, что справедливое решение кипрского вопроса должно опираться на четкое выполнение резолюций по Кипру Совета Безопасности и Генеральной Ассамблеи ООН»⁴⁴.

Тем не менее после кипрского кризиса 1974 г. советско-турецкие отношения еще более укрепились, особенно в экономической сфере. Это привело к тому, что американское эмбарго на поставку вооружений Турции было отменено — в 1976 г. частично, а в 1978 г. — полностью. Смерть архиепископа Макариоса в 1977 г. несколько ослабила крепость советско-кипрских отношений. Новые руководители республики не были столь харизматичны, а следовательно, в своей политической деятельности больше опирались не столько на страны третьего мира, сколько на проверенные временем связи с Грецией и США, сохраняя при этом добрые отношения с Советским Союзом. При этом СССР также ослабил внимание к Кипру и не только по причине потепления отношений с Турцией. В 1976 г. Египет свернул экономические и военные связи с СССР. После подписания Кэмп-дэвидских соглашений в 1978 г. Египет был выведен из арабо-израильского противостояния, а СССР окончательно лишился важного рынка вооружения и египетских портов базирования на Средиземном и Красном морях, что несколько ослабило военно-стратегическое значение Кипра для СССР.

Турецкая оккупация северной части острова, провозглашение на ней федеративного турецкого государства привлекли внимание мировой общественности к основательно позабытой турецкой общине Кипра. Этому способствовала и деятельность Турции, направленная на международное признание Турецкого федеративного государства Кипр. Учитывая, что международное признание правительства Республики Кипр было во многом следствием советско-американского противоборства, в Турции решили не пытаться бороться за признание в тех международных организациях, где СССР и США имели паритетное, а следовательно, взаимоисключающее влияние. Усилия по признанию турецкой администрации Северного Кипра были сконцентрированы на Организации Исламская Конференция (ОИК). В рамках этой организации просоветские Сирия, Алжир, некоторые другие страны исламского мира не имели столь сильных позиций, как проамериканские Турция, Саудовская Аравия, Пакистан. Кроме того, одним из основных принципов организации была исламская солидарность, пожалуй, самая подходящая морально-идеологическая основа для того, чтобы сдвинуть процесс признания с мертвой точки. Результатом усилий Турции стало принятие 7-й конференцией министров иностранных дел стран-членов ОИК резолюции по Кипру. В ней говорится:

«Седьмая Исламская конференция министров иностранных дел, состоявшаяся в Стамбуле 13–16 месяца Джумада аль-Авваль 1396 года хиджры (12–15 мая 1976 г.),

- 1) с *большой* симпатией и интересом заслушав заявление Его Превосходительства Рауфа Денкташа — лидера турецкой мусульманской общины Кипра, который рассказал о борьбе его угнетенного народа за справедливость, достоинство и законные права,
- 2) с *удовлетворением* отмечает желание братской турецкой мусульманской общины Кипра внести свой вклад в исламскую солидарность,
- 3) *поддерживает* равенство прав турецкой мусульманской общины Кипра как партнера греко-кипрской общины по независимой, суверенной, территориально-целостной, неприсоединившейся Республике Кипр,
- 4) *одобряет* усилия турецкой мусульманской общины Кипра по мирному политическому урегулированию посредством межобщинных

переговоров, основанных на федеративной конституции, в рамках которой обе общины смогут жить в мире и сосуществовать друг с другом,

- 5) до разрешения Кипрской проблемы поддерживает справедливое желание турецкой общины Кипра быть услышанной в международном масштабе на равных с греческой общиной правах,
- 6) выражает согласие на приглашение представителя турецкой мусульманской общины Кипра к участию в деятельности Исламской конференции».

Таким образом, в 1976 г. турецкая община Кипра получила статус наблюдателя в ОИК. Представитель Северного Кипра, чаще всего сам Р. Денкташ, принимал участие в последующих конференциях министров иностранных дел, саммитах и прочих мероприятиях ОИК. Первый саммит с его участием состоялся в Мекке (Саудовская Аравия) в 1981 г. ОИК приняла 28 политических резолюций по Кипру, не считая резолюций по культурным и экономическим вопросам. Начиная с саммита в Мекке, на всех семи состоявшихся саммитах ОИК кипрский вопрос был включен в политическую часть заключительных документов. Следует отметить, что формулировки документов ОИК всегда находились в рамках предложений, обсуждавшихся в ходе переговорного процесса миссии добрых услуг Генерального секретаря ООН. Так, ОИК дала старт процессу международного признания Северного Кипра.

Вдохновленные первым актом международного признания турки-киприоты несколько смягчили свою позицию в переговорном процессе, результатом чего и стала выработка новых рамок урегулирования на переговорах Макариос – Денкташ, состоявшихся в 1977 г. После смерти первого кипрского президента эти договоренности были подтверждены на переговорах Киприану – Денкташ.

Новые переговоры под эгидой ООН начались уже в 80-е гг. Этому способствовало несколько событий региональной и международной важности. В 1978 г. новым президентом Кипра был избран С. Киприану (переизбран в 1983 г.). В 1980 г. в Турции произошел военный переворот, в 1982 г. премьер-министром страны стал Т. Озал. В 1982 г. Генеральным секретарем ООН стал Хавьер Перес де Куэльяр — бывший спецпредставитель Генерального секретаря ООН по кипрскому урегулированию.

Таким образом, обновленное руководство большинства заинтересованных сторон с небольшим расхождением во времени начало свою деятельность по урегулированию конфликта. Концентрация усилий по урегулированию конфликта именно в ООН связана с тем, что 80-е гг. принесли некоторую определенность в международные отношения. США утвердили свои позиции в Греции и Турции, при этом, из-за обострения ситуации на Ближнем Востоке, важность последней значительно возросла. Турция, осознававшая это и реализовавшая в 1974 г. свою главную цель на Кипре, не возражала против урегулирования по линии ООН. После вторжения в Афганистан Советский Союз подрастерял немалую часть авторитета в странах третьего мира, как входящих, так и не входящих в движение неприсоединения. Кроме того, в 1980 г. с появлением в Польше профсоюза «Солидарность» начался затяжной кризис социалистической системы в Европе, отвлекавший все больше сил и средств с южноевропейского и ближневосточного направлений советской политики. Эти события привели к укреплению кипрско-американских связей, отдалили СССР от инициатив по кипрскому урегулированию, лишили его ведущей роли в этом процессе.

Достаточно отметить, что после кризиса 1974 г. самой заметной советской инициативой было предложение советского лидера М. Горбачева, выдвинутое в 1986 г. Тогда он предложил демилитаризацию Кипра, вывод всех иностранных войск и баз, вплоть до британских, создание федеративного государства. Предложения эти находились в канве традиционной советской политики, направленной на уменьшение влияния НАТО в Восточном Средиземноморье. Однако у СССР не было ни политических, ни экономических возможностей его реализации. Поэтому следует предположить, что это предложение имело скорее демонстративный, чем реальный характер. Вместе с тем СССР продолжал политику дипломатической поддержки Кипра в ООН, извлекая пользу из греко-турецкой конфронтации посредством сохранения стратегических отношений с Кипром и в определенной степени с Грецией. Таким образом, урегулирование сконцентрировалось в пятиугольнике: ООН – правительство Кипра – Греция – правительство турецкой части Кипра – Турция при доминирующей роли США, присутствовавших со всех сторон упомянутого пятиугольника.

В 1980–1981 гг. по инициативе Генерального секретаря ООН Курта Вальдхайма конфликтующим сторонам был представлен уже упоминавшийся Проект промежуточного соглашения, который предлагал открыть

международный аэропорт Никосии для гражданских рейсов, передать греческий район Фамагусты — Варошу под управление ООН, а также отменить примерно 70 процентов экономических ограничений, наложенных Республикой Кипр на турок-киприотов. Предложения были выработаны в ходе серии межобщинных переговоров, которые вел специальный представитель Генерального секретаря ООН Уго Хуан Гобби. Кипрские стороны были представлены Г. Иоанидисом и С. Онаном.

В начале переговоров стороны подтвердили следующее:

- Обе стороны подтверждают силу соглашений достигнутых на высшем уровне 12 февраля 1977 г. и 19 мая 1979 г.;
- Обе стороны подтверждают приверженность федеративному принципу решения конституционного аспекта и бizonальному принципу решения территориального аспекта кипрской проблемы;
- Обе стороны подчеркнули, что на межобщинных переговорах может быть затронут вопрос безопасности, с учетом определенных практических сложностей, которые могут возникнуть применительно к интересам турецко-кипрской общины, так же как и применительно к безопасности Кипра в целом;
- Обе стороны обратились к Генеральному секретарю ООН с просьбой продолжить межобщинные переговоры²¹.

Стороны также обозначили **четыре** вопроса, по которым должны быть приняты решения в ходе межобщинных переговоров на основе соглашения от 19 мая 1979 г.:

- Достижение соглашения по передаче Вароши под управление ООН согласно условиям пункта 5 соглашения от 19 мая 1979 г.;
- Принятие обеими сторонами практических мер по установлению доброжелательности, взаимного доверия и возвращению к нормальным взаимоотношениям согласно условиям пункта 6, подтверждающего особую важность этого вопроса;
- Рассмотрение конституционного и территориального аспектов проблемы.

Была достигнута договоренность о том, что переговоры должны вестись в обстановке секретности. Несколько месяцев представители сторон встречались еженедельно и в присутствии спецпредставителя Генерального секретаря ООН обсуждали вышеуказанные четыре вопроса до тех пор, пока обе из них не приостановили переговоры в апреле 1981 г. из-за парламентских выборов в обеих частях Кипра. Генеральный Секретарь ООН заявил в мае 1981 г. о том, что, по его мнению, обе стороны, возможно, готовы к принятию решения по всестороннему урегулированию²¹. При этом обе стороны сформулировали свое отношение к Проекту промежуточного соглашения.

Греко-кипрская сторона выразила в ходе переговоров точку зрения кипрского правительства. Президент Кипра С. Киприану, официально поддерживавший Проект промежуточного соглашения, отверг его, несмотря на поддержку проекта министром иностранных дел Н. Роландисом. Греко-кипрская сторона заявила, что она не воспринимает процедуру переговоров как попытку изменения двух рамочных соглашений в верхах 1977 и 1979 гг. Она также подтвердила свою приверженность федеративному решению кипрской проблемы согласно указанным рамочным соглашениям. По мнению греко-кипрской стороны, федеративное государство должно было означать два федеративных государства, управляемых по отдельности греками- и турками-киприотами. При этом было выражено мнение, что эти государства должны строиться на международно признанных нормах федерализма, когда между двумя регионами одного государства нет границ, а центральное правительство достаточно сильно, чтобы гарантировать единство территории. При этом термин двухрегиональность принят греко-кипрской стороной как уступка турко-кипрской стороне — вместо многорегиональности, что представляет собой исходную позицию греко-кипрской стороны. Впоследствии эта сторона стала употреблять термин двухзональный, как синоним двухрегиональному, в отличие от многорегионального. Термин двухзональный и стал предметом расхождений, ввиду того что турко-кипрская сторона понимала его иначе. Например, лидер турок-киприотов Р. Денкташ трактовал двухзональность как наличие государства, имеющего территорию и неотъемлемый суверенитет над ней.

Таким образом, расхождение в позиции двух сторон состояло в том, что одна из них понимала двухзональность как федерацию, другая как конфедерацию. Так, президент Киприану заявил — в начале переговоров: «Нашей целью является решение кипрской проблемы на основе

создания двухзональной федерации, двухзональность в данном случае означает только определение территории. Создание двухзональной, разделенной на две части конфедерации неприемлемо. Разная трактовка термина двухзональность и есть причина того, почему греки-киприоты не могут согласиться на урегулирование на данном этапе»²¹.

Отношение турко-кипрской стороны к Проекту промежуточного соглашения было сформулировано ее лидером Р. Денкташем. Главным вопросом для него было то, каким будет федеральное правительство. Он говорил, что федерация должна строиться на основе наличия двух фактически существующих администраций, а Кипр должен быть децентрализованной, или «рыхлой», федерацией с условием медленного и долгосрочного продвижения к таможенному союзу, централизованной налоговой и экономической политике²¹. Таким образом, турки выступали против идеи централизованной федерации, которую они не считали настоящей федерацией из-за того, что сильный центр может подмять под себя регионы. После отказа греко-кипрской стороны от предложений по Проекту промежуточного соглашения Р. Денкташ даже обозвал С. Киприану «ограниченной марионеткой от эносиса, лишенной серьезности, ответственности и понимания»²¹.

Провал предложенного Генеральным секретарем ООН К. Вальдхаймом промежуточного соглашения привел к выдвиганию его спецпредставителем У. Гобби своих предложений. Они были направлены сторонам конфликта в ноябре 1981 г. По заключению экспертов эти предложения легли в основу обсуждений кипрского урегулирования с ноября 1981 г. по январь 1983 г. Переговоры проходили в условиях строгой конфиденциальности, и единственное, что было о них известно — это наличие «точек совпадения» и «точек равноудаленности». То есть в ходе переговоров наличествовали как совпадения взглядов по многим проблемам, так и расхождения в виде серединных позиций, существовавших в отношении противоположных точек зрения.

Перес де Куэльяр, избранный новым Генеральным секретарем ООН считал важным проводить частые встречи в верхах с лидерами двух кипрских общин. В апреле 1982 г. он встретился в Женеве с С. Киприану и Р. Денкташем для стимулирования продолжения межобщинных переговоров. Перес де Куэльяр также провел встречи с министрами иностранных дел Греции и Турции в июне и октябре 1982 г. Встречи, обсуждавшие предложения Гобби, продолжались до весны 1983 г.

Они были прерваны из-за обеспокоенности турко-кипрской стороны обращением греческой стороны в ООН и инициированием резолюции 37/253, требовавшей немедленного вывода всех оккупационных сил с территории Республики Кипр¹. Вместе с тем переговоры по предложениям Гобби позволили сторонам обмениваться предложениями. Ввиду того что переговоры проходили в условиях конфиденциальности, о них известно немного. Стороны обсудили вопросы передачи Вароши, установления мер доверия, проведения акций доброй воли, затронули конституционный и территориальный аспекты²¹.

Говоря об отношении греков-киприотов к вопросам в рамках инициативы Гобби, следует отметить, что основной причиной несогласия в очередной раз было расхождение в толковании термина «двухзональность». По сообщениям Службы прессы и информации правительства Республики Кипр, сторона турок-киприотов настаивала на разделении острова на основе двух отдельных администраций при наличии слабого федерального центра. Кроме того, она заявила о нежелании поступиться даже небольшой долей контролируемых территорий. Лидер турок-киприотов Р. Денкташ решил продемонстрировать свою приверженность политике свершившегося факта. В июле 1982 г. он принял решение передать собственность греков-киприотов туркам-киприотам и переселенцам из Анатолии. Таким образом, обращение греко-кипрской стороны в ООН было элементом давления на турецкую сторону, напоминанием ей о своем самом сильном козыре — поддержке международным сообществом. Турко-кипрская сторона заявила о своем согласии с территориальным аспектом предложений Гобби. Однако содержание этих предложений до сих пор не обнародовано²¹.

В августе 1983 г. сторонам переговоров были официально направлены предложения, сформулированные самим Генеральным секретарём ООН, известные, как «инициатива». Согласно предположительному тексту «инициативы», опубликованному в кипрской прессе, на этот раз она содержала фундаментальные предложения. Например, в ней содержалась идея ротации президентов — грека и турка, согласно которой турок, так же как и грек, мог управлять объединенным кипрским государством. Кроме того, в отличие от Конституции 1960 г. предлагалось создать не однопалатный, а двухпалатный парламент. Нижняя палата должна была включать депутатов от обеих общин согласно их соотношению в населении острова, верхняя палата — равное количество депутатов от обеих общин. Каждая община должна была голосовать за своих депу-

татов по отдельности. Относительно соотношения представителей общин на государственной службе «инициатива» предлагала пропорцию 60:40, в отличие от пропорции 70:30, закрепленной в Конституции 1960 г. При этом турки должны были уступить от 8 до 13 процентов контролируемой ими территории, то есть превратить 37 процентов в 29 или 24 процента. Одним словом, турки должны были поступиться частью территории, а греки — частью государственной власти²¹.

Греки-киприоты отвергли инициативу Генерального секретаря ООН. На этот раз это вызвало разногласия в их рядах. Так, в отставку подал министр иностранных дел Кипра Н. Роландис. С. Киприану и его партия заявили, что предложения не могут быть приняты, так как они не учитывают три базовых права каждой личности — свободу передвижения, свободу расселения и право на собственность. Президент Кипра утверждал, что, коль скоро эти права содержатся во Всеобщей декларации прав человека, они должны применяться и на Кипре в отношении 180 тысяч беженцев — греков, которые при желании должны вернуться в свои дома и пользоваться своей собственностью. Следует отметить, что отказ греческой стороны был дан после долгих дебатов и, предположительно, решающую роль в этом сыграла Греция. Подавший в отставку министр иностранных дел Н. Роландис обвинил Киприану в том, что тот не хочет вести осмысленных переговоров по кипрской проблеме²¹.

30 октября 1983 г. лидер турок-киприотов Р. Денкташ прибыл в Нью-Йорк. Встретившись с Генеральным секретарем ООН, он попросил его организовать встречу с президентом Киприану, на что тот ответил положительно. При этом Р. Денкташ указывал на необходимость прояснить во время этой встречи определенные вопросы урегулирования. Однако встреча эта так и не состоялась, потому что 15 ноября 1983 г. Р. Денкташ провозгласил создание независимой Турецкой Республики Северного Кипра (ТРСК).

Большинство наблюдателей указывает на то, что провозглашение ТРСК состоялось в период смены правительств в Турции, когда правительство Б. Улусу ушло в отставку, а правительство Т. Озала еще не приступило к исполнению обязанностей. Обращает на себя внимание и то, что вторая фаза «мирной операции» турецких войск в августе 1974 г. произошла ровно через неделю после отставки Р. Никсона в связи с Уотергейтским скандалом. Турецкое правительство заявило о том, что провозглашение ТРСК было для него неожиданным¹. Возможно, что гражданское правительство

Турции действительно не было информировано о действиях Р. Денкташа. Однако практика кипрской политики показывает, что лидеры общин редко предпринимали какие-либо действия без одобрения определенных, чаще всего военных сил «родственного государства». В связи с этим можно предположить, что Р. Денкташ, имевший намерение встретиться с С. Киприану по поводу урегулирования, получил неожиданные указания о провозглашении независимости от турецкого генералитета. Не следует забывать, что президентом Турции в то время был бывший начальник Генштаба и руководитель военного переворота 1980 г. Кенан Эврен.

Вполне возможно и соответствие действительности утверждения некоторых греко-кипрских политиков, что эта акция, как многие другие акции турецких военных, была предпринята с ведома США. Исходя из этого, можно предположить, что в связи с напряженностью на Ближнем Востоке, где в 1982 г. имела место Ливанская война, важность Турции для интересов США еще более возросла. При этом турецкие военные продолжали держать ситуацию в стране под контролем, и дальнейшее укрепление их на Кипре соответствовало американским интересам. Несмотря на некоторое ослабление дружеских связей с СССР, Кипр продолжал проводить политику солидарности со странами третьего мира, в том числе имел хорошие отношения с Организацией освобождения Палестины (ООП). Да и стратегическое сотрудничество с СССР продолжалось. Вследствие этого существовала определенная возможность нового советско-кипрского сближения и появления на острове недружественной США авиации, которая могла нанести молниеносный удар по военным объектам НАТО в Турции, в том числе военной базе в Инджирликке, очень важной в связи с положением на Ближнем Востоке. Поэтому закрепление на острове с помощью турецкой армии сторонников таксима не очень расходилось с интересами США, так же как в 1974 г. этим интересам вполне соответствовало закрепление на острове сторонников эносиса, поддерживавшихся греческими военными. А проведение важных войсковых операций в момент ослабления сил, могущих этому противодействовать (уход Никсона в 1974 г., смена кабинета в Турции в 1983 г.), возможно, является отличительной чертой действий турецкой дипломатии.

Естественно, что провозглашение ТРСК замедлило процесс урегулирования. В своем письме Генеральному секретарю ООН от 15 ноября 1983 г. Р. Денкташ выразил уверенность в том, что эта акция не усложнит, а облегчит установление партнерства между двумя народами в рамках

федерализма. Также он призвал Генерального секретаря ООН к продолжению его миссии добрых услуг²¹. В ответ на провозглашение ТРСК Совет Безопасности ООН принял резолюцию 542 от 18 ноября 1983 г., в которой он осудил одностороннюю акцию, направленную на отделение части Республики Кипр. Совет Безопасности ООН посчитал это провозглашение юридически недействительным, призвал все государства мира не признавать никакого кипрского государства, кроме Республики Кипр. Он также обратился к Генеральному секретарю ООН с призывом продолжить свою миротворческую миссию и в скором времени добиться прогресса в продвижении к справедливому и долгосрочному урегулированию кипрской проблемы².

Греко-кипрская реакция на провозглашение ТРСК была мгновенной. В своем заявлении президент Киприану отметил, что данная односторонняя акция не только усложнила кипрское урегулирование, но и доказала, что турецкая сторона проводит политику «свершившегося факта» и создания условий по отделению оккупированных территорий от Республики Кипр. Греко-кипрская сторона настаивала на том, что одностороннее провозглашение ТРСК нарушило не только территориальную целостность Кипра, но и Устав ООН, Заключительный хельсинский акт и нормы международного права²¹.

Во второй половине ноября 1983 г. Генеральный секретарь ООН встретился с министрами иностранных дел Греции и Турции — Хараламбопулосом и Тюркменом. Он еще раз указал на важность выполнения резолюций Совета Безопасности ООН по Кипру, обратился к министрам с требованием полностью соблюдать их условия и содействовать мирному урегулированию проблемы.

11 января 1984 г. президент Киприану представил Пересу де Куэльяру предложения по урегулированию, состоявшие из 6 пунктов. Этот план предлагал демилитаризацию Кипра, поддержание мира при помощи международных сил из стран, не вовлеченных в конфликт, предоставление международных гарантий без участия заинтересованных стран как гарантов, установление «настоящей федерации». Согласно плану под управлением турок-киприотов должно было остаться 25 процентов территории острова, при этом Фамагусту на востоке и Морфу на севере следовало вернуть греческой стороне. Документ также предлагал действенный вариант конституции в следующем виде:

- Президент — грек-киприот, вице-президент — турок-киприот; совет министров в соотношении 70 : 30.
- Однопалатный парламент более предпочтителен, чем двухпалатный. В случае утверждения двухпалатного — нижняя палата формируется, исходя из численного соотношения греков и турок, верхняя — в зависимости от функций палаты.
- Федеральный Высший суд с равным представительством от обеих общин.
- Федеральное правительство, занимающееся иностранными делами, международной связью, паспортами, таможенными вопросами, тарифами и т. п.
- Соблюдение свободы передвижения, свободы размещения и права на собственность во всех районах страны.

Получив предложения Киприану, Перес де Куэльяр обсудил их краткий вариант с Р. Денкташем. И когда тот попросил предоставить ему полный текст, Генеральный секретарь ООН сказал: «Я знаю, что, покажи я вам полный текст, вы отвергнете его в целом, а так есть возможность, что вы согласитесь с отдельными положениями»²¹.

В марте 1984 г. Перес де Куэльяр снова встретился с Р. Денкташем и потребовал от него свернуть деятельность по достижению признания ТРСК. Через несколько дней он имел встречу и с министром иностранных дел Кипра Г. Иакову. На этих встречах было решено возродить переговорный процесс по урегулированию в рамках межобщинных переговоров, замороженный после провозглашения ТРСК турецкой стороной.

На этих переговорах сторонам были вручены предварительные условия урегулирования, выработанные Генеральным секретарем ООН. Они гласили:

- Не будет сделано новых шагов по интернационализации кипрской проблемы (признанию ТРСК. — Авт.), и настоящие инициативы не будут подвергаться изменениям.
- Декларация турок-киприотов от 15 ноября 1983 г. не будет иметь продолжения, и инициативы в этой связи также не будут подвержены изменениям.

- Стороны в присутствии Генерального секретаря ООН возьмут на себя взаимные обязательства не производить изменений в сторону повышения количественного или качественного состава военных сил, расположенных на острове. Они также согласятся на проведение соответствующих инспекций Вооруженными силами ООН на Кипре.
- Турки-киприоты передадут территорию Вароша Генеральному секретарю ООН, который передаст ее под временное управление администрации ООН в качестве части буферной зоны, контролируемой силами ООН по поддержанию мира на Кипре. Передача будет производиться поэтапно в течение 6–9 месяцев по согласованию с Его Превосходительством [президентом Кипра], господином Р. Денкташем и Генеральным секретарем ООН и будет считаться завершенной после объявления о ней на многосторонней встрече в верхах... При этом эта территория не будет передана под греко-киприотскую юрисдикцию до достижения окончательного соглашения по урегулированию кипрской проблемы. На территорию не будут допущены никакие вооруженные силы кроме персонала сил ООН по поддержанию мира на Кипре. Стороны согласятся с призывом Генерального секретаря ООН к проведению встреч на высшем уровне и к новому началу межобщинных переговоров²¹.

Однако эти предложения не нашли одобрения у турок-киприотов. Тем не менее Генеральный секретарь ООН подготовил и передал представителям двух кипрских сторон новые предложения, так называемые венские рабочие принципы по урегулированию.

Согласно публикациям в прессе они состояли из следующих пунктов:

- Передача Фамагусты под контроль ООН и возможное возвращение туда греков-киприотов.
- Открытие международного аэропорта Никосии для использования обеими общинами под эгидой ООН и при управлении обеими кипрскими общинами.
- Немедленное прекращение греками-киприотами дальнейшей интернационализации кипрской проблемы и одновременное прекращение турками-киприотами усилий по достижению международного признания ТРСК.

- Предоставление руководством обеих общин твердых обязательств по признанию условий соглашений в верхах, достигнутых в 1977 и 1979 гг.
- Согласие обеих сторон на то, что переходное правительство будет полномочно претворять в жизнь любое достигнутое соглашение, а также вырабатывать положения федеральной конституции.

Генеральный секретарь ООН также попросил обе стороны дать ответ на следующие вопросы:

- Согласны ли две общины обсуждать принципы?
- Приемлемы ли принципы для них, и будут ли они участвовать в переговорах по достижению соглашений на этих условиях?
- В случае успешного ведения переговоров будут ли два руководителя готовы к встрече на высшем уровне?
- В случае согласия с вышеозначенным удобно ли будет сторонам начать переговоры в первую неделю сентября?

После небольшой паузы обе стороны ответили положительно. Путь к переговорам был открыт.

Касаясь отношения греко-кипрской стороны к рабочим принципам, следует отметить, что после провозглашения турецкой стороной ТРСК правительство Кипра сделало несколько резких заявлений. При этом оно положительно относилось к урегулированию под эгидой ООН в целом. Наиболее активно поддерживала урегулирование коммунистическая партия Кипра АКЕЛ, находившаяся в коалиции с правящей Демократической партией С. Киприану. Президент Киприану провел консультации и с представителями политических партий Греции. При этом министр иностранных дел Республики Кипр сделал заявление о том, что дальнейшие уступки туркам-киприотам будут означать «медленную смерть при иллюзии спасения»²¹. Это указывает на то, что консультации проходили в достаточно сложных условиях. Президент Кипра даже попросил Генерального секретаря ООН отложить свой визит на Кипр. Нетвердый положительный ответ Киприану означал, что греки-киприоты были готовы обсуждать принципы, но не более того.

В свою очередь турки-киприоты дали твердое согласие на рассмотрение принципов и положительные ответы на вопросы, поставленные Генеральным секретарем ООН. По согласию обеих сторон в сентябре 1984 г. в Нью-Йорке начались так называемые не прямые переговоры. Они проходили в три этапа, последним из которых была встреча в верхах Киприану – Денкташ в январе 1985 г.

В переговорах принимал непосредственное участие Генеральный секретарь ООН, который выступал в качестве посредника и встречался раздельно с каждой делегацией. Члены делегаций высказывали ему свои соображения по поводу проекта соглашения. Следует отметить, что в ходе переговоров стороны не ограничивались обсуждением вопросов, содержащихся в венских рабочих принципах, а затрагивали более широкий круг вопросов, связанных с кипрской проблемой.

В ходе первого раунда переговоров (10–20 сентября 1984) Генеральный секретарь ООН предложил сторонам обсудить три проблемы: меры по созданию доверия, структуру федерального правительства, территориальный вопрос, а также подтвердить признание обязательств по соглашениям в верхах 1977 и 1979 гг. и некоторых договоренностей, достигнутых в ходе межобщинных переговоров. Несмотря на призыв к конфиденциальности переговоров, уже через два дня после их начала в одной из греко-кипрских газет появились сообщения, о том, что Генеральный секретарь ООН предложил открыть международный аэропорт в Никосии и вернуть беженцев-греков в Фамагусту под управление ООН в качестве мер по созданию доверия. В ней также были сведения, касавшиеся обсуждения структуры федерального правительства. Переговоры проходили очень сложно. Каждый пункт вопросов, связанных с федеральным правительством и положениями конституции, был поводом к бурной дискуссии. Несмотря на отсутствие прогресса по окончании этого раунда, генсек назвал его «серьезным и деловым»²¹.

Второй раунд начался 15-го и продолжался до 26 октября. Несмотря на конфиденциальность переговоров, сведения о них снова просочились в прессу. Согласно этим утечкам в ходе переговоров обсуждалось два уровня вопросов. Первый — вопросы, по которым уже была достигнута договоренность, в том числе и принципы соглашений в верхах 1977 и 1979 гг. Кроме того, стороны в принципе договорились о создании на Кипре федеративной республики, двухобщинной по конституции и двухзональной по территории. Были обсуждены также не вы-

зывавшие разногласий вопросы о функционировании федерального правительства, представляющего обе части федеративного государства, приблизительном размере их территорий, соглашение о едином гражданстве. Вопросы, требовавшие согласования, касались таких функций федерального правительства, как финансы, иностранные дела, международный транспорт, почта и связь, оборона и безопасность, здравоохранение²¹.

Президент Киприану отказался подписать договоренности в конце встречи на высшем уровне, и она закончилась безрезультатно. Согласно греко-кипрской версии событий встреча проводилась не ради формальностей, таких как подписание соглашений, а для дальнейшего продолжения переговоров. Греко-кипрская сторона осудила турко-кипрскую за отказ от обсуждения вопросов, содержащихся в проекте соглашения²³. Президент Киприану подвергся на Кипре жесткой критике за отказ от подписания документов. Его критиковали как левые, так и правые партии.

Бывший министр иностранных дел Роландис выступил с открытым письмом президенту, в котором он, в частности, писал: «Я обеспокоен не драматическими событиями в Нью-Йорке, связанными с совместными или односторонними соглашениями, нестыковками или вызывающими стыд результатами саммита. Я обеспокоен тем, что вы снова оставили открытой дверь и Р. Денкташ снова войдет в нее со своей политикой свершившегося факта. Вы не имеете права играть с будущим страны в те же игры, в которые играете с политическими партиями²¹».

В свою очередь турки-киприоты приняли проект соглашения Генерального секретаря ООН Переса де Куэльера с условием, что он будет принят греками-киприотами. Положительный ответ греков-киприотов способствовал бы продолжению переговоров. Следует указать на то, что турки-киприоты приняли проект полностью, без исключений. Р. Денкташ обещал Генеральному секретарю ООН, что в проекте соглашения даже запятая не будет изменена без его согласия. По его мнению, документ следовало принять или отвергнуть полностью. Турки-киприоты настаивали на том, что в будущем федеративном государстве власть должна делегироваться центральному правительству двумя частями федерации, а не распределяться между ними федеральным правительством. Они считали, что вопрос конкретных территорий, несмотря на свою важность, должен был решаться после достижения договоренностей

по другим вопросам на основе экономической ценности территории, собственности на землю и безопасности.

Конечно, трудно судить, был ли Р. Денкташ искренен в принятии проекта соглашения. По мнению наблюдателей, тезисы урегулирования соответствовали турко-кипрскому взгляду на роль центрального правительства, и принятие их обеими сторонами было бы выгодным для лидера турок-киприотов. Он находился под давлением Турции, настаивавшей на принятии предложений и, возможно, надеялся на то, что Киприану их не примет. Некоторые дипломаты ООН считали, что Денкташ был более настроен на закрепление раздела острова. Однако действия Киприану представили его в глазах мировой общественности большим поборником урегулирования.

В феврале 1985 г. Генеральный секретарь ООН предложил устроить очередные переговоры на высшем уровне между лидерами кипрских общин и даже внес новый проект рамочного соглашения. На этот раз перед парламентскими выборами на Северном Кипре встреча не состоялась по вине Р. Денкташа.

К концу 1985 — началу 1986 г. Генеральный секретарь ООН провел встречи с лидерами обеих кипрских сторон для обсуждения точек соприкосновения и расхождения в вопросах урегулирования. 29 марта 1986 г. он предложил сторонам новый Проект рамочного соглашения. Этот проект был опубликован и направлен не только представителям кипрских сторон, но и членам Совета Безопасности ООН, Греции и Турции. Однако эта инициатива также не получила одобрения. Проект рамочного соглашения 1986 г. во многом повторял не принятые сторонами предложения январской встречи в верхах 1985 г. При этом он пытался примирить греко-кипрскую точку зрения на полномочия федерального правительства с турко-кипрским взглядом на количество территорий, которые турки должны будут передать грекам. Вопросы безопасности и обороны были отложены на будущее, до времени подписания специальных договоров об обороне. Законодательные органы оставались такими же, как и в январских предложениях 1985 г. Изменения заключались лишь в том, что особо важные вопросы должны были решаться отдельным голосованием каждой общины, представленной в парламенте. Проект предполагал создание специальной рабочей группы для решения важного для греческой стороны вопроса о трех свободах. Кроме того, предполагалась выработка графика по выводу иностранных войск. Согласно

проекту количество территории, контролируемой турками-киприотами, должно было быть не меньше 29 процентов.

Проект рамочного соглашения был отвергнут греками-киприотами. В своем докладе Совету Безопасности ООН от 11 июня 1986 г. Генеральный секретарь говорил: «Коль скоро одна из сторон не готова пока к принятию проекта рамочного соглашения от 29 марта, проведение предложенных мной переговоров для окончательного урегулирования еще невозможно»²¹.

В ответ на просьбу греко-кипрской стороны о созыве международной конференции по Кипру Перес де Куэльяр сказал президенту Киприану, что по этому вопросу мнения в Совете Безопасности разделились. При этом Генеральный секретарь ООН не имел права созывать такую конференцию только по своей инициативе. Таким образом, через 22 года после начала миротворческой миссии ООН на Кипре, проблема все еще не поддавалась решению с помощью миссии добрых услуг Генерального секретаря этой организации.

Непримирение греко-кипрской стороной Проекта рамочного соглашения было связано со следующими событиями. После провала январского саммита 1985 г., за что С. Киприану был яростно атакован со стороны оппозиции и прессы, он согласился на встречу с Р. Денкташем в апреле. После отказа турко-кипрского лидера от встречи С. Киприану обратился к Генеральному секретарю ООН с просьбой, чтобы следующий проект не сильно отличался от варианта, не рассмотренного Р. Денкташем. Генеральный секретарь заверил его, что новый документ претерпит только косметические изменения, а сущность его останется без изменений. Тем не менее греческой стороне показалось, что очередной проект рамочного соглашения не соответствует заверениям генсека. Основные возражения греко-кипрской стороны были такими:

- Игнорирование проектом разницы в числе беженцев, которые должны вернуться в свои дома, закрыл путь к справедливому разрешению территориальной проблемы.
- Проект предполагает полное политическое равенство турок-киприотов, составляющих 18 процентов населения, с греческим большинством, составляющим 80 процентов, без соответствующего учета этого соотношения в государственных структурах.

- Проект предлагает турко-кипрской стороне право вето в исполнительной и законодательной ветвях власти без соответствующих механизмов, блокирующих вето.
- Проект предлагает составным частям государства отдельные права международной деятельности, позволяя им действовать как суверенным государствам.
- Проект не предполагает эффективной реализации права на три свободы — передвижения, расселения, права собственности, что является основным атрибутом гражданства в любой стране.
- Проект предполагает создание скорее конфедеративного, а не федеративного государства²¹.

20 апреля президент Киприану обратился к Генеральному секретарю ООН с письмом, где он еще раз напоминал о вопросах, которые должны быть обсуждены в ходе его встречи с Р. Денкташем: вывод турецких войск и поселенцев, эффективные международные гарантии, три свободы — передвижения, расселения и права собственности.

В своем следующем письме от 10 июня он выразил следующие замечания:

«Рассматривая предложения Проекта рамочного соглашения, приходишь к выводу, что концепция единого целого [государства] не является достаточной защитой наших позиций, так как в этом случае греко-кипрская сторона будет связана неработающей конституцией и прочими обязывающими условиями, не имея при этом возможности воспользоваться преимуществами каких-либо обязательств, наложенных на турко-кипрскую сторону, особенно в тех вопросах, которые представляют для греков-киприотов жизненно важный интерес»²³. Некоторые руководители греков-киприотов были менее дипломатичны и прямо говорили журналистам, что предложения следует отправить в корзину для мусора.

Турки-киприоты дали положительный ответ на проект рамочного соглашения. И это естественно, так как они занимали более сильные позиции. За годы, прошедшие со времени провозглашения ТРСК, они смогли консолидировать свое общество и укрепить власть. 12 марта 1985 г. состоялся референдум по принятию конституции ТРСК, а 23 июня — парламентские выборы. Все эти меры имели двойное воздействие на ситуацию. С одной стороны, они вызвали бурю недовольства на юге Кипра, особенно

у политиков и журналистов, укрепляя позиции радикалов, с другой — создавали демократическое государство с перспективой (пусть очень дальней) международного признания, что оказывало определенное давление на греков и заставляло их идти на некоторые уступки. Нежелание лидера турок-киприотов встречаться с С. Киприану, выраженное в марте 1985 г., вероятно, было маневром выжидания до проведения референдума и выборов, укрепивших внутренние и частично международные позиции Р. Денкташа. Оно было одним из методов давления на греков-киприотов, а также ответом на критику внутренних оппонентов Р. Денкташа. Справедливости ради следует отметить, что эти оппоненты, например, лидер Турецкой республиканской партии Северного Кипра О. Озгюр, находились в достаточно стесненных политических условиях и играли меньшую политическую роль, чем оппозиция на юге острова.

В ответ на предложение С. Киприану встретиться для обсуждения вопроса о выводе турецких войск, гарантиях и трех свободах Р. Денкташ обратился к Генеральному секретарю ООН со следующим посланием:

«Турко-кипрская сторона последовательно выступает против любых процедур, предполагающих любые формы тайной или челночной дипломатии, а также встреч на высшем уровне до того, как греко-кипрская сторона примет Проект рамочного соглашения»²³.

На самом деле разногласия, разделявшие две стороны по поводу Проекта рамочного соглашения, носили коренной характер. Так, единственным эффективным гарантом безопасности турок-киприотов были турецкие войска, и они не могли покинуть остров до начала деятельности переходного или какого-то другого международно признанного правительства, гарантирующего их безопасность. Кроме того, по их мнению, три свободы не могли быть применены на острове без определенных ограничений.

Для греков-кипротов ситуация повторялась с точностью до наоборот. События 1974 г. привели их к выводу, что Турция — единственная страна, которой нельзя доверять и которую нельзя признавать гарантом. И они считали, что в случае, если турецкие войска не покинут остров сразу по подписанию первого же соглашения, их присутствие только увеличит напряженность, создавая угрозу безопасности греческой общины. Принцип трех свобод же должен был гарантировать соблюдение прав греко-кипрских беженцев.

Естественно, что Проект рамочного соглашения не мог вместить в себя столь полярные мнения, несмотря на то что три свободы были в числе принципов, по которым обе стороны были готовы проявить определенную гибкость. В ноябре 1986 г., выступая на конференции в Королевском институте международных отношений (Чатэм Хаус) в Лондоне, Р. Денкташ снова заявил, что он по-прежнему готов к встречам с греко-киприотской стороной на основе положений Проекта рамочного соглашения²³.

Таким образом, к середине 80-х гг. различные силы мировой политики сформировали следующие подходы к кипрскому урегулированию. Кроме ослабления роли СССР имело место и уменьшение роли Великобритании. Роль Великобритании как самостоятельного игрока в кипрском урегулировании практически нивелировалась, благодаря позиции «младшего партнера» США, занятой ею во многих международных вопросах. После победы консерваторов на выборах 1979 г. кипрский вопрос даже не был вынесен на обсуждение парламента, что показывало отсутствие интереса к нему. Правительство поддерживало миротворческие усилия ООН. Оно решительно отреагировало на провозглашение ТРСК, потребовав срочного созыва заседания Совета Безопасности ООН и поддержав проект резолюции 541, осуждающей одностороннее провозглашение независимости, требующее немедленного вывода иностранных войск с Кипра. Пассивность Великобритании в кипрском вопросе была в первую очередь связана с отсутствием угрозы интересам страны на острове. Поддержка резолюции Совета Безопасности по Кипру имела своей целью сохранение благоприятных условий для снабжения британских военных баз.

По мере снижения роли мировых держав в кипрском урегулировании увеличивалась роль держав региональных, в частности — Греции и Турции. Влияние греческой политики на Кипр было, пожалуй, сильнее, чем во второй половине 70-х гг. Это было связано с напряженностью в турецко-греческих отношениях. В 1986 г. США обвинили греческого премьер-министра А. Папандреу в использовании Кипра как части его антитурецкой политики, инициировании непримиримой позиции греков-киприотов во время межобщинных переговоров. Дело было в обострившихся в то время разногласиях между Грецией и Турцией по поводу греческих островов, расположенных в непосредственной близости от турецкого побережья в Эгейском море. Греция опасалась за безопасность этих островов. Учитывая турецкую политику на Кипре, Греция не исключала, что Турция будет действовать в отношении островов таким же образом.

Ухудшение греко-турецких отношений было во многом связано с тем, что в 1981 г. на выборах в Греции победила греческая социалистическая партия ПАСОК, лидер которой А. Папандреу выражал националистические и антиамериканские взгляды. Он проявлял большую неуступчивость в отношениях с Турцией и в 1982 г., стал первым греческим премьер-министром, посетившим Кипр. Папандреу поддерживал жесткую позицию С. Киприану в ходе встречи на высшем уровне в январе 1985 г. и споров вокруг Проекта рамочного соглашения в марте 1986 г. Отрицательное отношение к примирению с турецкой стороной было связано с позицией его правительства и партии, считавших Турцию главным историческим врагом эллинизма и Греции. Американско-турецкое сближение и относительное охлаждение американско-греческих отношений усиливали греческое чувство незащищенности перед Турцией — значительно более сильной в военном отношении.

Поэтому Папандреу улучшал отношения с СССР. Так, Греция была единственной страной ЕС, которая не ввела санкций против Польши, где в 1980 г. было установлено военное положение, единственной страной НАТО, отказавшейся поддержать размещение в Европе американских ракет «Першинг-2». Греческий лидер неоднократно заявлял о своих намерениях закрыть американские военные базы в Греции к 1988 г. и отказывал американскому флоту в пополнении запасов в греческих портах. От выхода из НАТО Грецию удерживали лишь нежелание еще большего повышения значения Турции и необходимость защиты от нее. В Греции отлично понимали, что США не позволят Турции начать военные действия против Греции ввиду наличия кипрского конфликта. В любом случае греческое влияние на кипрское урегулирование в тот период было решающим. Греция осознавала силу Турции и не хотела дать ей возможность выйти из кипрского кризиса без потерь, лишив себя важного рычага воздействия на своего давнего соперника в регионе. Кроме того, греческие политики понимали, что неурегулированность кипрского конфликта таит в себе потенциальную возможность ухудшения американско-турецких отношений.

Отношение Турции к кипрскому вопросу не менялось. Оно, как и прежде, было обусловлено важным стратегическим положением острова и безопасностью турок-киприотов. Известно, что в 1980 г. внутреннее положение в Турции было нестабильным. Столкновения между силами безопасности и террористическими группировками приводили к ежедневной гибели до 200 человек. В стране насчитывалось до 47

вооруженных группировок, в том числе левацкие, сепаратистские, исламистские, правоэкстремистские и т.п. При этом многие из них поддерживались СССР, по понятным причинам, способствовавшим дестабилизации южного фланга НАТО. В сентябре 1983 г. в Турции произошел военный переворот, и гражданская власть была установлена только в 1983 г. Это не могло не повлиять на процесс урегулирования. Сразу после военного переворота возглавивший его глава генштаба ВС Турции генерал Эврен направил лидерам турок-киприотов послание, в котором отметил, что Кипр является «чадом родины-матери» и составной частью Турции²³.

В 1986 г. посетивший ТРСК турецкий премьер-министр Т. Озал отметил, что, попав на Кипр, он почувствовал себя так, как в одной из провинций Турции, не ощутив никакой разницы²¹. Такие заявления никак не могли положительно повлиять на греков-киприотов в отношении уступок турецкой стороне. Тенденция относиться к Кипру как к части Турции вызвала соответствующую реакцию части турок-киприотов. Лидер оппозиции О. Озгюр даже отметил, что Озал на Кипре вел себя не как гость, а как хозяин ТРСК¹⁸. И в этом не было ничего удивительного. В 1984 г. и в последующие годы Турция финансировала бюджет ТРСК на 2/3, она обладала полным военным контролем над территорией при помощи военного контингента в 40 тысяч человек. Ввиду международного бойкота ТРСК ее почтовая, телефонная и транспортная связь с внешним миром осуществлялась через Турцию. Являясь единственной страной, признавшей ТРСК, Турция вмешивалась и во внутренние дела, в частности в выборы руководства возглавляемой Р. Денкташем Партии национального единства. Естественно, что Турция в значительной степени влияла и на переговорные позиции Р. Денкташа, правда, утверждая при этом, что он пользуется значительной самостоятельностью. Так же как и Греция, Турция рассматривала кипрский фактор как часть комплекса взаимоотношений с Грецией, в том числе и как козырь в позиции, касающийся вопроса островов в Эгейском море. Кроме того, Кипр был важен как разменная карта в турецкой политике по присоединению к Евросоюзу. В связи с этим вопросом Турция готова была идти на уступки. Однако в первой половине 80-х гг. Турция не имела поводов делать какие-либо уступки по Кипру. Даже зависимость от помощи западных стран не могла полностью повлиять на турецкую позицию. Например, в марте 1984 г. Комитет Сената США по международным отношениям проголосовал за задержку выделения военной помощи в 215 миллионов долларов до тех пор, пока Турция не передаст под контроль ООН Фамагусту. В ответ

на это премьер-министр Т. Озал заявил: «Те, кто связывает предоставление помощи с уступками по Кипру, спят и видят сны»²¹. Турецкий политик прекрасно осознавал стратегическую важность Турции в период холодной войны: контроль над проливами воздушное пространство, через которое пролегали пути советской авиации на Ближний Восток. И еще Турция имела непреходящее значение для американской военной интервенции в страны Персидского залива. Последнее стало особенно важным в свете исламской революции в Иране, победившей в 1978 г. Потеря США важного союзника в регионе в лице иранского шаха привела их к пониманию, что излишнее давление на Турцию в связи с Кипром может дистанцировать ее от Запада. Тем более что в 1982 г. К. Эврен совершил визиты в Болгарию, Румынию и Югославию, а министр иностранных дел И. Тюркмен — визит в СССР. Таким образом, турецкие политики понимали, что кипрский вопрос не очень повлияет на их отношения с Западом, особенно в период президентства Рейгана, администрация которого трезво оценивала значение Турции для США.

Так, президент Рейган в своих письменных ответах на вопросы турецкой газеты «Хюрриет» в марте 1985 г. отметил, что с 1980 г. ежегодная военная помощь США Турции увеличилась втрое и достигла 700 миллионов долларов ежегодно. Он также указал на то, что считает турок смелым и твердым народом, который демонстрирует всему миру свою приверженность демократическим ценностям и реформам в экономике. Президент США выразил оптимизм в связи с кипрским вопросом и выразил надежду на урегулирование. Р. Рейган подчеркнул, что отношения между его страной и Турцией в период его президентства развились и он надеется на их дальнейшее расширение и развитие³⁴. В связи с этим в 80-е гг. Турция, как обычно, поддерживала кипрское урегулирование, исходя из собственных интересов. Нет сомнения в том, что Турция, по крайней мере, военная часть ее истеблишмента, была инициатором провозглашения ТРСК. И Турция не могла пойти на уступки по Кипру без получения преимуществ в Эгейском море и по поводу членства в ЕС. Сложно было предположить, что, уйдя с острова, расположенного всего в 70 км от ее берегов, она смогла бы гарантировать свою безопасность от действий греческой армии, имевшей в своем распоряжении острова, лежащие в непосредственной близости от ее западного берега. Кроме того, учитывая роль СССР во внутренних событиях, спровоцировавших военный переворот, Турция не могла позволить себе оставить без контроля Кипр, стратегические интересы греческого правительства кото-

рого совпадали с советскими. Один турецкий дипломат сказал своему греческому коллеге: «Мы победили на Кипре, но пройдет время, прежде чем вы это поймете»²¹.

Определенное ослабление позиций СССР в кипрском урегулировании в 80-е гг. привело к активизации США в этом направлении. Они словно стремились закрепить положение, при котором советское влияние ослабевало, надеясь не допустить использования конфликта в целях укрепления советских позиций в регионе. Американская программа минимум состояла в предотвращении войны между Грецией и Турцией. Изменение соотношения сил привело к тому, что отношение к Кипру выразилось в стремлении американской дипломатии способствовать следующему: а) укреплению НАТО; б) невыходу Кипра из западной сферы влияния; в) предотвращению греко-турецкого вооруженного конфликта; г) способствовать ослаблению противодействия предоставлению Турции новой военной помощи, так как это требовало одобрения конгресса, где было много греческих лоббистов.

Например, в 1984 и в 1985 гг. американская дипломатия старалась добиться урегулирования в ходе переговоров и подготовки к встрече на высшем уровне в Нью-Йорке. 22 ноября президент Рейган направил письмо турецкому лидеру К. Эврелю, к которому он попросил его оказать давление на Р. Денкташа, с тем чтобы тот проявил большую гибкость. Несмотря на провал переговоров по вине греческой стороны, США считали своей заслугой то, что лидеры двух общин встретились впервые за шесть лет. США также проявляли интерес к миротворчеству под эгидой ООН, послав на остров своего представителя Э. Дервински для ознакомления с ситуацией. При этом, оглядываясь на греческое лобби, США предложили Кипру помощь в масштабе 250 миллионов долларов в случае прорыва в урегулировании, что вызвало естественное одобрение всех греков, в том числе и киприотов⁴⁰.

Политика США того времени была продиктована логикой холодной войны. Согласно этой логике противодействие возможному расширению советской зоны влияния требовало точного планирования. Согласно докладу ЦРУ 1984 г. силы стран Варшавского пакта (СССР — Авт.) могли действовать в любом регионе Средиземноморья, подвергая опасности морские коммуникации, имеющие жизненно важное значение для стран южного фланга НАТО. В планировании и применении эффективной стратегии борьбы с СССР в регионе Кипр играл главную роль

ввиду своего расположения, относительно большого размера территории и количества населения⁴². Для того чтобы добиться разрешения ситуации на Кипре, США должны были быть в хороших отношениях с обеими «материнскими странами», Грецией и Турцией. При этом гражданами США являлись 1,25 миллиона греков и 54 тысячи турок⁴⁰. И значительное влияние греческого лобби уравнивалось стратегическим значением Турции для НАТО как одной из двух стран, граничащих с СССР (второй была Норвегия — Авт.). Турция держала под ружьем 630 тысяч солдат, готовых воевать под эгидой НАТО. Эта страна ввиду своей стратегической важности пользовалась поддержкой военных кругов США, в то время как наличие на Кипре турецких войск вопреки международному праву было причиной поддержки госдепартаментом США Греции. В 80-е гг. во время президентства Рейгана и военного правления в Турции отношения между странами улучшились, военные и торговые связи укрепились. Помощь США Турции значительно увеличилась в период между 1982 и 1983 гг., значительно развились экономические связи. Это способствовало увеличению американского влияния на Турцию и на позицию турок-киприотов в 1985 г.

При этом, как уже отмечалось, после прихода к власти в Греции социалистического правительства в 1981 г. её отношения с США ухудшились. В 1985 г. Госдепартамент США даже предостерег своих граждан от поездок в Грецию, предупреждая, что больше не доверяет антитеррористическим усилиям греческого правительства, указывая на то, что Афинский аэропорт больше не является безопасным для граждан США. Это предостережение действовало всего месяц, после чего отношения между двумя странами стали улучшаться. В любом случае отношения между Грецией и США в первой половине 80-х гг. не были столь прочными и теплыми, как отношения США с Турцией. Тем не менее, несмотря на добрые отношения США с обоими государствами кипрский конфликт в то время так и не был урегулирован. Он не мог быть урегулирован без поддержки США, но не был урегулирован и с их поддержкой.

Объясняется это тем, что влияние США в двух странах было не безграничным. Дружеские отношения с Турцией были взаимовыгодны: США укрепляли НАТО, а Турция с американской помощью укрепляла свои военные и экономические возможности. Любое ухудшение отношений было бы невыгодно для обеих сторон. Американское влияние на Турцию в связи с Кипром было ограниченным, так как любое сильное давление могло привести к противоположному результату.

Социалистическое правительство А. Папандреу в Греции вообще не было дружественным США, поэтому и возможностей для влияния было немного. Другой сдерживающий урегулирование фактор состоял в том, что США рассматривали кипрскую проблему как межобщинный спор, а не как результат 30 лет неадекватной политики и манипуляции киприотами со стороны СССР, Великобритании, Греции, Турции и США³⁷. Может быть, именно недооценка международного фактора и не позволила США добиться мирного урегулирования конфликта. Однако ограниченное влияние США на обе стороны, их взгляд на проблему как на межобщинный конфликт не меняли того, что США были единственным государством с достаточной степенью влияния на обе стороны. Этот период ознаменовался и большей поддержкой США урегулирования под эгидой ООН. В целом США не очень приветствовали эти усилия, так как ООН все ещё была той структурой, где СССР имел большое влияние и выступал как сторона, способная повлиять на решение кипрской проблемы.

В первой половине 1980-х гг. ООН была более активна в урегулировании кипрского вопроса. Возможно, это было связано с тем, что эти усилия больше поддерживались США. Однако урегулирование кипрской проблемы так и не состоялось. Это произошло именно потому, что в тот период было сильно как никогда межобщинное взаимное недоверие из-за плохих отношений между Грецией и Турцией. Поэтому опасения сторон по поводу намерений противоположной стороны углубились. Так, если в первые три года менее уступчивой была турко-кипрская сторона, то после этого жесткостью позиций стали отличаться греки-киприоты. В конце концов нежелание Турции и Греции оказывать достаточное влияние на С. Киприану и Р. Денкташа привело переговорщиков к патовой ситуации. Как ни странно, но создалось впечатление, что ни одна из сторон не желала делать каких-либо серьезных шагов в сторону урегулирования. Они предпочитали оставить все как есть, опасаясь, что переговорный процесс может привести к результатам, которые могут оказаться неудовлетворительными.

Таким образом, в 1980-е гг. позиции сторон и заинтересованных сил международного сообщества приобрели более или менее определенный характер. И греко-кипрская, и турко-кипрская стороны поддерживали идею создания двухобщинной, двухзональной федерации. Однако видение ее у сторон было различным. Турки-киприоты настаивали на создании федерации со слабым центром, четко очерченными границами двух

образований, большой степенью самостоятельности каждого из двух «субъектов федерации», а точнее конфедерации. Они считали размеры контролируемой ими территории адекватными количеству земли, находившейся в собственности у турок в период смешанного проживания двух народов. В ТРСК и Турции считается, что турки владели 30 процентами земли на Кипре.

Греки-киприоты видели более важным создание федерации с символическими границами между двумя частями, сильным центром и правом свободного передвижения граждан по всей территории острова. Они считали, что турки владели 12,3 процента всех кипрских земель и 16,4 процента частной земли на острове. Что же до 3240 тысяч кв. км, контролировавшихся турецкой стороной, то, согласно государственному земельному реестру, до 1974 г. 23,1 процента из них принадлежали государству, 60,2 процента — грекам, а 16,7 процента — туркам¹⁸.

Конечно, греко-кипрское видение проблемы более соответствовало общеевропейским тенденциям создания национальных государств того времени. Однако нельзя не признать, что турко-кипрские предложения больше соответствовали реальным взаимоотношениям между двумя кипрскими общинами, психологическому климату, царившему в этих отношениях. При этом точка зрения обеих общин согласовывалась с «материнскими государствами» и полностью соответствовала их интересам. Так как внешняя политика как Греции, так и Турции зависела от интересов региональных и глобальных акторов, создавалась сложная система факторов и взаимоотношений, учесть совокупность которых было сложно. Это имело и имеет в основном отрицательное влияние на судьбы кипрского урегулирования. Одним из немногих положительных следствий совокупности этих факторов является практическая перманентность процесса урегулирования.

Так, в июле 1987 г. обвинявшееся в излишней неуступчивости на переговорах правительство Республики Кипр предложило Генеральному секретарю ООН распустить кипрскую Национальную гвардию и отказаться от всех военных заказов в обмен на вывод турецких войск с острова. По мнению греко-кипрской стороны, турецкие войска должны были быть заменены международными силами по поддержанию мира на Кипре. Однако турко-кипрская сторона не изъявила желаний выйти из формата переговоров по установлению двухзонального, двух-

общинного федеративного государства, согласно которому военные вопросы решаются после политических¹.

В начале 1988 г. в Давосе встретились премьер-министры Греции и Турции К. Караманлис и Т. Озал. Эта встреча, имевшая своей целью нормализацию двусторонних отношений, способствовала улучшению переговорного климата кипрского урегулирования, тем не менее она едва ли могла способствовать скорому урегулированию. Ведь если позиции сторон были относительно близкими то цели были достаточно далекими друг от друга. Вследствие этого процесс урегулирования продолжался в вялотекущем режиме, когда обе стороны внешне демонстрировали приверженность урегулированию, а на деле продолжали настаивать на своем видении процессов урегулирования. Георгиос Василиу, избранный президентом Кипра в 1988 г., выразил желание встретиться с Р. Денкташем. Такая встреча состоялась в августе 1988 г. На ней было принято решение взять за основу не Проект рамочного урегулирования, а соглашения 1977 и 1979 гг. В феврале 1989 г. президент Кипра представил предложения по созданию «независимого, территориально целостного федеративного государства»¹. Излишне говорить, что в предложениях под независимостью понималось отсутствие иностранных войск, а под территориальной целостностью — федерация с сильным центром. И это не устроило турко-кипрскую сторону.

В июле 1989 г. Генеральный секретарь ООН предложил ряд положений по урегулированию, названных «основы для размышления». Положения эти были попыткой совместить предложения греков- и турок-киприотов. В итоге они не устроили ни одну из сторон. Греко-кипрская сторона согласилась использовать их в качестве «вспомогательного звена для продолжения переговоров»¹. Турко-кипрская сторона, начавшая подготовку к президентским выборам, назначенным на апрель 1990 г., выразила несогласие с предложениями, еще раз указав на необходимость решения сначала политических, а затем военных и экономических вопросов.

Очередная встреча на высшем уровне представителей сторон состоялась 26 февраля — 2 марта 1990 г. в самый канун выборов президента ТРСК. И главный кандидат на пост президента Р. Денкташ потребовал, чтобы термин «общины» использовался в значении «народы», каждый из которых имеет право на самоопределение. Такое предложение было расценено Пересом де Куэльярром как выход за рамки согласованно-

го формата переговоров, не соответствующий резолюциям Совета Безопасности ООН по Кипру. В результате этого Генеральный секретарь ООН сделал соответствующий доклад, что стало причиной принятия резолюции Совета Безопасности ООН 649 (1990), подтвердившей все предыдущие резолюции по Кипру, выразившей поддержку соглашениям 1977 и 1979 гг., в которых говорилось о создании двухобщинной независимой федеративной республики, исключающей присоединение к любому другому государству, любую форму раздела или отделения. Вместе с тем резолюция призвала к поиску решений проблемы путем прямых переговоров и указала на то, что кипрская проблема уходит своими корнями не в 1974 г., а в 1960-е гг.

Итак, очередной раунд переговоров закончился без результата, но лидер турок-киприотов, занявший на этот раз более жесткую позицию, чем его греко-кипрский партнер по переговорам, был поддержан Турцией и избран президентом ТРСК во второй раз. Вместе с тем подходил к концу второй срок пребывания на посту Генерального секретаря ООН Переса де Куэльера, а вместе с ним и миссия добрых услуг генсека по урегулированию кипрского конфликта. 27 марта 1991 г. Перес де Куэльяр выступил с заявлением по кипрскому урегулированию, в котором заявил: «Кипр — общий дом и греко-кипрской и турко-кипрской общин, отношения между которыми не являются отношениями большинства и меньшинства, а отношениями двух общин. Решение кипрской проблемы заключается в создании одного государства, состоящего из двух политически равноправных общин. Целью является выработка нового конституционного устройства кипрского государства, способного регулировать отношения между общинами на основе федерации, которая будет двухобщинной в конституционном отношении и двухзональной — в территориальном. Власть, полномочия и функции федерального правительства должны быть способны обеспечить эффективное участие в нем обеих общин, равно как и эффективное функционирование самого федерального правительства. Должна уважаться культурная, социальная и языковая самобытность каждой из общин»¹.

Данное заявление иллюстрирует модель кипрского урегулирования, выработанную ООН, которая на сегодняшний день очень мало изменилась. Она эволюционировала от однозначной поддержки греко-кипрской стороны до учета позиций обеих конфликтующих сторон. При этом модель стала больше соответствовать интересам турко-кипрской стороны, так как включила в себя такие положения,

как равноправие общин, уважение культурной и языковой самобытности, двухобщинность и двухзональность — все то, что греко-кипрская община поддерживала на словах, но не принимала на деле. Указанная эволюция позиции ООН была без восторга встречена Грецией и греко-кипрской стороной, что имело отрицательные последствия для переговорного процесса.

Подводя итоги деятельности Генерального секретаря ООН по урегулированию конфликта, завершившейся в 1991 г., следует отметить, что, несмотря на резолюции Совета Безопасности ООН, обеспечивавшие политическое преимущество греков-киприотов, ситуация в сфере урегулирования не менялась в их пользу. И дело было в силовом преимуществе турко-кипрской стороны. В ходе кипрского урегулирования выявилась закономерность, повторившаяся затем в процессе урегулирования конфликтов на постсоветском пространстве. Какие бы преимущества ни предоставлялись конфликтующим сторонам теорией и практикой международного права, реальные преимущества всегда имеет сторона более сильная в военном отношении. Военный контроль ситуации позволяет этой стороне с достаточной степенью устойчивости отвергать неудобные варианты урегулирования, ставя посредников перед необходимостью улучшать предложения в интересах этой стороны как располагающей более конкретными возможностями воздействия на положение вещей. Вместе с тем в военном отношении более слабая сторона, ссылаясь на нормы международного права, как правило, не соглашается с невыгодными для нее условиями урегулирования, в результате чего и складывается патовая ситуация, характерная для большинства неурегулированных конфликтов.

Итак, к началу 1990-х гг. Греция и греко-кипрская сторона, видимо, осознали, что многочисленные резолюции Совета Безопасности ООН, ввиду своего рекомендательного характера, недостаточны для изменения силового баланса на острове и вывода оттуда турецких войск. Классические понятия ведения войны требовали переноса действий в область, где противник наиболее уязвим. Идея о новом пути укрепления позиций греческой стороны в вопросах урегулирования, вероятно, пришла с началом изменения геополитической ситуации в мире в конце 1980-х гг. Объявленный в СССР новый политический курс привел к дестабилизации внутренней обстановки в стране. И к концу 1980-х гг. для многих в мире стало ясно, что вслед за внутривнутриполитическими грядами внешнеполитические изменения, в частности на востоке Европы.

Обозначившийся развал советского блока делал вероятным вступление бывших стран «народной демократии» в ЕС. Поэтому голос Греции, располагавшей как член ЕС правом вето, приобретал важное значение. Эта страна получала возможность настаивать на форсированном принятии Кипра в ЕС, угрожая при этом заблокировать столь важное для интересов Запада вступление в организацию стран Восточной Европы. Следует отметить, что вопрос о вступлении Кипра в ЕС обсуждался и ранее. Однако в ходе переговоров под эгидой Генерального секретаря ООН стороны конфликта договорились о том, что этот вопрос будет отложен до окончательного урегулирования и решен на референдумах в каждой из частей острова²⁰.

В январе 1988 г. началось действие подписанного ранее протокола о таможенном союзе Кипра и ЕС. 1 июля 1990 г. Республика Кипр подала заявку на вступление в Евросоюз как полноправный член. При этом заявка была подана от имени всего народа, населяющего территорию острова без разделения на северную и южную часть. Этот шаг вызвал отрицательную реакцию Турции и ТРСК. 12 июля 1990 г. ТРСК направила в адрес Совета ЕС соответствующий меморандум. Аналогичные возражения содержались и в ноте от 3 сентября 1990 г. При этом турко-кипрская сторона ссылалась на Договор о гарантиях 1960 г., согласно которому вице-президент - турок имел право вето на внешнеполитические решения, в частности относительно членства в организациях и союзах, членами которых одновременно не являются Турция и Греция.

Заявка на вступление в ЕС, поданная Турцией в 1987 г., к тому времени не получила одобрения. Несмотря на это, 11 сентября 1990 г. ЕС принял решение о рассмотрении заявки Республики Кипр в обычные сроки, а 30 июня 1993 г. Европейская комиссия вынесла положительное решение по существу кипрского вопроса⁵. И такое решение было принято не только из-за угроз Греции заблокировать вступление в ЕС новых членов, но, видимо, и потому, что, ввиду распада СССР, ЕС потерял интерес к Турции как к военной силе на южных границах потенциального противника. А принятие в организацию Кипра создавало очередное препятствие на пути членства в ЕС этой мусульманской страны. Начало переговоров о вступлении Кипра в ЕС, вопреки мнению Турции и позиции ТРСК, существенно осложнило переговоры по кипрскому урегулированию, став причиной ужесточения позиции турок-киприотов. По мнению турецкой стороны, вступлением Кипра в ЕС Греция постаралась достичь того, чего не смогла сделать в 1960-е и 1970-е гг. силовым путем, а имен-

но добиться эносиса и получить серьезную возможность давления на Турцию, претендующую на членство в организации, минимизировать, а то и вовсе свести на нет условия цюрихско-лондонских соглашений, лишив Турцию возможности вооруженного вмешательства на Кипре. Это мнение не сильно расходилось с действительностью. Однако оно не стало причиной особого беспокойства греческой стороны. Греция смогла настоять на вступлении Кипра в ЕС и постаралась, по меньшей мере, компенсировать военное преимущество турко-кипрской стороны политическим преимуществом греко-кипрской. В ответ на это в сентябре 1990 г. Турция и ТРСК подписали соглашение об отмене паспортного контроля в двусторонних отношениях и таможенном союзе.

Распад СССР закрепил геополитическую ситуацию вокруг Кипра, которая начала складываться в 1980-е гг. Она характеризовалась дальнейшим уменьшением роли России — правопреемницы Советского Союза в кипрском урегулировании, окончательным установлением американского влияния в вопросах урегулирования по линии ООН. Учитывая, что одним из направлений американской внешней политики стало уменьшение роли Российской Федерации на постсоветском пространстве, Россия стала использовать для реализации своих интересов противоречия между США и их европейскими союзниками, углубившиеся в связи с исчезновением общего противника. Поэтому интересы России сблизилась с греческими и отдалились от турецких уже на новой основе. Российские и турецкие интересы стали расходиться в связи с тем, что Турция стала часто использоваться США для реализации американской политики на Кавказе и Балканах. В связи с этим Российская Федерация стала использовать противоречия между Турцией и странами ЕС, по разным причинам не желавшими интеграции этой страны в ЕС. Естественно, что Греция была одним из основных антитурецких государств ЕС.

Геополитические изменения, связанные с распадом СССР, фактическое решение вопроса о членстве Кипра в ЕС, так же как и окончание миссии Переса де Куэльяра в качестве Генерального секретаря ООН, не прекратили переговоров по кипрскому урегулированию, а только придали им новый импульс. Процесс урегулирования вступил в новую стадию с избранием на пост Генерального секретаря ООН Бутроса Гали. 3 апреля 1992 г. он предложил на рассмотрение сторон проект соглашения, названный «серия идей». Этот проект основывался на «основах для размышлений» Переса де Куэльяра и включал основные положе-

ния, изложенные в его заявлении по кипрскому урегулированию от 27 марта 1991 г.

«Серия идей» предлагала создание двухобщинного, двухзонального федеративного государства со скорее слабым, чем сильным, центром. При этом оба федеративных государства должны были иметь значительную самостоятельность, раздельную полицию и силы безопасности, особые отношения с Грецией и Турцией. В них указывалось на продолжение действия Договора о гарантиях и Договора о союзе, отдельно оговаривались светский характер государства и невозможность духовных лиц из обеих общин занимать высшие государственные посты. В законодательной сфере «серия идей» предлагала организацию двухпалатного парламента, верхняя палата которого состояла бы из представителей двух общин в соотношении 50:50, нижняя — в соотношении 30:70. Кабинет министров федеративного государства должен был состоять из 7 греков и 3 турок, назначенных президентом по представлению вице-президента. Согласно новым предложениям предполагалось, что один из ключевых постов в правительстве — министра иностранных дел, обороны или финансов — должен был быть закреплен за турком-киприотом. При этом президент и вице-президент, председатели верхней и нижней палат, а также председатели палат и их заместители должны были относиться к разным общинам.

План был встречен в штыки обеими сторонами конфликта. Греко-кипрская сторона считала его наградой турко-кипрской стороне за этнические чистки. Согласно этому мнению турко-кипрская сторона получала слишком много территории, слишком много прав (равных с греками-киприотами) и несправедливо увеличивала свою пропорцию в населении острова до 30 процентов за счет переселенцев из Турции²⁴. Р. Денкташ также считал этот план неприемлемым: Турция и турки-киприоты еще не забыли игнорирования их позиции по членству Кипра в ЕС, кроме того, в ТРСК назревали парламентские выборы.

Тем не менее примерно через год после этого, в мае 1993 г., Бутрос Гали выдвинул новые предложения, названные «мерами по установлению доверия». Они включали в себя уменьшение военных сил на острове, передачу Вароши под прямой контроль ООН, отмену запретов на контакты двух сторон, проведение переписи населения, серьезных исследований приемлемых условия урегулирования. Р. Денкташ заявил о принятии им ряда положений «мер по установлению доверия».

Тем временем, как уже отмечалось, 30 июня 1993 г. ЕС объявил о своем положительном решении по членству Кипра в организации. Однако ЕС не стал настаивать на немедленном рассмотрении вопроса об урегулировании, а постановил, что он должен быть рассмотрен в январе 1995 г. с учетом позиций, занятых каждой из сторон переговоров. Естественно, что греко-кипрская сторона, отдававшая предпочтение урегулированию в рамках ЕС, не стала торопить события, и в декабре 1993 г. президент Клиридис предложил демилитаризацию Кипра, что было, естественно, отвергнуто Р. Денкташем. Вскоре после этого лидер турок-киприотов объявил, что принимает в принципе «меры по установлению доверия».

В марте 1994 г. Генеральный секретарь ООН выступил с докладом, в котором сообщил Совету Безопасности о прогрессе, достигнутом в принятии сторонами «мер по установлению доверия», направленных на развитие политического процесса с целью полного урегулирования. По его словам, успехи были достигнуты в отношении перехода под управление ООН закрытой территории Вароша и Международного аэропорта Никосии; обе стороны приняли проект в принципе, что является показателем их готовности к выработке условий его реализации.

Бутрос Гали сообщил также, что его специальный представитель Д. Кларк посетил в январе 1994 г. Кипр, где провел интенсивные переговоры с лидерами обеих сторон — Г. Клиридисом и Р. Денкташем. А в феврале начались непрямые переговоры между сторонами. Дискуссии велись вокруг семи вопросов, по которым было достигнуто согласие сторон: переход под управление ООН закрытой территории Вароша и Международного аэропорта Никосии; временной график реализации пакета мер; организация межобщинных контактов и торговли; правила эксплуатации Международного аэропорта Никосии иностранными и турецкими авиакомпаниями; безопасное функционирование аэропорта; свободный доступ к нему гражданских пассажиров и грузов обеих сторон, а также рассмотрение 12 дополнительных мер по установлению доверия, означенных в докладе Генерального секретаря ООН в июле 1993 г., сразу после достижения договоренностей по данному пакету мер.

На основе этого доклада 11 марта 1994 г. Совет Безопасности ООН принял резолюцию 902, в которой, в частности, говорилось:

«Совет Безопасности,

ссылаясь на свои соответствующие резолюции по Кипру,

приветствуя доклад Генерального секретаря от 4 марта 1994 года о его миссии добрых услуг на Кипре, представленный в соответствии с резолюцией 889 (1993) от 15 декабря 1993 года,

напоминая о своей поддержке решения Генерального секретаря сосредоточить усилия на данном этапе на достижении соглашения о мерах укрепления доверия в отношении Вароши и никосийского международного аэропорта, а также о других мерах, о которых говорится в приложении I к его докладу от 1 июля 1993 года,

подтверждая, что меры укрепления доверия, хотя и не являются самоцелью и не заменяют собой более широкий политический процесс, обеспечили бы существенные выгоды обеим общинам и содействовали бы политическому процессу в направлении общего урегулирования,

- 1) *вновь заявляет*, что сохранение статус-кво неприемлемо;
- 2) *приветствует* тот факт, что обе стороны в принципе согласились с мерами укрепления доверия в отношении, в частности, Вароши и никосийского международного аэропорта;
- 3) *приветствует* тот факт, что активные обсуждения позволили представителям Генерального секретаря выдвинуть идеи, которые должны способствовать обсуждениям, направленным на достижение соглашения по ключевым вопросам, касающимся осуществления мер укрепления доверия, и подчеркивает необходимость безотлагательного заключения такого соглашения;
- 4) *просит* Генерального секретаря представить к концу марта 1994 года очередной доклад о результатах его усилий по окончательной доработке этого соглашения;
- 5) *постановляет* продолжить рассмотрение данного вопроса, в соответствии с пунктом 13 резолюции 889 (1993), на основе этого доклада».

4 апреля 1994 г. Генеральный секретарь ООН выступил на заседании Совета Безопасности ООН с докладом о результатах своих усилий по достижению соглашения на основе пакета «мер по укреплению доверия». Он подчеркнул, что целью усилий было содействие сторонам конфликта в выработке общих позиций по всем семи пунктам предложений. Для этого специальный представитель подготовил документ, включающий проект положений, каждое из которых было обсуждено с каждым

из лидеров конфликтующих сторон, с учетом позиций каждой из них. Исправленный в соответствии с пожеланиями сторон документ был представлен сторонам 21 марта. С 21 по 23 марта на основе представленного документа состоялись новые обсуждения. Во время обсуждения турко-кипрская сторона озвучила много возражений, указывая на то, что новый текст содержит отход от текста предложений июля 1993 г. в угоду позиции греко-кипрской стороны. Лидер турок-киприотов высказал возражения в отношении элементов предложений, касающихся доступа из буферной зоны ООН в закрытую зону Вароша, правил эксплуатации Международного аэропорта в Никосии, временных рамок предоставления преимуществ турко-кипрской стороне, вопроса таможенных сборов. Лидер греков-киприотов отметил, что он не согласен со многими изменениями в тексте, но готов принять его в случае, если так же поступит турко-кипрская сторона. Переговоры с лидером турок-киприотов продолжил заместитель спецпредставителя Генерального секретаря ООН, однако ни по одному из важных вопросов прогресса не наблюдалось. При этом Генеральный секретарь принял решение продолжить контакты со сторонами на высшем уровне и представить в конце апреля соответствующий доклад. Председатель Совета Безопасности ООН проинформировал его, что члены Совета Безопасности ООН поддерживают его усилия по урегулированию, одобряют подходы к урегулированию и подчеркивают важность достижения соглашения к концу апреля. 4 апреля Турция направила Генеральному секретарю ООН письмо, в котором выразила свое отношение к «мерам по укреплению доверия» как «поддержку», а не «принятие». Вместе с тем в Совете Безопасности ООН надеялись на Турцию как на силу, которая будет способствовать принятию пакета мер. В конце апреля Генеральному секретарю ООН было передано письмо Р. Денкташа от 25 апреля. В этом письме он выразил свое отношение к «мерам по установлению доверия». Р. Денкташ от имени турок-киприотов предложил в обмен на передачу Вароши под управление ООН снять санкции с ТРСК. При этом он указал на то, что с целью достижения соглашения его сторона не настаивает на полной отмене санкций и согласилась бы с облегчением режима въезда и выезда, торговли и туризма, чему могло бы способствовать открытие Международного аэропорта Никосии под управлением ООН.

Таким образом, идеи, предложенные в 1994 г., стали непохожими на меры, предложенные в 1993 г. Турки-киприоты вступили в раунд переговоров, начавшийся в феврале 1994 г., с целью прояснить возможности выполнения условий, более широких, чем было предложено Генеральным секретарем. Поэтому в ООН сочли, что их возражения выходили за

рамки принципов, лежавших в основе пакета предложений. В своем докладе Совету Безопасности в мае 1994 г. Генеральный секретарь проинформировал его о дальнейших контактах с заинтересованными сторонами. В докладе говорилось, что заместитель спецпредставителя в середине апреля встретился в Никосии с лидерами обеих общин, высоким должностным лицом МИД Турции, в то время как спецпредставитель встречался 23 апреля в Вашингтоне с министром иностранных дел Греции. Спецпредставитель и его заместитель также посетили Анкару, где встретились с заместителем премьер-министра, направившись после этого в Никосию для проведения контактов с лидерами общин. 11 и 12 мая заместитель спецпредставителя принял участие во встречах старших представителей Турции, США и турко-кипрской общины, которые состоялись в Вене. Однако это не привело к продвижению вперед в основных вопросах. Турко-кипрская сторона выдвинула два варианта предложений, которые выходили за рамки «мер по установлению доверия» и даже противоречили им в том, что не способствовали межобщинным контактам. При этом обсуждение предложений не было продолжено, ввиду того что это требовало одобрения обеих сторон конфликта. В заключение Генеральный секретарь ООН предложил несколько вариантов выхода из сложившейся ситуации. Одно из предложений гласило: ввиду того что за 30 лет попыток урегулирования не было проявлено достаточно политической воли для урегулирования конфликта, ООН может перенаправить свои скудные ресурсы по поддержанию мира и миротворчеству на другие направления.

Кроме того, Генеральный секретарь ООН указал на то, что миссия добрых услуг, зависящая от сотрудничества и согласия сторон, не была адекватным путем решения конфликта, и международное сообщество посредством Совета Безопасности может прибегнуть к мерам принуждения. Другое предложение состояло в том, чтобы отложить на время представленный пакет мер и попытаться продвинуться вперед на основных направлениях по вопросам, предложенным сторонам в июле 1992 г. Предложения содержали проведение широкого исследования путей урегулирования кипрской проблемы с учетом мнений членов Совета Безопасности, государств-гарантов (Греции, Турции, Великобритании), лидеров общин на Кипре и других, с целью выработки широкого спектра вариантов урегулирования. Последним вариантом было предложение международному сообществу возобновить свои усилия по урегулированию на основе принятого сторонами в принципе пакета «мер по установлению доверия».

Генеральный секретарь ООН предложил, чтобы решению Совета Безопасности предшествовало мероприятие международного характера, такое как международная конференция, консультации, визит делегации членов Совета или возобновление деятельности специального представителя. По мнению Бутроса Гали, все предложения, кроме первого, требовали продолжения пребывания на Кипре Вооруженных сил ООН по поддержанию мира. 6 июня Турция передала Генеральному секретарю ООН письмо лидера ТРСК, в котором говорилось о наличии политической воли к заключению соглашения на основе «мер по установлению доверия» для достижения всеобъемлющего урегулирования, учитывающего существующие реалии, базирующегося на принципах равенства и совместного управления. Турки-киприоты выразили готовность принять предложения специального координатора США по поводу доступа к закрытой территории Вароша и ее безопасности, а также предложенную ООН карту этой территории.

При этом договоренности по этому поводу, достигнутые в ходе обсуждений в Вене с участием заместителя спецпредставителя Генерального секретаря ООН, должны были быть внесены в текст соглашения на основе «мер по установлению доверия». 28 июня Генеральный секретарь ООН направил в Совет Безопасности соответствующее письмо, в котором отразил развитие событий в сфере урегулирования. В нем говорилось о письме лидера турок-киприотов и о том, что после его получения заместитель спецпредставителя провел с ним ряд встреч для уточнения позиций. Встречи подтвердили изменение позиций турок-киприотов в сторону позитива. Во время этих встреч заместитель спецпредставителя же настаивал на том, что внесение поправок в текст соглашения не требуется, а предложения турко-кипрской стороны будут доведены до сведения лидера второй общины и членов Совета Безопасности Генеральным секретарем ООН.

В то же время лидер греков-киприотов, который заявил о принятии предложений от 21 марта в случае, если их примет турко-кипрская сторона, проинформировал Генерального секретаря ООН о том, что 8 июня Национальный совет Кипра принял решение о невозможности продолжать переговоры на основе «мер по установлению доверия» по причинам, означенным в докладе Генерального секретаря от 30 мая. 16 июня состоялась встреча Генерального секретаря ООН и министра иностранных дел Кипра. Учитывая результаты встреч заместителя спецпредставителя с лидером турок-киприотов, Генеральный секретарь констатировал зна-

чительное продвижение вперед в вопросах выполнения предложений от 21 марта и последующим уточнении позиций. Тем не менее 21 июня лидер греков-киприотов проинформировал его о своей неготовности принять какие-либо изменения в предложениях от 21 марта и вести переговоры на основе «мер по установлению доверия». Специальный представитель вернулся на Кипр и 22 и 23 июня провел переговоры с Р. Денкташем и Г. Клиридисом, однако соглашение так и не было подписано из-за отсутствия согласия по форме внесения в документ уточнения позиций, предложенных турками-киприотами.

В своем письме Совету Безопасности от 28 июня 1994 г. Генеральный секретарь ООН отметил наличие значительного прогресса в позиции турко-кипрской стороны по принятию пакета «мер по установлению доверия», однако греко-кипрская сторона была не готова к принятию пакета в целом, так же как и уточнений, по которым было достигнуто согласие на переговорах в Вене и Никосии. Президент Клиридис даже объявил пакет мер «мертворожденным», а также заявил, что уйдет в отставку в случае, если будет принужден к его принятию. Ввиду этого Генеральный секретарь ООН предложил Совету Безопасности следовать одному из пяти предложенных им на случай неудачи переговоров вариантов. 5 июля постоянный представитель Республики Кипр при ООН передал Генеральному секретарю ООН письмо президента Кипра, излагающего позицию его страны относительно «мер по установлению доверия». В нем говорилось, что для проявления необходимой политической воли Совет Безопасности ООН должен провести консультации по предполагаемым к обсуждению вопросам, которые должны включать проблемы безопасности, демилитаризации, переселенцев, основных принципов урегулирования и гарантий. В результате консультаций по проблеме кипрского урегулирования Совет Безопасности ООН на своем заседании 29 июля принял резолюцию 939. В ней говорилось:

«Совет Безопасности,

ссылаясь на свои соответствующие резолюции по Кипру,

приветствуя доклад Генерального секретаря от 30 мая 1994 года (S/1994/629) и его письмо от 28 июня 1994 года (S/1994/785) относительно его миссии добрых услуг,

вновь подтверждая в этом контексте, что меры укрепления доверия не являются самоцелью и не подменяют собой более широкий поли-

тический процесс, однако они дадут значительные выгоды обеим общинам и будут способствовать продвижению политического процесса к общему урегулированию,

ссылаясь на принципиальное согласие обеих сторон с мерами укрепления доверия, *приветствуя* согласие руководителя общины киприотов-греков с «Проектом идей относительно осуществления мер укрепления доверия» от 21 марта 1994 года (S/1994/785, приложение) и *приветствуя также* существенный прогресс в достижении соглашения руководителем общины киприотов-турок, как об этом говорится в письме Генерального секретаря от 28 июня 1994 года,

отмечая, что теперь имеется значительная доля согласия в отношении существа мер укрепления доверия и порядка их осуществления, но *отмечая также с тревогой*, что ни один из двух руководителей пока не готов приступить к их осуществлению на основе, изложенной в письме Генерального секретаря от 28 июня 1994 года,

изучив варианты и идеи в отношении будущих мер, изложенные в пунктах 57–62 доклада Генерального секретаря от 30 мая 1994 года,

- 1) *вновь заявляет*, что сохранение статус-кво неприемлемо;
- 2) *вновь подтверждает* свою позицию, согласно которой урегулирование на Кипре должно быть осуществлено на основе Государства Кипр с единым суверенитетом и международной правосубъектностью и единым гражданством, при сохранении его независимости и территориальной целостности и существовании двух равных в политическом отношении общин, как об этом говорится в соответствующих резолюциях Совета Безопасности, в федерации, состоящей из двух общин и двух районов, и такое урегулирование должно исключать союз всей страны или ее части с любой другой страной или любую форму раздела или отделения;
- 3) *просит* Генерального секретаря начать консультации с членами Совета, с державами-гарантами и с обоими руководителями на Кипре с целью провести углубленное и широкое обсуждение путей решения кипрской проблемы таким образом, чтобы это дало результаты, и *вновь обращается* с призывом к сторонам продемонстрировать свою приверженность, в полной мере сотрудничая в достижении этой цели;

- 4) *настоятельно призывает* в этом контексте обе стороны в полной мере сотрудничать с Генеральным секретарем и его Специальным представителем в целях достижения согласия в отношении порядка осуществления мер укрепления доверия в ближайшее возможное время;
- 5) *просит также* Генерального секретаря после его консультаций, о которых говорится в пункте 3 выше, представить к концу октября 1994 г. доклад, включающий программу обеспечения общего урегулирования вопросов, связанных с кипрской проблемой, и сведения о прогрессе, достигнутом в осуществлении мер укрепления доверия;
- 6) *постановляет* продолжать активно заниматься этим вопросом».

Однако эта резолюция, как и вышеприведенная, носила общий характер. Фактически она только констатировала наличие усилий Генерального секретаря ООН и Совета Безопасности по урегулированию конфликта; стороны остались на своих позициях. Так, 3 октября 1994 г. президент Клиридис, выступая перед Генеральной Ассамблеей ООН заявил, что греки-киприоты уже давно считают базовыми принципами урегулирования кипрской проблемы создание двухзональной, двухобщинной федерации. Однако позиция турко-кипрской стороны, поддерживаемая Турцией, показывает, что они отказались от этого принципа и поддерживают идею создания рыхлой конфедерации с отдельным суверенитетом ее составных частей. Учитывая военные приготовления, ведущиеся на острове, президент Кипра призвал обе общины официально отказаться от использования силы и принять меры для предотвращения возгорания вооруженного конфликта. Он предложил распустить Национальную гвардию Кипра и вооруженные формирования турок-киприотов, передать их оружие и амуницию силам ООН по поддержанию мира на Кипре. По его мнению, после этого Турция должна была вывести свои войска с Кипра, а также создать условия для возвращения переселенцев, которые находятся там вопреки резолюциям ООН и являются источником военной угрозы.

Подтвердили свою позицию и турки-киприоты в письме от 11 октября 1994 г. В нем говорилось, что в текущих условиях отсутствия взаимного доверия турецкая община Кипра не собирается лишать себя безопасности даже под предлогом так называемой демилитаризации, и, если господин Клиридис искренен, он должен согласиться с предложением

турецкой стороны о заключении соглашения о ненападении; предварительные условия греческой стороны о том, что выработка принципов урегулирования должна предшествовать установлению мер по установлению доверия, означают возврат к неприемлемым условиям, существовавшим до 1974 г. 29 октября 1994 г. Генеральный секретарь ООН доложил Совету Безопасности о мерах, предпринятых по выполнению резолюции 939. Он сообщил, что в августе обратился к членам Совета Безопасности и странам-гарантам с просьбой изложить свои соображения по вопросам, содержащимся в резолюции. Ответы содержали поддержку продолжения миссии добрых услуг Генерального секретаря, но в основном повторяли положения резолюции. В сентябре спецпредставитель Генерального секретаря ООН посетил Великобританию, Грецию, Кипр и Турцию для проведения консультаций. По возвращении он отметил, что ситуация близка к тупиковой как в вопросах урегулирования, так и в вопросах принятия мер по установлению доверия. В октябре Генеральный секретарь ООН отправил послания лидерам обеих общин, в котором информировал, что продолжение контактов с ними возлагается на заместителя спецпредставителя. Бутрос Гали также сообщил членам Совета Безопасности, что о результатах переговоров они будут проинформированы в соответствующее время.

В ноябре президент Кипра направил в Совет Безопасности ООН письмо, в котором обвинил Турцию и Р. Денкташа в том, что они не желают обсуждать урегулирование в рамках резолюции 939. По его мнению, прогресс на переговорах мог быть достигнут только в случае изменения позиции Турции по основным вопросам таким как суверенитет Кипра, его вступление в ЕС и демилитаризация. Переговоры о мерах по созданию доверия не имеют смысла до тех пор, пока Турция и турки-киприоты отвергают принципы федерации, означенные в резолюциях ООН. Пришло время для проведения международной конференции по Кипру как новой меры по урегулированию конфликта. В конце ноября в Совете Безопасности было распространено ответное письмо Р. Денкташа, в котором он указывал, что в ходе неформальных консультаций он подчеркнул необходимость нахождения реальных и конкретных мер по выполнению пакета «мер по созданию доверия». В связи с этим им были сделаны определенные предложения г-ну Клиридису.

Однако после завершения консультаций греко-кипрская сторона приняла инициативы, не соответствующие урегулированию в духе партнерства. В декабре 1994 г. в своем отчете о деятельности Вооруженных

сил ООН на Кипре (ВСООНК) Бутрос Гали отметил, что продолжающееся спокойствие на острове не должно скрывать факт того, что оно держится на соглашении о прекращении огня, а не на мире и в отсутствие продвижения в сторону урегулирования существует угроза возникновения напряженности под воздействием как внутренних, так и внешних факторов. Он указал на то, что по результатам последних отдельных переговоров с лидерами обеих общин заместителю его спецпредставителя было поручено продолжить контакты и использовать все возможности для возобновления прямых переговоров. Следует отметить, что расчеты греко-кипрской стороны на то, что процесс по вступлению в ЕС приведет к изменениям в ее пользу, в значительной мере оправдались. Так, в июле 1994 г., менее, чем через месяц после принятия положительного решения по кипрскому вопросу, ЕС принял решение о запрете на ввоз товаров из ТРСК на свою территорию. В декабре того же года Греция заблокировала вступление Турции в Таможенный союз с ЕС. Таким образом, переговоры по урегулированию были прерваны почти на два года. Оживление переговорного процесса было связано с резкими выступлениями Турции против планов Республики Кипр по приобретению российских зенитно-ракетных комплексов С-300. Анкара официально заявила о своей готовности препятствовать установлению этих комплексов на Кипре вплоть до принятия военных мер. Греко-кипрская сторона предприняла ряд ответных мер. В декабре 1996 г. Европейский суд по правам человека принял решение, признавшее Турцию на Кипре оккупационной силой. Решение было принято в связи с делом «Луизиду против Турции». Оно было инициировано гражданкой Кипра Т. Луизиду, обвинившей Турцию в незаконном лишении ее права использовать собственность, принадлежащую ей в городе Кирения. Более того, суд постановил, что Анкара должна выплатить Т. Луизиду 825 тысяч долларов США в качестве компенсации. Вначале Турция отклонила решение суда как политически мотивированное, но затем выплатила Т. Луизиду сумму, несколько заниженную по сравнению с присужденной судом.

Кроме того, Республика Кипр приняла решение о строительстве на своей территории греческой военно-морской базы. Это решение, принятое на основе договора о совместной обороне между Республикой Кипр и Грецией, вызвало серьезную реакцию Турции, которая вновь пригрозила началом военных действий³⁶.

Таким образом, после 20 лет переговоров особых подвижек в урегулировании не наблюдалось. Ни одна из сторон конфликта не желала отка-

зваться от своего видения создания «дувухобщинной, двухзональной федерации». По мнению греко-кипрской стороны, путь к построению такой федерации лежал через реализацию следующих требований:

- проведение конституционной реформы;
- урегулирование территориального вопроса;
- возвращение собственности лицам, лишившимся ее в 1974 г., или выплата компенсаций;
- возвращение перемещенных лиц к местам своего проживания;
- демилитаризация острова;
- решение вопроса (или репатриация) турецких поселенцев;
- принятие мер по поддержанию мира.

При этом греко-кипрская сторона, фактически добившаяся вступления в ЕС, достаточно формально относилась к переговорам, считая их вопросом тактики, ожидая полного членства в ЕС для получения весомых преимуществ при решении проблемы.

Например, с 1996 г. президент Кипра Г. Клиридис отказывался встречаться со своим турко-кипрским визави, мотивируя это отсутствием «общей основы» для переговоров. Тем не менее встречи между Г. Клиридисом и Р. Денкташем состоялись. По приглашению Генерального секретаря ООН Коффи Аннана они возобновились в Нью-Йорке и швейцарском Глионе в июле и августе 1997 г. соответственно. По понятным причинам они закончились безрезультатно. Однако в Глионе Р. Денкташ передал президенту Кипра предложения по урегулированию, отражавшие его точку зрения на урегулирование:

- установление особых отношений между Турцией и ТРСК на договорной основе;
- установление таких же отношений между Грецией и Греко-кипрской администрацией (ГКА);
- создание Кипрской конфедерации между ТРСК и ГКА;

- продолжение действия системы гарантий;
- кипрская конфедерация, по обоюдному согласию сторон, может вести политику вступления в ЕС. Турция, до своего вступления в ЕС в качестве полноправного члена, должна иметь все права и обязанности члена ЕС по отношению к Кипрской конфедерации²⁸.

Эти предложения были следствием соглашения о союзе, подписанного между Турцией и ТРСК перед швейцарским раундом переговоров. Согласно ему стороны соглашения договорились о том, что основой переговорного процесса должно быть политическое и правовое равенство обеих сторон при сохранении положений международных договоров 1960 г. о греко-турецком балансе сил на острове²⁸. Они также отражали обеспокоенность турецкой и турко-кипрской сторон предстоящим вступлением Кипра в ЕС, желание замедлить процесс вступления, лишив тем самым Грецию и Республику Кипр возможности использовать ЕС в целях урегулирования на своих условиях. Вместе с тем «запас прочности» в виде турецких войск по-прежнему гарантировал ТРСК возможность достаточно долгого маневрирования для достижения своих целей.

После этого было решено вернуться к практике непрямых переговоров, опробованной Пересом де Куэльяром. Первый раунд этих переговоров состоялся в декабре 1999 г. под патронатом Генерального секретаря ООН Аннана и его специального представителя Алваро де Сото. Их целью была подготовка прямых переговоров для заключения всеобъемлющего соглашения по урегулированию конфликта. В ходе переговоров турко-кипрская сторона выдвинула предложение о создании конфедерации. Были также обсуждены такие важные пункты повестки дня, как безопасность, разделение властей, обмен собственностью, территориальный вопрос, а также инициированные турко-кипрской стороной вопросы равноправия общин, гарантий, отмены санкций, членства в ЕС. Второй раунд непрямых переговоров состоялся в Женеве в январе — феврале 1999 г. В ходе его турко-кипрская сторона настаивала на конфедеративном устройстве государства, подтверждении суверенных прав ТРСК, в то время как греки-киприоты считали главным территориальный вопрос и определение размеров территорий двух частей острова. Президент Клиридис подтвердил неприемлемость конфедерации для его стороны. Таким образом, в очередной раз стороны подтвердили противоположность своих позиций: одна из них настаивала на конфедерации двух государств, другая — на федерации двух общин.

Третий раунд непрямых переговоров состоялся в Женеве в июле 2000 г. Турко-кипрская сторона поставила на обсуждение проект конфедерации, и переговоры закончились безрезультатно. В ноябре того же года Р. Денкташ заявил, что его сторона не продолжит переговоры, пока их формат не будет повышен до межгосударственного посредством признания ТРСК, а также подтверждения того, что правительство греков-киприотов не представляет турок-киприотов и не является правительством всего Кипра. Он также заявил, что непрямые переговоры отошли от ранее заявленных целей и продолжение переговоров не на условиях заявленных турко-кипрской стороной не соответствует интересам турок-киприотов²⁸. Турция заявила о полной поддержке позиции лидера ТРСК. Таким образом, непрямые переговоры, начатые Генеральным секретарем ООН в ноябре 1999 г. для достижения всеобъемлющего решения конфликта, были прекращены в ноябре 2000 г. По мнению большинства наблюдателей, их провал был связан с неурегулированностью отношений по линии Турция — ЕС, а точнее, с недовольством Турции и турок-киприотов тем, что решение о принятии Кипра в качестве полноправного члена ООН было принято без предусловия об обязательном урегулировании отношений между двумя кипрскими общинами.

Следует отметить, что геополитический фон процесса урегулирования в то время несколько изменился. Он по-прежнему находился под влиянием фактора политических взаимоотношений между Грецией и Турцией, позиции России, США и других заинтересованных сторон, но приобрел качественные изменения. Так, Россия стала проводить более консолидированную политику, что было связано с усилением американского давления на потенциальных российских союзников на Балканах. Определенную обеспокоенность в России вызвала антиправославная риторика президента США У. Клинтона, который в одном из своих выступлений в печати в феврале 1998 г. указал на усиливающуюся роль православных церквей в государствах Восточной Европы как на элемент, препятствующий пропаганде западного образа жизни и принижающий значение человеческой личности³¹. Подобная постановка вопроса наряду с антисербской позицией США на Балканах расширила одно из измерений российской внешней политики (православное) и стимулировала дальнейшее сближение российской, греческой и греко-кипрской позиций. Кроме того, в преддверии саммита ОБСЕ в Стамбуле в 1999 г. Госдепартамент США опубликовал заявление о необходимости укрепления позиций США и Турции на Кавказе, внедрения в регион НАТО для поддержки стабильности в районе трубопровода Баку – Тбилиси – Джейхан. Администрация

США также приняла «Концепцию стратегической безопасности на Черном море» и антитеррористическую программу «Активные усилия» с опорой на Турцию, Румынию, Болгарию, с дальнейшим подключением к ней Грузии и Украины. Такое положение дел обусловило еще большее расхождение интересов Российской Федерации (РФ) и Турции, что не могло не отразиться на российском подходе к кипрской проблеме.

Тем временем администрация Клинтона, добившись заключения Дейтонских соглашений по Балканам, уделила внимание и кипрскому урегулированию. В апреле 1998 г. в регион был направлен специальный посланник президента США Р. Холбрук, известный своим непосредственным участием в подготовке и заключении Дейтонских соглашений. Активизировалась и российская дипломатия. В 1997 г. в МИД РФ была образована должность специального представителя по кипрскому урегулированию, который осуществлял контакты со сторонами конфликта, пытаясь сблизить их позиции. Результатом этой деятельности стал план по урегулированию кипрской проблемы, представленный РФ в ООН в мае 1998 г. План, изложенный на пяти страницах, содержал базовые положения плана М. Горбачева 1986 г.: полная демилитаризация острова, создание двухобщинной, двухзональной федерации, разрешение двум кипрским образованиям иметь только полицейские силы³². Тем временем миссия Холбрука явно пробуксовывала. Он требовал от греков-киприотов признания ТРСК де-факто наподобие признания Израилем Палестинской автономии, что было отвергнуто Республикой Кипр. Турки-киприоты потребовали прекращения переговоров о вступлении Кипра в ЕС, а также признания ТРСК. В конце мая 1998 г. в Нью-Йорке Р. Холбрук выступил с заявлением, в котором выразил свое разочарование позицией греческой и турецкой сторон²⁶. Вместе с тем на повестке дня стояла реализация проекта трубопровода Баку – Джейхан, что требовало стабилизации внутреннего и внешнего положения Турции. С этой целью США оказали определенное воздействие на своих союзников. Это привело в феврале 1999 г. к аресту лидера Рабочей партии Курдистана А. Оджалана, ездившего по миру с кипрским паспортом, и признанию Турции официальным кандидатом на вступление в ЕС в декабре того же года на саммите организации в Хельсинки. Так, в 1998 г. к процессу признания ТРСК уже присоединились США; вопрос о признании ТРСК был поставлен по американской инициативе.

Переговоры возобновились в 2001 г., после того как Р. Денкташ обратился к Г. Клиридису с письмом, в котором предлагал возобновить пе-

реговоры в прямом формате. При этом греко-кипрская сторона считала, что подлинным инициатором переговоров является Вашингтон, который использует Генерального секретаря ООН для реализации своей политики⁴⁵. Неформальные встречи между двумя лидерами состоялись в ноябре и декабре 2001 г., а в январе 2002 г. мирный процесс был возобновлен под эгидой ООН. В начале переговоров была поставлена задача достичь урегулирования к июню того же года²⁹. Однако переговоры снова зашли в тупик, и в мае того же года Генеральный секретарь ООН К. Аннан совершил визит на Кипр. Осенью состоялись встречи К. Аннана с лидерами обеих общин в Париже и Нью-Йорке. Однако стороны не особенно сдвинулись со своих позиций, и Совет Безопасности ООН решил, что К. Аннан должен представить им проект плана урегулирования в качестве основы для продолжения переговоров. Мирный план ООН, известный как план Аннана, был представлен сторонам конфликта в ноябре 2002 г. Менее чем через месяц в него были внесены изменения, и появился план Аннана 2. Предполагалось, что этот план будет утвержден сторонами в преддверии декабрьского саммита ЕС в Копенгагене. Однако Р. Денкташ, перенесший операцию на сердце, не принял участие в переговорах. А саммит ЕС подтвердил, что 1 мая 2004 г. Кипр, Мальта и ряд государств Центральной и Восточной Европы присоединятся к организации.

Очередное возобновление переговоров пришлось на январь 2003 г. И это было в немалой степени связано с приходом к власти в Турции Партии справедливости и развития, лидер которой премьер-министр Р. Эрдоган считал кипрский вопрос нерешенным. Его предшественник Б. Эджевит, который ввел турецкие войска на Кипр в 1974 г., считал, что тогда он и решил кипрский вопрос. В феврале 2003 г. в результате очередного визита Аннана на Кипр был подготовлен третий вариант плана урегулирования. После этого Генеральный секретарь ООН пригласил лидеров двух общин встретиться с ним через месяц в Гааге и ответить на вопрос, готовы ли они вынести этот план на референдум. Новый президент Кипра Тассос Пападопулос согласился на проведение референдума, а Р. Денкташ отказался от этого. 16 апреля 2003 г. Кипр подписал договор о вступлении в ЕС.

В декабре 2003 г. на севере Кипра состоялись парламентские выборы. В результате выборов было сформировано коалиционное правительство, включавшее членов умеренной Турецкой республиканской партии (ТРК), поддерживавшей урегулирование, и Демократической

партии, поддерживавшей Р. Денкташа. После выборов Турция усилила давление на руководство ТРСК. После встречи Р. Эрдогана и К. Аннана в Швейцарии лидеры кипрских сторон были приглашены в Нью-Йорк. Там было достигнуто соглашение о том, что переговоры возобновятся и будут состоять из двух этапов: первый — переговоры между двумя общинами — пройдет на Кипре; второй — переговоры между общинами с участием Греции и Турции — состоится в другом месте. Переговоры на Кипре длились месяц. Они были продолжены в Швейцарии. Р. Денкташ отказался от участия в переговорах, и в них приняли участие лидер РТП, премьер-министр Мехмет Али Талат, а также вице-премьер и министр иностранных дел Сердар Денкташ, сын Р. Денкташа. На этой встрече был рассмотрен IV вариант плана Аннана, который был подвергнут изменениям и предложен сторонам в марте 2004 г. как пятый и последний вариант.

Согласно этому варианту плана сторонам было предложено создание «объединенной республики Кипр», чья территория занимает весь остров за исключением территории британских военных баз. Это государство должно было представлять собой рыхлую конфедерацию, состоящую из двух частей — греческого кипрского государства и турецкого кипрского государства, объединенных небольшим аппаратом федеративного правительства. Федеративная модель, предложенная сторонам, была во многом позаимствована из швейцарского опыта и состояла из следующих элементов:

- Коллективный Президентский совет, состоящий из шести членов с правом голоса, сформированный согласно численному соотношению двух общин из четырех греков и двух турок. Члены Президентского совета должны были избираться парламентом. Кроме того, в совет должны были входить три члена без права голоса — два грека и один турок.
- Президент и вице-президент, избираемые Президентским советом из числа своих членов, по одному из каждой общины, на 5 лет и сменяющие друг друга по функциям 1 раз в 20 месяцев в течение этого срока.
- Двухпалатный законодательный орган, состоящий из:
 - А. Сената (верхней палаты), — 48 членов — по 24 от каждой общины;

Б. Палаты депутатов — 48 членов, формирующейся согласно численному соотношению общин в населении острова. При этом меньшая из общин не должна быть представлена менее чем 12 депутатами.

- Верховный Суд, состоящий из греков и турок-киприотов в равном количестве, а также из трех иностранных судей, назначаемых Президентским советом.

Согласно плану предполагались также: Федеративная конституция для каждой из составных частей государства; конституционные и федеральные законы; флаг Объединенной республики Кипр; национальный гимн. План предусматривал создание Комиссии по примирению, призванной способствовать сближению двух общин и разрешению спорных вопросов; предоставление ограниченного права возвращения беженцев на территории обеих общин; сохранение постоянного военного присутствия Греции и Турции на острове наряду со значительным сокращением численного количества войск обеих стран.

Греческая сторона считала план неприемлемым и отвечавшим интересам только турецкой стороны. Поэтому за два дня до голосования министр иностранных дел Кипра Г. Иакову посетил Москву, видимо, для того, чтобы Россия не поддерживала план. Сам план Аннана был представлен заседанию Совета Безопасности ООН только за сутки до голосования. При этом Великобритания и США настаивали на поддержке плана Советом Безопасности для того, чтобы оказать давление на греков-киприотов, не желавших принятия плана. США прекрасно понимали, что в случае вхождения в ЕС только Республики Кипр урегулирование конфликта зайдет в тупик. Однако Россия наложила вето на резолюцию, поддерживающую план. При этом российская сторона объявила вето техническим, так как резолюция была поставлена на голосование практически без обсуждения.

Объясняя причины вето, российские аналитики указали на несколько причин: недовольство РФ ее игнорированием США и Великобританией при урегулировании конфликта и демонстрация этим странам того, что она и впредь будет пользоваться правом вето для защиты своих интересов; нежелание РФ терять кипрский рынок вооружений — план предусматривал демилитаризацию острова; желание сохранить российские капиталы в кипрской офшорной зоне, так как к тому времени Кипр являлся крупнейшим иностранным инвестором в экономику России (5 млрд долларов) в основном за счет российских средств из офшоров⁴⁶.

Указывалось также и на то, что буквально за день до голосования состоялись переговоры между РФ и ЕС по поводу проблем его расширения. При этом российская сторона отмечала, что не желает распространять действие Соглашения о партнерстве и сотрудничестве на новых членов ЕС — страны Средиземноморья и Восточной Европы, вступавших в ЕС 1 мая. ЕС выразил свое несогласие с позицией Москвы, напомнив, что в 1995 г. она без возражений распространила действие соглашений на Австрию и Швецию. Поэтому, в связи с поддержкой плана Аннана Евросоюзом, РФ решила продемонстрировать ему свое недовольство⁴⁶. Кроме того, учитывая, что объединение острова устранило бы главную преграду на пути Турции в ЕС, представляется, что РФ не была заинтересована в дальнейшем продвижении ЕС к границам стран Южного Кавказа. Следует также отметить, что российское вето было горячо одобрено выступавшим против объединения лидером ТРСК — Р. Денкташем. Российское вето было оправданным с точки зрения текущих российских интересов (то есть тактики). Вместе с тем следует признать, что с точки зрения долгосрочных российских интересов (то есть стратегии) вступление Кипра в ЕС грозит переводом кипрского урегулирования в узкие рамки ЕС и сокращением российских возможностей воздействия на ситуацию.

24 апреля 2004 г. в обеих частях Кипра состоялся референдум. Как и ожидалось, план Аннана поддержали 65 процентов турок-киприотов, и только 24 процента греков-киприотов. Ввиду того что для принятия плана требовалось одобрение обеих общин, объединение не состоялось, и 1 мая 2004 г. в ЕС вступила Республика Кипр.

Турки-киприоты поддержали план Аннана по следующим причинам:

- Объединение было привлекательным с точки зрения экономики.
- Многие турки-киприоты перестали считать греков-киприотов угрозой, особенно в свете предложений плана по созданию двухзонального государства.
- Туркам-киприотам предоставлялась значительная доля конституционной власти в соотношении большим, чем реальная численность турок-киприотов по сравнению с численностью греков-киприотов.

- Турецкая часть острова даже после передачи некоторых территорий греческой части должна была составлять 28,5 процента общей площади острова и включать значительную часть экономически выгодных земель, населенных до 1974 г. исключительно греками.
- Возвращение греков-киприотов к своим домам в турецкой части острова существенно ограничивалось, а в некоторых случаях даже запрещалось, что сводило на нет возможность превращения турок-киприотов в меньшинство на своей части острова.
- Государства-гаранты, означенные в кипрской Конституции, оставались таковыми. Таким образом, Турция сохраняла право вмешиваться в дела острова на стороне турок-киприотов, так же как и Греция — на стороне греков-кириотов.
- Из-за тяжелого экономического положения, обусловленного санкциями, значительное количество турок-киприотов покинуло северную часть острова. План разрешал переселенцам из Турции остаться на острове во избежание депопуляции турецкой части. (Вопрос переселенцев вызывает эмоциональную реакцию в греческой части острова, где считают, что переселенцев из Турции — 100 тысяч. Однако согласно исследованиям Центра мира в Осло в случае вывода с Кипра турецких войск, вспомогательного персонала и отъезда турецких студентов количество переселенцев из Турции составит не более 37 тысяч человек³².)
- План Аннана не содержал осуждения Турции за вторжение на остров в 1974 г., так же как и Греции за нарушение в том же году кипрской Конституции.
- План Аннана был поддержан Турцией, Грецией, ЕС, ООН и США³⁸.

Греки-киприоты отвергли план Аннана по следующим причинам:

- На Кипре проживает 77 процентов греков, 18 процентов турок и 5 процентов лиц других национальностей. План Аннана уравнивал представительство двух крупнейших групп населения в Сенате и Верховном суде. Большинство становилось меньшинством в органах, принимающих важные решения.
- Несмотря на использование термина «федерация», план предлагал создание конфедерации, так как в предложениях не просматривалась иерархия законов, а источниками центральной власти были так назы-

ваемые «составные части государства». В этой связи греки-киприоты предпочитали Конституцию 1960, где Верховный суд на 80 процентов состоял из греков, на 20 процентов — из турок, а также включал в себя трех иностранных членов с правом решающего голоса.

- План Аннана предоставлял переселенцам из Турции права гражданства или постоянного проживания с последующим получением гражданства. Центральное правительство имело ограниченный контроль за миграционными процессами. Возвращение переселенцев на родину должно было финансироваться Кипром и греками-киприотами, в то время как Турция, завозившая переселенцев, не несла ответственности за их репатриацию.
- План просто игнорировал статью 49 III части Женевской Конвенции, которая гласит: «Оккупирующая сила не должна депортировать или перевозить часть своего гражданского населения на территорию, которую она оккупирует».
- План не решал вопроса демилитаризации так называемой ТРСК, греки-киприоты не имели причин доверять обещаниям Турции вывести свои войска.
- Кипр будет фактически исключен из Европейского оборонного пространства и внешней политики, в то время как Турция сохранит право на вооруженное вмешательство даже после вступления в ЕС.
- План предполагал возвращение только 20 процентов греков-киприотов к своим домам, но допускал возвращение всех турок-киприотов. Он не предоставлял грекам-киприотам прав, которыми пользовались остальные жители ЕС, — свободное передвижение и расселение, участие в выборах, а также право претендовать на любую должность, в том числе в силовых структурах.
- План предполагал, что основные требования турок-киприотов вступят в действие через сутки после успешного завершения референдума, в то время как греки-киприоты должны будут ожидать выполнения своих требований, зависящих от доброй воли Турции в течение неопределенного срока.
- Согласно плану возвращение части оккупированных Турцией территорий должно было происходить в период от 3,5 месяца до 3,5 года

без гарантий его выполнения. Предложение греко-кипрской стороны о том, что эти территории должны быть переданы под контроль сил ООН, было отвергнуто.

- В плане не содержалось никаких упоминаний о территории суверенных британских военных баз, несмотря на то что часть их должна была быть передана обеим составным частям объединенной республики.
- Великобритания получала право самостоятельного определения размеров континентального шельфа и территориальных вод, прилегающих к территории баз, а также владения полезными ископаемыми в этой зоне. Согласно цюрихско-лондонским соглашениям она не имела этих прав.
- План освобождал Турцию от всякой ответственности за вторжение на Кипр, совершенные при этом преступления, такие как убийства, изнасилования, грабежи, разрушение объектов частной собственности, изгнание около 200 тысяч греков-киприотов из родных домов и лишение их собственности.

Правительство Республики Кипр обратилось в Европейскую комиссию по правам человека в сентябре 1974 г. и марте 1975 г. Десятого июля 1976 г. Комиссия опубликовала свой доклад по обвинениям, предъявленным в упомянутых обращениях. Она признала Турцию виновной в нарушении следующих пунктов Европейской Конвенции по правам человека:

- статьи 2, посредством убийств гражданских лиц, совершенных в значительных масштабах;
- статьи 3, посредством изнасилования женщин;
- статьи 3, посредством негуманного отношения к пленным и арестантам;
- статьи 5, посредством лишения свободы арестантов и пропавших без вести;
- статьи 8, посредством превращения в перемещенных лиц более 180 тысяч греко-кипрских беженцев и отказа им в возможности возвращения к родным очагам.

План не предусматривал ответственности Турции за следующие действия своих военнослужащих:

- убийства мирных граждан;
- изнасилования;
- разрушение объектов собственности и культовых сооружений;
- грабежи.

План нарушил права греков-киприотов и других законных владельцев собственности на оккупированных территориях тем, что:

- запрещал обращение в европейские суды по вопросам собственности;
- требовал отзыва всех незавершенных дел из Европейского суда по правам человека и передачи их в местные суды;
- разрешал переселенцам-колонистам из Турции сохранять за собой дома и прочую собственность, незаконно полученную после турецкого вторжения без выплаты компенсаций законным владельцам за 30 лет незаконного использования;
- устанавливал предельно сложную, двусмысленную и неопределенную систему разрешения имущественных споров, базировавшуюся на возможности принуждения реальных владельцев собственности к отказу от прав на нее, что является нарушением Европейской Конвенции по правам человека и международного права. План предполагал, что собственники из числа греков-киприотов должны получить компенсацию из фондов государственного казначейства, пополнявшегося в основном из средств греков-киприотов, что означает, что последние должны сами себе компенсировать потерю собственности.

План предусматривал защиту британских граждан, которые приобрели собственность на севере Кипра у переселенцев, других незаконных владельцев, и освобождение их от ответственности за незаконное приобретение.

План предусматривал, что греки-киприоты должны оплачивать основную часть расходов по объединению в 20 миллиардов долларов США.

План ограничивал численность греков-киприотов шестью процентами в любом населенном пункте в турецкой части острова. Таким образом, они лишались возможности открывать школы для своих детей и производить на свет новых в случае превышения указанной квоты.

План предлагал временные ограничения на право свободного возвращения греков-киприотов к своим домам на постоянное жительство и на возврат их собственности в турецкой части острова, что представляет собой отклонение от практики ЕС. Греки-киприоты, возвращавшиеся к местам своего проживания в северной части острова, не должны были иметь гражданских прав в местном масштабе, так как политические представители турко-киприотской части должны были избираться только из числа турок-киприотов.

Функциональной слабостью плана являлось то, что он ставил под сомнение достигнутое греками-киприотами с большим трудом полноценное членство в ЕС. Принятие предусматривавшихся планом различных федеральных и местных положений грозило нейтрализовать выгоды членства, такие, например, как присоединение Кипра к Европейскому финансовому союзу и другим институтам ЕС.

План разделял экономику Кипра, так как не предполагал общей финансовой и налоговой политики, запрещал греко-кипрские инвестиции в турко-кипрской части острова.

Греки-киприоты чувствовали, что решение вопроса об объединении до вступления Кипра в ЕС имело целью избежать вступления в действие тех европейских законов, которые противоречат определенным положениям плана³⁶.

План Аннана являлся последней крупной инициативой международного сообщества, направленной на урегулирование конфликта. После него в связи с вступлением Кипра в ЕС геополитические рамки урегулирования несколько сузились, хотя миссия добрых услуг Генерального секретаря ООН продолжилась. За время, прошедшее с 2004 г., Генеральный секретарь ООН имел неоднократные встречи с лидерами противостоящих сторон для прояснения позиций. Встреча президента Кипра Т. Паппадопулоса и президента непризнанной ТРСК М. А. Талата состоялась 3 июля 2006 г. В июле того же года по инициативе председательствовавшей в ЕС Финляндии имела место встреча министров иностранных дел Республики Кипр и Турции. Тем не менее это не привело к сдвигам

в урегулировании, так как каждая из двух сторон в принципе уже достигла своих целей. При этом греко-кипрская сторона достигла важной промежуточной цели — стала членом ЕС, то есть получила удобный плацдарм для давления на Турцию и турок-киприотов. Турко-кипрская сторона окончательно добилась своей основной цели — таксима. Итоги референдумов по плану Аннана вряд ли будут способствовать каким-то изменениям в ее позиции.

Приведенное выше подробное перечисление причин принятия и неприятия конфликтующими сторонами на Кипре плана Аннана имеет целью показать всю тупиковость ситуации, связанной с урегулированием, а также то, что именно *геополитический фактор* кипрской проблемы делает ее урегулирование достаточно туманным. Кроме событий, развернувшихся вокруг плана Аннана, об этом свидетельствуют следующие основные аспекты кипрского урегулирования:

Внутрикипрский аспект. Он представляет собой фактическое наличие на Кипре двух государств — международно признанной (греческой) Республики Кипр и непризнанной (турецкой) ТРСК. Оба государственных образования обосновывают свое существование разными, но легитимными международными документами. В обоих из них имеет место объективная заинтересованность в объединении острова. Ввиду этого разные взгляды на пути урегулирования не носят непримиримого характера.

Региональный аспект. Оба государственных образования в большей (турецкое) или меньшей (греческое) степени пользуются военной и дипломатической поддержкой «материнских государств». Оба материнских государства обосновывают существования своих клиентских государственных образований на Кипре разными, но легитимными международными документами. В процессе противостояния оба из них стремятся построить свою тактику на основах уязвимости позиций противника: турецкое — на военно-стратегической, греческое — на международно-правовой. Взаимоисключающие интересы «материнских государств» являются основным препятствием на пути объединения двух частей острова в одну. При этом каждая сторона прилагает усилия для нивелирования основного преимущества противоположной. Греция и греки-киприоты прилагают максимум усилий для вывода с острова турецких войск, Турция и турки-киприоты не без успеха пытаются вывести ТРСК из международной изоляции.

Международный аспект. Учитывая специфический характер международных отношений вокруг острова, его геостратегическое значение, оба материнских государства пользуются перманентной или временной поддержкой примерно одних и тех же международных сил для достижения успехов в реализации своих интересов. При этом связанность интересов многих мировых и региональных держав с регионами Восточного Средиземноморья, Балкан, Ближнего Востока и Южного Кавказа также придаёт им взаимоисключающий характер, что препятствует урегулированию.

Итак, с точки зрения исторической ретроспективы процесс кипрского урегулирования можно разделить на три этапа:

Первый этап — с 1958 г. по конец 1970-х гг. Характеризовался вовлечённостью в урегулирование кипрского вопроса как региональных (Греция, Турция), так и мировых (Великобритания, СССР, США) сил. При этом главное воздействие на урегулирование оказывали мировые силы — СССР и США.

Второй этап — с конца 1970-х до конца 1980-х гг. Ввиду временного дистанцирования СССР от ведущей роли в урегулировании конфликта, на первый план стали выходить США. Однако роль СССР также была достаточно важной. Главную роль в процессе урегулирования стали играть Греция и Турция, точнее, противоречия между ними. США и СССР воздействовали на ситуацию, играя на этих противоречиях.

Третий этап — с конца 1980-х гг. до настоящего времени. Характеризуется ведущей ролью США в мировой политике, в том числе и на кипрском направлении. На этом этапе главной целью США является реализация своих интересов с меньшим учетом интересов региональных и международных сил, в том числе и РФ, что приводит к соответствующему противодействию. События этого этапа свидетельствуют о том, что, ввиду усиления роли США и их союзников в глобальном и региональном масштабах, маятник геополитической ситуации качнулся в сторону, благоприятствующую фактическому международному признанию ТРСК, положение, международно-правовой статус и внешние связи которой будут рассмотрены в следующей главе.

ТУРЕЦКАЯ РЕСПУБЛИКА СЕВЕРНОГО КИПРА, ЕЕ ВНУТРЕННЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ, МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ СТАТУС И ВНЕШНИЕ СВЯЗИ

Так уж случилось, что всплеск интереса мирового сообщества к турко-кипрской общине происходил только в результате связанных с ней драматических коллизий, имевших место в 1963, 1974 и 1983 гг. Это было следствием того, что события тех лет в значительной мере опровергали отрицательные или положительные стереотипы, сложившиеся по отношению к кипрским туркам. В этой связи не стали исключением и результаты референдума по плану Аннана: турки-киприоты, снискавшие славу сторонников раздела острова, высказались за объединение, а греки-киприоты, считавшиеся несправедливо обделенными в территориальном вопросе, поддержали разделение. Это событие изменило отношение большинства международных игроков к турко-кипрской общине — в Европейском союзе, Совете Европы, других международных организациях появилось устойчивое мнение о необходимости «вознаграждения» турок-киприотов за стремление к объединению острова, заблокированному греческой общиной. Что же представляет собой на сегодняшний день ТРСК? Следует признать, что эта республика, существующая уже почти четверть века, представляет собой структурированную систему демократических институтов, построенных по европейскому образцу.

События, предшествовавшие провозглашению 15 ноября 1983 г. ТРСК, хорошо известны. После её вытеснения из государственных структур в 1963–1964 гг. турецкая община острова создала в 1967 г. временную турко-кипрскую администрацию. В 1974 г. после турецкого вооруженного вторжения на остров и оккупации 38 процентов территории турки-киприоты провозгласили создание Турецкого федеративного государства Кипр, считавшего себя частью кипрского государства наряду с Республикой Кипр. В 1975 г. на севере Кипра состоялся референдум

по Конституции, а в 1976 г. — выборы в законодательную ассамблею, состоявшую из 40 человек. По итогам выборов были сформированы законодательные органы и Совет министров в составе 10 человек во главе с премьер-министром.

После провозглашения независимой ТРСК, 5 мая 1985 г. там состоялся референдум по конституции, 9 июня того же года — президентские выборы, а 23 июня — выборы в законодательную ассамблею. Законодательная ассамблея ТРСК состоит из 50 депутатов, а Совет министров — из 10 должностных лиц, включая премьер-министра. Согласно Конституции ТРСК является парламентской республикой. Выборы в законодательную ассамблею проводятся один раз в пять лет. Президент республики также избирается сроком на пять лет. Верховный суд ТРСК состоит из председателя и 7 судей. Территория республики разделена на три района — Никосия, Фамагуста и Кирения. Столицей является Никосия (северная часть). Население непризнанной республики составляет 260 тыс. человек.

Основными партиями, действующими в северной части острова, являются:

Республиканская турецкая партия (РТП), турецкая аббревиатура — СТР. Создана в 1970 г. Ахметом Митхатом Бербероглу. После него на посту руководителя партии находился Озкер Озгюр. В 1995 г. Озгюр подал в отставку в знак несогласия с линией партии и его место занял Мехмет Али Талат. После избрания последнего президентом республики в 2005 г. партию возглавил Ферди Сабит Соьер (нынешний премьер-министр ТРСК). На выборах 2005 г. РТП получила 44,5 процента голосов избирателей — 24 парламентских места, а после довыборов 2006 г. — 25 мест. 7 министров кабинета принадлежат к этой партии. РТП занимает левоцентристские позиции, традиционно поддерживается турками-киприотами. Органом партии является газета «Йени Дюзен» (Новый порядок). Долгие годы партия была в оппозиции многолетнему лидеру турок-киприотов — националисту Р. Денкташу. Она считает положение, сложившееся на Кипре, неприемлемым, поддерживает создание двухобщинной, двухзональной федерации и решение кипрской проблемы в контексте плана Аннана. Партия традиционно выступала против притока большого количества переселенцев из Турции, считая, что это ведет к разрушению специфической турко-кипрской культуры. Однако после прихода к власти ввиду провала референдума на грече-

ской части острова партия несколько дистанцировалась от активной объединительной позиции и критики Турции за поддержку сил, ратующих за разделение. Сейчас РТП выступает за постоянное присутствие турецких войск на острове и сохранение за Турцией прав государства-гаранта, поддерживает переселение из этой страны. В настоящее время деятельность партии и возглавляемого ею правительства сконцентрирована на преодолении изоляции турок-киприотов и достижении международного признания ТРСК как важного вклада в решение кипрской проблемы. Во время переговоров о вступлении Кипра в ЕС РТП поддерживала идею участия в них турок-киприотов на равноправной с греками основе, то есть не связывала членство Кипра в ЕС с членством Турции в этой организации. После вхождения Кипра в ЕС РТП стремится наладить связи с европейскими институтами.

Партия Национального единства (ПНЕ), турецкая аббревиатура — UBP. Основана в 1975 г. Рауфом Денкташем. Правоконсервативная партия, доминировавшая в политической жизни Северного Кипра в течение 30 лет. Руководителем партии долгое время был Дервиш Эроглу. В 1994 г. ПНЕ объединилась с партией Отечества Орхана Учока, представлявшей интересы переселенцев из Турции. На президентских выборах 2005 г. кандидатом партии был ее лидер Тахсин Эртугрулогу (получил 30,14 процента голосов). Партия поддерживается как коренными турками-киприотами, так и переселенцами. Органом партии является газета «Гюнеш» (Солнце). ПНЕ и ее лидер Р. Денкташ были архитекторами независимости ТРСК, выступали за создание рыхлой конфедерации, состоящей из двух самостоятельных государств, поддерживали политику переселения из Турции. ПНЕ выступала против вступления Кипра в ЕС до принятия в организацию Турции, а также против плана Аннана. В настоящее время поддерживает политику налаживания отношений с европейскими институтами. По мнению партии, любое решение должно учитывать реальное существование ТРСК.

Демократическая партия (ДП), турецкая аббревиатура — DP. Основана в 1992 г. десятью членами парламента ТРСК, отколовшимися от ПНЕ (по некоторым данным — с ведома Р. Денкташа). Партия стоит на правоцентристских националистических позициях, возглавляется сыном Р. Денкташа — Сердаром. Включила в себя несколько малых партий турецких переселенцев. Имеет 6 мест в законодательной ассамблее. На последних президентских выборах кандидат партии Мустафа Арабаджиоглу набрал 13,22 процента голосов. До сентября 2006 г. ДП

входила в правительственную коалицию под руководством Ф. С. Сойера. Сейчас находится в оппозиции. Орган партии — газета «Кыбрыс» (Кипр). Позиция ДП во многом повторяет позицию ПНЕ: выступает против возвращения греков-киприотов на север острова, считает необходимым международное признание ТРСК. Во время референдума по плану Аннана призывала своих сторонников голосовать согласно их убеждениям.

Партия свободы и реформ (ПСР), турецкая аббревиатура — ОРР. Основана в сентябре 2006 г. бывшими членами ПНЕ и ДП. Парламентская группа этих партий состоит из двух депутатов, избранных от ПНЕ, и одного, — избранного от ДП, вышедших в 2006 г. из своих партий. Лидер партии Тургай Авджи — бывший генеральный секретарь ПНЕ. Партия является членом правящей коалиции. Т. Авджи в настоящий момент занимает пост вице-преьера и министра иностранных дел ТРСК. Согласно заявлениям лидера партии, она поддерживает достижение всеобъемлющего урегулирования кипрской проблемы по линии ООН, на основе двухобщинности, политического и экономического равенства сторон, сохранения крепких связей с Турцией и ее роли государства-гаранта.

Социально-демократическая партия (СДП), турецкая аббревиатура — ТДР. Основана в июне 2007 г. в результате слияния Движения за мир и демократию (ДМД) и Партии социального освобождения (ПСО). Председатель партии — Мехмет Чакеджи. СДП имеет одно место в законодательной ассамблее, доставшееся ей «в наследство» от Движения за мир и демократию. Лидер ДНД и нынешний депутат от СДП Мустафа Акынджи получил 11, 7 процента голосов в ходе последних выборов президента ТРСК. ДМД и ПСО поддержали план Аннана. Лидеры этих партий считали, что выражают желание населения ТРСК найти решение кипрской проблемы и вступить в ЕС. СДП ставит своей целью прекращение изоляции турок-киприотов и развитие их политических, социально-экономических и культурных связей с международным сообществом.

Из партий, не представленных в парламенте ТРСК, можно отметить следующие:

Партия Объединенный Кипр (ПОК), турецкая аббревиатура — ВКР. Основана в 2002 г. И. Изджаном (в настоящее время удален из партийного руководства). Печатным органом партии является еженедельник «Бирлешик Кыбрыс» (Объединенный Кипр). Согласно заявлениям лидера

партии она стоит на позициях урегулирования, основанного на правах человека и демократических свободах, а также на договоренностях Денкташ – Макариос и Денкташ – Киприану. Партия поддержала план Аннана, наладила рабочие контакты с партией АКЕЛ Республики Кипр.

Партия Новый Кипр (ПНК), турецкая аббревиатура — УКР. Левая партия; до 2004 г. называлась Движением за патриотическое единство. Генеральный секретарь партии — Расих Кескинер. Печатный орган — еженедельник «Йени чаг» (Новое время). Партия выступает против притока переселенцев из Турции, Перед парламентскими выборами 2003 г. обращалась в Европейский суд по правам человека, оспаривая предоставление переселенцам права голоса. В ходе переговоров о вступлении Кипра в ЕС ПНК поддерживала участие в переговорах турок-киприотов на основе равноправия. На референдуме 2004 г. агитировала за план Аннана.

Как уже отмечалось, премьер-министром ТРСК является Ф.С. Сойер, вице-премьером и министром иностранных дел — Т. Авджи. Председатель законодательной ассамблеи ТРСК — Фатма Экеноглу.

Стабильность политической ситуации на севере Кипра связана с присутствием там контингента турецких войск численностью в 40 тысяч военнослужащих. Силы безопасности Северного Кипра составляют 10 тысяч человек. Как известно, отсутствие юридического признания ТРСК на международном уровне делает необходимым плотную координацию действий Турции и властей северного Кипра в вопросах международной политики, экономики, финансов, социально-культурной жизни республики. Естественно, что политическая власть на острове во многом зависит от поддержки Анкарой той или иной внутренней политической силы. Период с 1973 г. по 2005 г. был временем доминирования в политической жизни северного Кипра националиста Рауфа Денкташа, который чаще всего выступал против объединения двух частей острова, вывода турецких войск, отличался неприятием плана Аннана. Однако в преддверии референдума по плану Аннана в 2004 г. жесткая позиция бессменного турко-кипрского руководителя пришла в противоречие с интересами Турции и ее западных союзников, поддерживавших этот план. Большинство северо-кипрских граждан, проголосовавших за план Аннана, также выразили свое несогласие с линией Денкташа. Поэтому на выборах президента ТРСК в 2005 г. поддержку как внешних, так и внутренних сил получил лидер оппозиционных Денкташу юнионистских сил

Мехмет Али Талат. После его прихода к власти официальным курсом руководства ТРСК стало стремление к объединению острова на условиях, близких к плану Аннана. Однако руководители Республики Кипр, вступившей в ЕС, отнюдь не стремятся к реализации плана, отвергнутого большинством населения, а также какого-либо плана вообще.

Это стало ясно в ходе процесса урегулирования, продолжавшегося после неудачи, постигшей план Аннана. В мае 2005 г. специальный посланник президента Кипра Т. Паппадопулоса встретился в Нью-Йорке с заместителем Генерального секретаря ООН по политическим проблемам К. Прендергастом. В ходе встречи были обсуждены вопросы отношения кипрского правительства к продолжению переговоров по урегулированию в рамках миссии доброй воли Генерального секретаря ООН. После этой встречи К. Прендергаст посетил Кипр, Грецию, Турцию и провел консультации со всеми заинтересованными сторонами. По итогам поездки он сделал заявление, отметив, что стороны не обладают общим желанием к возобновлению переговоров по урегулированию. В сентябре 2005 г. состоялась встреча К. Аннана с президентом Кипра Т. Паппадопулосом, а в октябре того же года — с лидером ТРСК М. А. Талатом. В ноябре 2005 г. в своем докладе Генеральной Ассамблее ООН Генеральный секретарь отметил, что стороны кипрского конфликта, а также представители многих стран настаивали на продолжении миссии добрых услуг по кипрскому урегулированию. Он также отметил, что только всеобъемлющее урегулирование может закрыть кипрский вопрос, а возобновление переговоров требует некоторого прояснения позиций сторон.

К весне 2006 г. после очередных контактов К. Аннана с лидерами конфликтующих сторон было принято окончательное решение о возобновлении переговоров в рамках миссии добрых услуг Генерального секретаря ООН при условии их тщательной подготовки. В совместном заявлении К. Аннана и президента Т. Паппадопулоса, принятом по итогам их встречи 28 февраля 2006 г., говорилось, что лидеры обеих общин готовы к рассмотрению жизненно важных для общин вопросов, соглашение по которым будет принято на техническом уровне. В нем указывалось, что подобный формат переговоров будет способствовать восстановлению доверия между сторонами и подготовит почву для возобновления переговорного процесса. Заявление констатировало, что к улучшению атмосферы переговоров может привести достижение соглашений по дальнейшему разъединению войск, демилитаризации и полному разминированию

острова, вопросу Фамагусты. В заключении заявления было отмечено, что Генеральный секретарь и президент договорились продолжить свой диалог для ускорения поиска всеобъемлющего, справедливого и взаимоприемлемого решения кипрской проблемы³⁶.

Усилия Генерального секретаря ООН привели к возобновлению переговорного процесса. 3 июля 2006 г. президент Республики Кипр Т. Паппадопулос и президент самопровозглашенной ТРСК М. А. Талат встретились в первый раз после 2004 г. Встреча произошла в присутствии спецпредставителя Генерального секретаря ООН по Кипру в буферной зоне на конференции, посвященной лицам, пропавшим без вести в ходе боевых действий. В тот же период заместитель Генерального секретаря ООН по политическим вопросам Ибрагим Гамбари посетил Грецию, Кипр и Турцию. Во время трехсторонней встречи И. Гамбари, Т. Паппадопулоса и М. А. Талата 8 июля 2006 г. заместитель Генерального секретаря ООН представил согласованную с лидерами сторон «Серию принципов» следующего содержания:

- «Приверженность объединению Кипра на основе создания двухзональной и двухобщинной федерации, политического равенства в свете соответствующих резолюций Совета Безопасности ООН.
- Признание того факта, что сложившееся положение неприемлемо и его сохранение будет иметь отрицательные последствия как для греков, так и для турок-киприотов.
- Приверженность позиции, что всеобъемлющее урегулирование является как желательным, так и возможным и не должно больше откладываться.
- Согласие с тем, что переговорный процесс должен начаться немедленно, включая межобщинные обсуждения вопросов, затрагивающих ежедневную жизнь населения, в особенности тех, что касаются существенных проблем, могущих содействовать всеобъемлющему урегулированию.
- Приверженность обеспечению должной атмосферы переговоров, которая будет способствовать их успеху. Главными здесь являются меры по созданию доверия, способствующие как созданию благоприятного климата переговоров, так и улучшению жизни всех турок и греков-киприотов. В этой связи сторонам следует положить конец взаимным обвинениям.

Кроме того, лидеры общин приняли решение о начале деятельности Технического комитета по решению актуальных вопросов ежедневной жизни всех киприотов и договорились об обмене списками этих вопросов и членов экспертных групп. Обмен списками состоялся 31 июля. С того времени главные советники лидеров общин проводят встречи в присутствии специального представителя Генерального секретаря ООН по Кипру Микаэля Мёллера. Греко-кипрскую сторону представляет Тассос Ционис, турко-кипрскую — Рашит Пертев. С июля 2006-го по сентябрь 2007 г. стороны провели более 50 встреч, на которых были существенно прояснены позиции сторон. Вместе с тем похоже, что переговорный процесс по «Серии принципов» ждет такая же горькая участь, как и предыдущие процессы по «Серии идей» другим инициативам Генеральных секретарей ООН.

К таким выводам приводят результаты встречи лидеров двух общин Т. Паппадопулоса и М. А. Талата 5 сентября 2007 г. Встреча замысливалась как стартовая для переговорного процесса под руководством И. Гамбари. Предполагалось, что в ходе процесса технические комитеты будут решать вопросы повседневного характера, такие как преступность и экология, а затем рабочие группы перейдут к разрешению более существенных вопросов, таких как раздел территории и распределение полномочий между общинами. Несмотря на 50 проведенных встреч, главные помощники лидеров двух общин так и не смогли достичь прогресса в вопросе формирования комитетов. После встречи двух лидеров было объявлено, что она прошла в конструктивной обстановке, стороны обсудили вопросы, касающиеся всеобъемлющего урегулирования, договорились продолжить контакты посредством ООН и встретиться в случае необходимости.

По сообщениям кипрской печати, трёхчасовая встреча закончилась выдвиганием взаимных обвинений. Это еще раз подтвердило, что позиции сторон разделяет зияющая пропасть. Так, по возвращении в президентский дворец после встречи с М. А. Талатом президент Т. Паппадопулос дал пресс-конференцию. В ходе нее он обвинил своего партнера по переговорам в желании изменить параметры «соглашения 8 июля». Т. Паппадопулос заявил: «Господин Талат желает изменить соглашение и превратить его в то, что не только не будет содействовать процессу урегулирования, но и приведет к скорому тупику»⁴⁷. Он раскритиковал предложение М. А. Талата низвести роль комитетов до технического уровня. Президент Кипра сказал: «Он хотел начать переговоры немедленно

без формирования комитетов». Т. Пападопулос также выразил мнение, что во избежание провала переговоров их следует начинать, подготовив определенную основу. Лидер греков-киприотов подчеркнул, что он настаивал на встрече для достижения скорой и безусловной реализации «Серии принципов», так как она могла привести к всеобъемлющему урегулированию проблемы на принципиально новой основе. Он также выразил уверенность в том, что его предложения представляли собой «самый короткий путь» к предметным переговорам по урегулированию кипрской проблемы.

На своей пресс-конференции по итогам встречи М. А. Талат отметил, что он поставил вопрос о временных рамках, исходя из необходимости продвижения вперед, и обвинил Пападопулоса в намеренном затягивании времени. Он также указал на то, что во время переговоров настаивал на необходимости ускорения «процесса 8 июля», немедленном формировании 5 комитетов, которые подготовят задел для полномасштабных переговоров, ведущих к всеобъемлющему урегулированию. М. А. Талат предложил завершить формирование комитетов в период от 8 до 10 недель, а также назначить крайний срок для завершения переговоров по всеобъемлющему урегулированию — конец 2008 г., что было отвергнуто лидером греков-киприотов. При этом лидер турок-киприотов указал на то, что соглашения, достигнутые при посредничестве И. Гамбари, не исключали возможности установления временных ограничений. Комментируя мнение греко-кипрской стороны об «основательной подготовке переговоров на уровне комитетов» с периодическими встречами лидеров, М. А. Талат заявил: «Какой смысл встреч без наличия серьезного задела для переговоров по всеобъемлющему урегулированию? Нам не нужны переговоры, которые длятся вечно». На вопрос о его готовности к дальнейшим встречам с Т. Пападопулосом, северокипрский лидер ответил, что это будет зависеть от того, как их использует кипрский президент — для эффективных попыток урегулирования или в качестве предвыборных маневров⁴⁷.

Результаты встречи 5 сентября еще раз продемонстрировали, что отсутствие прогресса в вопросах урегулирования связано с непоколебимостью позиций сторон. Это подтвердил и Абдулла Гюль, совершивший свой первый «зарубежный визит» в качестве президента Турции именно на север Кипра. В своих выступлениях во время визита, состоявшегося 19–21 сентября 2007 г., президент Турции указал на то, что кипрская проблема должна решаться под эгидой ООН в рамках миссии добрых услуг

Генерального секретаря, на основе равенства сторон и волеизъявления двух народов. Он возложил вину за отсутствие успехов в урегулировании на греко-кипрскую сторону, обвинив ее в нежелании действовать в духе таких общеевропейских принципов, как доброжелательность, взаимоуважение, культурное и экономическое сотрудничество между общинами⁵⁴. А. Гюль также указал на то, что турецкая армия является гарантом стабильности и мира не только для турок, но и для греков-киприотов, подтвердив тем самым нежелание своей страны вывести с острова военный контингент. Президент Турции в очередной раз заявил о неприемлемости для его страны уступок по ТРСК с целью вступления в ЕС.

Президент Гюль затронул кипрскую проблему и в своем выступлении на сессии ПАСЕ 3 октября 2007 г. В нем он, в частности, указал на то, что Кипр является старейшей нерешенной проблемой европейской политики. Выразив сожаление в связи с провалом референдума по плану Аннана, А. Гюль высказал мнение, что были упущены возможности объединения Кипра, решения вопроса собственности турок- и греков-киприотов, достижения соглашения по военному присутствию на острове Греции и Турции. Президент Турции подтвердил приверженность своей страны политическим методам урегулирования на основе миссии добрых услуг, принятых ООН параметров урегулирования⁵⁵.

Греки-киприоты не делают громких заявлений по вопросам урегулирования, так как, став добившись членства Республики Кипр в ЕС, они свою программу-минимум выполнили. Представляется, что, по расчетам руководства Республики Кипр, это выступление должно было нейтрализовать план Аннана, привести к признанию Турцией Республики Кипр с целью вступления в ЕС. Однако эти расчеты оказались не совсем верными. На первом же заседании ЕС, где Республика Кипр присутствовала в качестве полноправного члена, она поддержала (вынуждена была поддержать под давлением других членов ЕС?) документ о том, что Турция не несет ответственности за провал попытки разрешения кипрского вопроса. В декабре 2004 г. Республика Кипр согласилась с предоставлением Турцией статуса кандидата на вступление в ЕС. А в июле 2005 г. Турция подписала протокол о Таможенном Союзе с десятью новыми членами ЕС, в том числе — Республикой Кипр. Согласно условиям протокола она должна была открыть этим странам доступ к своим морским и воздушным портам.

Однако Турция объявила, что ее подпись под протоколом не означает признания Республики Кипр и не меняет ее отношений с ТРСК. Более того, она обусловила выполнение протокола по отношению к Республике Кипр ослаблением изоляции ТРСК. Это привело к тому, что в декабре 2006 г. в Брюсселе министры иностранных дел ЕС приняли решение заморозить переговоры по 8 из 35 направлений переговоров о вступлении Турции в ЕС. Направления эти касаются торговли и транспорта. Таким образом, расчет на то, что Турция предпочтет членство в ЕС поддержке ТРСК пока не оправдывается. Нейтрализация плана Аннана также носит временный характер. Ведь параметры урегулирования в рамках миссии добрых услуг Генерального секретаря ООН, озвученные в 1991 г. Х. Пересом де Куэльярром, исключают подчинение одной общины другой, и любой новый план будет не сильно отличаться от плана Аннана. Наверное, осознание сложности своего положения и привело греко-кипрскую сторону к идее всяческого затягивания переговоров. В связи с этим следует признать, что Турция и турки-киприоты смогли обратить себе на пользу греко-кипрскую позицию по плану Аннана и все больше и больше перехватывают инициативу в международно-правовой сфере, где позиции Греции и греков-киприотов были традиционно сильны.

Однако на сегодняшний день это не привело к смене отношения мирового сообщества к ТРСК де-юре. Напомним, что сразу после провозглашения независимой ТРСК Совет Безопасности ООН принял резолюцию № 541, в которой осуждался этот шаг, а международное сообщество призывалось не признавать никакого другого кипрского государства, кроме Республики Кипр. Об этом же говорилось в резолюции Совета Безопасности ООН № 550 1984 г. Позицию непризнания продолжает декларировать подавляющее большинство стран-членов ООН, в том числе и членов Совета Безопасности. Например, российская позиция по вопросу была высказана в апреле 2002 г. в интервью министра обороны РФ Сергея Иванова кипрской газете «Элефтеротипия». В нем он отметил, что Россия, признавая все резолюции Совета Безопасности ООН, фиксирующие международное признание Республики Кипр и ее нынешнего правительства, а также выработанные на их основе принципы урегулирования кипрской проблемы, неоднократно заявляла о необходимости продолжения мирного переговорного процесса³².

В июне 2006 г. заместитель госсекретаря США по делам Европы и Евразии Даниэль Фрид в своем выступлении на 17-й ежегодной конференции по Кипру в Вашингтоне так выразил соответствующую точку

зрения своего правительства: «Позвольте мне недвусмысленно заявить: «Мы не признаём и не признаем на Кипре никакого правительства, кроме правительства Республики Кипр. У нас очень ясное видение этой проблемы, наша политика не направлена ни на какое "ползучее признание" какого-либо другого государственного образования».³⁴

Таким образом, на Кипре существует два государства — признанная и легитимная Республика Кипр и непризнанная, а следовательно, не легитимная ТРСК. Вместе с тем Турция, единственное государство, признавшее ТРСК, не признает легитимности Республики Кипр. В этом вопросе она исходит из того, что Республика Кипр, образованная в результате подписания цюрихско-лондонских соглашений 1959–1960 гг., денонсировала большую их часть в 1963–1964 гг., а также изменила кипрскую Конституцию, тем самым лишив себя легитимности. Турецкая позиция не лишена юридического смысла, однако она не учитывает принятия в 1964 г. резолюции Совета Безопасности ООН № 186, в которой единственно легитимным признается (греческое) правительство Республики Кипр. Однако Турция, как и многие другие страны мира, не слишком считается с резолюциями Совета Безопасности ООН, учитывая их рекомендательный характер. Однако цюрихско-лондонские соглашения являются международными договорами, обязательства по которым, как известно, имеют преимущество над обязательствами по внутреннему законодательству.

Следует отметить, что не только турецкие юристы-международники сомневаются в легитимности Республики Кипр. Приведем мнение немецкого специалиста по международному праву профессора Петера Пентхаллера, высказанное в ходе выступления в 1998 г. на конференции Международной Ассоциации центров изучения федерализма в Иерусалиме³⁷. Он считает, что на Кипре существует не единая кипрская нация, а два разных народа, являющихся субъектом права на самоопределение. В связи с этим, по его мнению, источником суверенитета унитарного кипрского государства (Республики Кипр) являются цюрихско-лондонские соглашения, согласно которым защита прав турецкого меньшинства, проживающего в одном государстве с греческим большинством, гарантирована международными договорами. Поэтому изменения конституции и нарушения прав турецкого национального меньшинства, имевшие место в 1963–1964 гг., нарушили юридические рамки кипрского суверенитета и привели к гражданской войне между двумя народами. Эти конституционные поправки сами по себе не создали единой кипр-

ской нации, так как не были приняты турками-киприотами, чье участие во власти гарантировалось международными договорами. Они также не создали унитарного государства с преобладанием греческого большинства, так как де-факто привели к созданию моноэтнического греческого национального режима. П. Пентхаллер считает цюрихско-лондонские соглашения все еще действительными с международно-правовой точки зрения. Но он признает, что в связи со сложившейся ситуацией их применение невозможно.

При этом, по его мнению, как Республика Кипр, так и ТРСК не являются легитимными с точки зрения международных договоров 1959–1960 гг., а также Конституции 1960 г. Так, до 1963 г. турки-киприоты были меньшинством, делившим единую территорию с греческим большинством. Однако в результате незаконных этнических чисток, приведших к разделу территории между двумя народами, на Кипре больше нет меньшинства и большинства, есть только два разных народа, населяющих один остров в своих национальных государствах. Международное право дает возможность самоопределиться всем народам, не прописав при этом механизма сецессии, так как это нарушает принцип территориальной целостности и суверенитета государств. Но в случае с Кипром образование ТРСК не может считаться сецессией, так как оно скорее представляет собой реакцию меньшинства на образование греческого национального режима, приведшего к десятилетней гражданской войне.

Оба де-факто режима на севере и юге Кипра превратились в де-факто национальные государства, так как отвечают требованиям, предъявляемым международным правом к независимым государствам: осуществляют стабильную и эффективную конституционную власть на четко определенной территории с постоянным населением без иностранного контроля. Непризнание ТРСК всеми государствами, кроме Турции, не является большой проблемой, так как оно не влияет на способность республики быть независимым государством. Резолюции Совета Безопасности ООН 541 и 550 являются не более чем политическим советом, не накладывающим юридических обязательств. Более того, с правовой точки зрения они противоречат сами себе, так как не учитывают действий греков-киприотов, приведших к провозглашению отдельного турецкого государственного образования. Фактическое существование двух национальных государств юридически и практически препятствует применению частей цюрихско-лондонских соглашений и Конституции 1960 г., в которых говорится об унитарной Республике Кипр. Республики Кипр об-

разца 1960 г. больше не существует. На ее месте существуют греческое и турецкое государства. Оба эти государства, а не только греческое, являются правопреемниками Республики Кипр. Единственным выходом из положения является признание существующей реальности и создание конфедерации двух кипрских государств. Новое конфедеративное образование должно быть основано на новом международном договоре, заключенном по формуле «2 + 3» сторонами, подписавшими соглашения в Лондоне.

Конечно, можно поспорить с П. Пентхаллером по поводу «осуществления эффективной конституционной власти без иностранного контроля» в северной части острова, однако нельзя не признать, что фактическое отношение международного сообщества к положению на Кипре медленно, но верно продвигается к изложенным им идеям. И, судя по отношению греко-кипрской стороны к переговорному процессу, но имеет много шансов закончиться так, как предлагает немецкий специалист по международному праву. Вследствие этого, несмотря на юридическое непризнание ТРСК, международные связи этого государственного образования непрерывно расширяются. Особую интенсивность этот процесс приобрел после провала референдума по плану Аннана. Основными направлениями развития отношений ТРСК были: Турция, Великобритания, США, Германия, ЕС и его институты, Совет Европы и его институты, страны ОИК, в том числе бывшие республики СССР, другие страны мира и международные организации.

Напомним, что Республика Кипр, вслед за провозглашением ТРСК, объявила незаконными все пограничные пункты, функционирующие на территории ТРСК, требуя, чтобы иностранные граждане прибывали на Кипр исключительно через контролируемые ими пограничные пункты пропуска, а все морские и воздушные порты объявлены закрытыми для международного сообщения. Попытки въезда иностранцев с севера были чреватые задержанием и привлечением к судебной ответственности за незаконный въезд на территорию Республики Кипр. Международными правовыми нормами и кипрским национальным правом был создан механизм обеспечения защиты прав греко-киприотов на недвижимость, оставленную ими на севере острова. Однако время внесло свои коррективы в принятые решения. Так, в апреле 2003 г. на Кипре в рамках мер по укреплению доверия между общинами был

открыт пограничный переход между двумя частями Кипра. К настоящему времени зафиксировано более 10 миллионов пересечений границы в обоих направлениях.

Греки-киприоты имеют право попасть на север острова по предъявлении удостоверения личности Республики Кипр, в случае пересечения границы на личном автотранспорте они должны приобрести северо-кипрский страховой полис. Жители ТРСК могут попасть на территорию Республики Кипр по предъявлении удостоверения личности ТРСК или любого другого документа, признаваемого властями Республики Кипр, и также должны приобрести страховой полис в случае пересечения границы на личном автотранспорте. В июне 2004 г. после вступления Республики Кипр в ЕС кипрские власти стали применять нормы и правила ЕС, согласно которым граждане США, стран-членов ЕС и других государств получили возможность пересекать пограничные пункты между двумя частями Кипра в обоих направлениях вне зависимости от пункта въезда на остров. Неприкосновенность земли на севере Кипра также была поставлена под вопрос в результате действий зарубежных инвесторов. Так, в августе 2007 г. турецкие и российские СМИ сообщали о намерениях Р. Абрамовича построить на Северном Кипре поселок «Челси», состоящий из 225 коттеджей для продажи состоятельным россиянам. И хотя эта информация была опровергнута представителями чукотского губернатора, этот вопрос, видимо, изучался и греческая собственность на землю (как мнимая, так и реальная) перестала быть в ТРСК «священной коровой» не только для турок-киприотов, но и для иностранцев.

Вопрос собственности является самым актуальным во взаимоотношениях двух кипрских общин. Следует отметить, что на северную часть острова приходится 70 процентов береговой линии всего Кипра и самые лучшие песчаные пляжи. Поэтому власти Республики Кипр очень ревностно относятся к любым инвестициям в туристическую и строительную сферу на территории ТРСК. По мнению, распространенному на севере Кипра, власти Республики Кипр уделяют так много внимания вопросу свободного передвижения и проживания на всей территории острова для приобретения собственности, недвижимости, а следовательно, получения экономических рычагов влияния на политическую обстановку⁴⁹.

Справедливости ради необходимо отметить, что северная часть Кипра, а позже ТРСК никогда не были в полной международной изоляции, как того требовали резолюции ООН и законодательные акты Республики

Кипр. Причиной тому были два фактора: геополитический — существование Турции и чисто географический — островное положение республики. Связи между Турцией и турецкой общиной Кипра были оформлены организационно в 1960 г., путем формирования двустороннего Координационного комитета. Целью комитета было развитие активных двусторонних экономических связей. Деятельность комитета курировалась высокопоставленными турецкими чиновниками — представителями аппарата премьер-министра. Особое укрепление координации пришлось на период 1974–1983 гг., когда в заседаниях северокипрского кабинета министров принимали участие турецкие представители.

После образования непризнанной ТРСК двусторонние отношения стали формально строиться на межгосударственной основе, хотя представители турецкого посольства часто принимали участие в заседаниях кабинета министров и других государственных мероприятиях. Это было понятно, так как в первые годы существования ТРСК ее бюджет на 80 процентов формировался за счет турецких субсидий. Вместе с тем ТРСК всегда представляла собой тяжкое бремя для турецкой экономики, а сама Турция вместе с экономической помощью экспортировала на север Кипра свои экономические проблемы, такие, например, как высокая инфляция. Однако экономические реформы и развитие обеих экономик привели к тому, что уже к началу 90-х гг. доля турецких субсидий в северокипрском бюджете не превышала 30–40 процентов. Эта цифра не изменилась и по сей день. В общей сложности, начиная с 1974 г., турецкий вклад в северокипрскую экономику оценивается в 3 миллиарда долларов США³⁵.

В Турции действует Посольство ТРСК в Анкаре, Генеральное консульство в Стамбуле, консульства в Анталье и Мерсине. Известно, что почтовая и телефонная связь ТРСК с внешним миром осуществляется через Турцию. Турецкий порт Мерсин используется для снабжения ТРСК торговыми грузами, авиационные грузовые и пассажирские перевозки осуществляются только из турецких аэропортов. Жители ТРСК в основном пользуются турецкими заграничными паспортами для зарубежных поездок. Они имеют равные с гражданами Турции права на проживание, работу, приобретение собственности и образование. Как уже упоминалось, за 24 года существования непризнанного турецкого государства на севере Кипра Турция и ТРСК заключили ряд важных двусторонних соглашений и договоренностей. Среди них — Декларация о сотрудничестве и поддержке в политической и экономической областях

(1990 г.); Декларация о мерах по экономической и финансовой интеграции, а также частичной интеграции в областях обороны, внешней политики и безопасности (1997 г.); Соглашение об ассоциации (1997 г.); Соглашение о сотрудничестве в области береговой охраны, по вопросам морского судоходства, воздушного сообщения, совместного проведения поисково-спасательных работ (2002 г.). 8 августа 2003 г. подписано рамочное соглашение о таможенном союзе Турции и ТРСК. В настоящее время обсуждается проект строительства коммуникационного комплекса из Турции в ТРСК, который поможет подавать на север Кипра электричество и обеспечивать его связью. В октябре 2005 г. правительство Турции приняло решение о строительстве по дну Средиземного моря на север Кипра водопровода общей протяженностью в 78 км. Ослабление изоляции ТРСК в результате провала референдума по плану Аннана совпало по времени со стабилизацией турецкой экономики и укреплением курса лиры. Это имело положительное влияние на развитие экономики ТРСК.

Основными отраслями экономики ТРСК являются услуги (как частный, так и государственный секторы), торговля, образование. Менее развиты сельское хозяйство и легкая промышленность. Экономика развивается на основе свободного рынка, развитие ее сдерживается политической изоляцией ТРСК, недостатком частных и государственных инвестиций, высокой стоимостью морских торговых перевозок, нехваткой квалифицированной рабочей силы. Несмотря на, это северокипрская экономика добилась впечатляющих результатов развития. Например, ежегодный экономический рост в последние годы составил: в 2004 г. — 15,4 процента; в 2005 г. — 10,6 процента; в 2006 г. — 13 процентов. Кроме стабилизации турецкой лиры этот рост обусловлен работой более 5 тыс. турок-киприотов в Республике Кипр, увеличением инвестиций и резким развитием строительного сектора, ростом услуг в сфере образования. Согласно северокипрской статистике в 2005 г. сектор услуг составил 2/3 всего ВВП, промышленность, включая строительство, — 20,5 процента, сельское хозяйство — 10,6 процента⁴⁹.

В 2006 г. объем иностранных инвестиций в экономику ТРСК составил 623 миллиона долларов США, в основном в строительный и туристический секторы. Помимо турецких бизнесменов среди инвесторов — компании из США, Великобритании, Германии, Израиля (дур. бескон). В сфере образования ТРСК привлекает иностранных студентов сравнительно невысокими ценами на образование (порядка 3,5–4 тысяч долларов США

в год). Основная масса студентов — из Турции, где ощущается дефицит студенческих мест. Так, количество студентов в стране достигает 500 тысяч человек, а ежегодное количество желающих учиться составляет не менее 1,5 миллиона молодых людей. В настоящий момент в ТРСК обучается 30 тысяч иностранных студентов, в том числе из арабских и африканских стран, Пакистана, Афганистана, некоторых стран СНГ и Восточной Европы.

В 2004 г. произошли значительные сдвиги в сфере торговли. Еще в 1994 г. Европейский суд справедливости запретил Великобритании импорт сельхозпродукции из ТРСК, мотивировав это непризнанием северокипрских фитосанитарных сертификатов. В то время это решение привело к снижению объема северокипрского экспорта в страны ЕС с 36,4 миллиона долларов США (66,7 процента всего экспорта) до 13,8 миллиона долларов США (28 процентов всего экспорта). Ослабление фитосанитарного режима пришлось на начало 2000 г. А в августе 2004 г. правила ЕС позволили беспрошечно продавать товары, произведенные в ТРСК или привезенные оттуда потребителям на территории Республики Кипр или оттуда в другие страны при условии их соответствия фитосанитарным нормам ЕС.

В мае 2005 г. власти ТРСК приняли новые правила торговли, зеркально отражающие соответствующие правила ЕС. Согласно им товары, произведенные в Республике Кипр или привезенные оттуда, могут продаваться на севере Кипра. Вместе с тем перевозка товаров как на юге, так и на севере острова может производиться только местными перевозчиками. По этой и другим причинам торговля между двумя частями Кипра остается ограниченной. Внешняя торговля ведется практически без ограничений. Доставка осуществляется кораблями в порт Фамагуста, но при условии, что это не регулярный рейс, а разовая сделка. Контейнеры для ТРСК доставляются в турецкий порт Мерсин, перегружаются на маломерные суда и направляются в порты Кирения и Фамагуста. В контрактах на поставку в качестве места доставки указывается Фамагуста. Главным условием совершения перевозки является её оформление в качестве разовой сделки.

Таким образом, главным торговым партнером ТРСК остается Турция, на долю которой приходится 65 процентов импорта и 50 процентов экспорта непризнанной республики. Согласно последнему протоколу об экономическом сотрудничестве, подписанному в 2005 г., в течение

трех лет Турция обязалась предоставить ТРСК кредитов на 450 миллионов долларов США для финансирования проектов в сфере государственного финансирования, туризма, банковского дела и приватизации. Эта страна также предоставляет предпринимателям из ТРСК миллионы долларов ежегодно в качестве низкопроцентных займов на производство экспортоориентированной продукции и развитие туристических проектов.

Второе после Турции место по объемам торговли с ТРСК занимают страны ЕС. Импорт из этих стран составляет 22,4 процента, а экспорт туда — 26,1 процента. Далее следуют страны Азии с долей импорта в 7,5 процента, страны Ближнего Востока — с долей экспорта в 8,9 процента. На европейские страны, не являющимися членами ЕС, приходится 13,3 процента северокипрского экспорта, а импорт из них составляет 2,4 процента северокипрского импорта⁵². Развитие торговли, внешнеэкономических связей и рост инвестиций привели к тому, что в 2005 г. среднегодовой доход на душу населения в ТРСК достиг 10,5 тысяч долларов США, что вдвое меньше соответствующего показателя в Республике Кипр. В 90-е и начале 2000-х гг. ТРСК отставала от Республики Кипр по этому показателю более чем в три раза.

Показатели торгово-экономического сотрудничества между США и ТРСК крайне незначительны. Например, северокипрский экспорт в США едва достигает 50 000 долларов США, что не составляет и 1 процента от общего объема экспорта. Вместе с тем с середины 70-х гг. США ассигновали 305 млн. долларов в качестве помощи обеим общинам на межобщинные гуманитарные проекты по линии ООН и Кипрского общества Красного Креста. После референдума по плану Аннана США предоставили ТРСК 30,5 миллиона долларов на экономическое развитие.

Говоря о двусторонних связях, следует отметить развитие контактов ТРСК с США и Великобританией, которые после апреля 2004 г. стали выражать большую поддержку северокипрскому руководству как силе, стремящейся к объединению Кипра. В мае 2004 г. М. А. Талат посетил США, где имел встречи с рядом высокопоставленных чиновников, в том числе с госсекретарем США К. Пауэллом. В июне 2005 г. лидер ТРСК в Великобритании встретился с министром иностранных дел Дж. Стро. В январе 2006 г. глава британского МИД посетил ТРСК, где имел встречу с М. А. Талатом, что вызвало волну критики в Республике Кипр.

Вслед за этим визитом в феврале 2006 г. Дж. Стро выступил в Палате представителей британского парламента, где, отвечая на запрос членов палаты, сформулировал семь пунктов, отражающих политику его страны по отношению к Республике Кипр и ТРСК. В частности, он сказал:

- «1. Статус-кво неприемлем для Кипра, для региона в целом и для ЕС.
2. Было бы предосудительным, если бы я во время своего последнего визита на Кипр отнесся к М. А. Талату иначе, чем мой предшественник М. Рифкинд отнесся к Р. Денкташу, посетив того в его резиденции.
3. Решение проблем киприотов, потерявших собственность в 1974 г., почти невозможно до полного урегулирования кипрской проблемы.
4. Усилия, прилагаемые президентом Кипра по дистанцированию греков-киприотов от турок-киприотов, достойны сожаления.
5. Препятствия, возведенные правительством Кипра на пути помощи ЕС северу, малополезны и, вероятно, направлены на маргинализацию турко-кипрской общины.
6. Решение о вступлении Кипра в ЕС было принято в период, когда греки-киприоты занимали разумную позицию, а с Р. Денкташем было невозможно вести переговоры, в нынешней ситуации ЕС не принимает идею разделенного острова.
7. Какие-либо надежды правительства Кипра использовать свое членство в ЕС для воспрепятствования переговорам о вступлении Турции в ЕС и достижения уступок Турции на переговорах по урегулированию под эгидой ООН контрпродуктивны и могут привести к тому, что какие-то страны, но не Великобритания, признают статус-кво, то есть начнут де-факто признание так называемой ТРСК»⁴⁷.

В феврале 2005 г. ТРСК посетила группа представителей американских фирм в Турции во главе с атташе посольства США по торговле, а в мае 2005 г. — американские конгрессмены и сотрудники аппарата Конгресса США. На территории Северного Кипра расположен Британский культурный центр, фактически выполняющий представительские и консульские функции. Озабоченный массовой, в том числе незаконной, иммиграцией турок-киприотов, Лондон в 1999 г. ввел для них визовый режим.

Тем не менее турко-кипрская община Великобритании уже превысила 100 тысяч человек и продолжает расти. Там действуют представительство ТРСК, отделения всех основных политических партий турко-кипрской общины. Еще до апреля 2004 г. регулярные поездки в Лондон совершали официальные лица ТРСК. Например, в марте 2001 г. Лондон посетил министр иностранных дел и обороны ТРСК Т. Эртугрулогу, в феврале того же года в конференции по кипрской тематике в британской столице участвовал вице-премьер М. Акынджи.

Как уже упоминалось, лидирует Великобритания и в торгово-экономических связях ТРСК. Британский рынок является основным после турецкого для сбыта цитрусовых и картофеля, производимых на севере Кипра. Ряд британских предприятий легкой промышленности (принадлежащих турко-кипрской диаспоре) получает полуфабрикаты из ТРСК. На север Кипра в массовом порядке поступают британские потребительские товары. Великобритания обеспечивает свыше половины притока в ТРСК иностранных туристов. Зарегистрированная в Англии как частная компания «Норт Сайпрус Туризм Сентр Лтд.» представляет ТРСК на различных туристических ярмарках. Только в Великобритании она принимает участие в не менее семи ярмарках в год. Из северокипрского морского порта Фамагусты осуществляются рейсы судов в Великобританию (порт Харидж), из северокипрского аэропорта Эрджан (Тимбу) налажены регулярные рейсы в Великобританию (Лондон, Глазго, Манчестер) с промежуточной посадкой в турецких аэропортах. Полеты выполняются «Турко-кипрскими авиалиниями» и авиакомпанией «Йуросан». Представительства «Турко-кипрских авиалиний» работают в Великобритании, Германии и Израиле.

Важное, хотя и не очень примечательное место в системе внешних связей ТРСК занимают США и Германия. В течение 2000 г. МИД этих стран, а также Норвегии контактировали с Р. Денкташем на уровне заместителей министра. Тесные связи с университетами ТРСК поддерживают университет Коннектикута и Юго-восточный университет г. Вашингтона (отделением последнего фактически является Киренийский американский университет). Ежегодно ТРСК посещают 15 тысяч туристов из Германии (3-е место после Турции и Великобритании). Открыты чартерные рейсы между ТРСК и Германией (Франкфурт) с промежуточной посадкой в Турции. Спецслужбы Великобритании и США, в том числе посредством своих представительств, взаимодействуют с полицией ТРСК в борьбе с терроризмом и контрабандой наркотиков.

Помимо Великобритании офисы своих посольств в ТРСК имеют США, Германия, Австралия, консульские функции выполняет также представительство Ассоциации дружбы с Францией. Представительства ТРСК действуют в Нью-Йорке, Вашингтоне, Брюсселе, Женеве, Исламабаде, Абу-Даби и Баку. В Пакистане, ОАЭ и Азербайджане контакты с представителями ТРСК поддерживаются на уровне послов международно признанных государств. Почетные представительства ТРСК открыты в Австрии, Австралии, Германии, Бельгии, Канаде, Китае, Италии, ЮАР, Саудовской Аравии, Франции. В Иордании «почетным консулом ТРСК» является депутат местного парламента.

Из стран-членов ОИК наиболее близкие отношения связывают ТРСК с Пакистаном, Иорданией, Бангладеш, Азербайджаном, Таджикистаном, Киргизией. После провала референдума по плану Аннана Азербайджан заявил о признании паспортов ТРСК и открытии прямых чартерных авиарейсов на север Кипра. В 2006 г. такой рейс состоялся. Однако вскоре он был отменен из-за давления ЕС. В начале октября 2005 г. в ТРСК побывала с визитом официальная делегация Азербайджана, открывшая Азербайджанский центр экономики, культуры и сотрудничества и Дни культуры Азербайджана. В октябре 2006 г. М. А. Талат посетил Баку и принял участие в Первом съезде азербайджанских и тюркских диаспор. 19–22 октября 2005 г. делегация **Киргизии** (23 человека, в числе которых 15 депутатов и три заместителя министра) посетила ТРСК. Глава делегации заявил, что цель визита — продолжение усилий, начатых Таджикистаном и Азербайджаном по снятию изоляции ТРСК. Были подписаны двусторонние протоколы о сотрудничестве в области образования, культуры, спорта. 21–22 января 2006 г. в Бишкеке находилась парламентская делегация ТРСК во главе с руководителем МИД **С. Денкташем**.

В двусторонних и многосторонних контактах жители ТРСК, как правило, пользуются загранчными паспортами Турецкой Республики. Вместе с тем ряд государств признает паспорта ТРСК. Это — США, Великобритания, Франция, Пакистан и Азербайджан⁵⁰. Первые три страны применяют по отношению к паспортам ТРСК режим частичного международного признания.

В 2005–2006 гг. значительно активизировался диалог между ТРСК и европейскими структурами, который проводился в соответствии с политикой турок-киприотов по повышению статуса на международной

арене и расширению вовлеченности непризнанной республики в международные процессы. В 2005 г. состоялась встреча председателя Еврокомиссии Ж. М. Баррозу с М. А. Талатом. Руководство ТРСК прилагает активные усилия для реализации политики разностороннего развития отношений со странами-членами ЕС. Это делается несмотря на заявления лидеров оппозиционных турко-кипрских партий о недопустимости вовлечения ЕС в урегулирование кипрской проблемы. Развитие контактов с европейскими структурами осуществляется для оказания давления на Республику Кипр по всем направлениям с целью добиться международного признания ТРСК.

Для поддержки курса на евроинтеграцию непризнанной республики 7 июля 2004 г. Еврокомиссией были разработаны регламенты предоставления ТРСК финансовой помощи и организации прямой торговли. Однако данное решение было заблокировано Великобританией и Республикой Кипр как не соответствующее резолюциям Совета Безопасности ООН о незаконности государственного образования на севере острова.

В конце февраля 2007 г. Комитет постоянных представителей ЕС принял решение о разблокировании директивы и предоставлении ТРСК финансовой помощи в размере 139 миллионов евро (165,3 миллиона долларов США). По оценкам представителей ЕС, решение принято для преодоления намерения греков-киприотов заблокировать переговорный процесс о вступлении Турции в ЕС.

Руководство ТРСК полагает, что предоставление помощи со стороны ЕС является политическим шагом и неспособно повлиять на экономическое развитие севера острова. Вопрос о распределении помощи ЕС спровоцировал серьезные разногласия в коалиционном правительстве ТРСК и обострил ситуацию кипрского урегулирования в целом. Турко-кипрское руководство настаивает на исключении греков-киприотов из процесса распределения финансов и полагает, что финансирование проектов должно вестись через международные банки, имеющие связи с банками ТРСК.

В настоящее время разрабатывается механизм выделения средств. По предварительным данным, финансирование будет проводиться в три этапа: открытие офиса Еврокомиссии в ТРСК, выделение 25 миллионов евро (гаранты — не более 5 миллионов евро) малым предприятиям в ТРСК через UNDP и финансирование крупных проектов.

Государственные организации и торгово-промышленная палата (ТПП) ТРСК отмечают, что не будут предлагать проекты для финансирования со стороны ЕС, для реализации которых необходимо одобрение Республики Кипр, поскольку её участие приведет к замораживанию проектов. По мнению турок-киприотов, для преодоления возможного блокирования реализации финансовой помощи греками-киприотами основная часть средств должна выделяться через европейскую программу помощи новым членам ЕС, решения по которой принимаются простым большинством голосов, и тогда правительство Республики Кипр не сможет заблокировать их предоставление.

Одобрение регламента ЕС о финансовой помощи ТРСК позволит отработать создание финансовых инструментов для взаимодействия с международными организациями на территории, неподконтрольной правительству Республики Кипр, что может стать значительным шагом в создании легитимного государства на севере острова.

В последнее время правительство ТРСК стало уделять повышенное внимание работе с Европейским парламентом. Отличительной особенностью этой работы является организация визитов евродепутатов в ТРСК и их встреч с политическими лидерами и руководителями ассоциаций бизнесменов. В свою очередь, руководство Европарламента проявляет заинтересованность в расширении контактов с турко-кипрской общиной острова. В конце 2005 г. была создана группа Европарламента по контактам на высшем уровне с турко-кипрской общиной, которая совершила ряд визитов на север Кипра с целью ознакомления с текущей обстановкой в ТРСК, проведения консультаций по оптимальному использованию финансовой помощи ЕС, поиска путей улучшения состояния экономики ТРСК. Инициаторами создания группы и организации визитов являются депутаты Европарламента, стремящиеся предотвратить блокирование процесса вступления Турции в ЕС.

Помимо указанных евроструктур турко-кипрское руководство стало более тесно взаимодействовать с Советом Европы и его Парламентской ассамблеей. Укреплению их контактов во многом способствовало принятое Бюро ПАСЕ в октябре 2004 г. решение, разрешающее избранным турко-кипрским представителям присутствовать на пленарных заседаниях ассамблеи (без права голоса). В соответствии с этим решением впервые два депутата меджлиса ТРСК — О. Нами (от фракции РТП) и Х. Озгюргюн (от фракции ПНЕ) — в январе 2005 г. присутствовали на зим-

ней сессии ПАСЕ. Кроме выступления с трибуны ассамблеи (первый раз в истории ПАСЕ), они провели ряд встреч с ее представителями и другими парламентариями. В результате активизации контактов в Совете Европы в настоящее время рассматривается возможность смены у представителей ТРСК статуса наблюдателей и наделения их правом участия в совещаниях.

Итак, следует отметить, что на европейском направлении политики ТРСК произошли значительные успехи. Расширились контакты между представителями ТРСК и структурами ЕС. Благодаря активной пропагандистской кампании Турции и ТРСК, в Евросоюзе появились негативные оценки роли греков-киприотов в кипрском урегулировании, что ведет к усилению давления на Республику Кипр по этому вопросу⁵².

Как уже отмечалось, важное место во внешней политике ТРСК отводится развитию отношений с исламскими странами. В настоящее время турки-киприоты активно используют председательство Турции в организации ОИК для расширения контактов со странами-членами этой организации. Так, в марте 2007 г. по инициативе Турции в ТРСК прибыла группа послов стран-членов ОИК для ознакомления с ситуацией на острове. Примечательно, что в состав делегации вошли послы Азербайджана, Киргизии, Казахстана, Омана, Бангладеш и Афганистана. Послы Сирии и Египта отказались принять участие в поездке, заявив, что уважают решения ООН и признают легитимной только Республику Кипр. Посол Ирана заявил, что не сможет принять участие в поездке, поскольку опасается возможной негативной реакции со стороны США.

В июне 2006 г. в Баку состоялось заседание 33-й сессии министров иностранных дел ОИК. На сессии было одобрено предложение Турции о смене наименования «турко-кипрская мусульманская община» на «турко-кипрское государство». По результатам работы была принята резолюция, касающаяся ТРСК. В ней отмечают несправедливость изоляции турко-кипрской общины острова и необходимость урегулирования ситуации на острове с соблюдением равных прав двух общин острова на основе плана, предложенного Генеральным секретарем ООН в 2004 г.

В резолюции сказано, что «ОИК:

- *подтверждает* равные права двух общин на острове в качестве основного принципа кипрского урегулирования;

- *поддерживает* создание технических комитетов;
- *выражает* разочарование по поводу нежелания греко-кипрской стороны участвовать в процессе поиска путей урегулирования ситуации на острове;
- *призывает* международное сообщество оказать давление на греко-кипрскую сторону для активизации работы по выработке решения относительно урегулирования кипрской проблемы на основе плана, предложенного К. Аннаном;
- *призывает* международное сообщество принять меры по снятию изоляции с турко-кипрской общины острова;
- *призывает* страны-члены ОИК проявить солидарность с турками-мусульманами, проживающими на Кипре, оказать им материальную и политическую поддержку для преодоления изоляции и развития связей во всех областях;
- *приглашает* страны-члены ОИК организовывать визиты делегаций бизнесменов в ТРСК для поиска путей организации прямого транспортного сообщения, развития проектов в туристической области и информационных технологиях, культурных связей, сотрудничества в сфере высшего образования;
- *рекомендует* членам ОИК организовать визиты высокопоставленных делегаций в ТРСК;
- *вновь подтверждает* свое намерение поддерживать турко-кипрскую общину до окончания процесса урегулирования ситуации на острове, обеспечивая доведение до мировой общественности хода решения проблемы;
- *рекомендует* генеральному секретарю ОИК продолжить работу с Исламским банком развития по поиску путей реализации проектов на севере Кипра;
- *считает* необходимым продолжить рассмотрение вопроса о полноценном членстве турко-кипрской стороны в ОИК»⁵³.

В 2005–2006 гг. Турция активно использовала свое председательство в ОИК для продвижения интересов ТРСК. Представители турко-кипрской общины, принимая участие в работе ОИК, в свою очередь сконцентри-

ровали усилия на развитии связей с исламскими государствами для установления в конечном итоге официальных отношений. В результате усилий турко-кипрского и турецкого руководства в секретариате ОИК рассматривается возможность выдвижения инициативы в рамках ООН по интенсификации процесса урегулирования ситуации на острове.

Таким образом, необходимо отметить, что за период с 1983 г. ТРСК достигла определенных успехов в расширении своих международных экономических и политических связей. Отсутствие юридического признания не помешало существенному продвижению вперед в сфере экономики, а количество стран, делающих шаги по «де-факто» признанию ТРСК, медленно, но верно увеличивается. Тем временем урегулирование кипрской проблемы находится в очередном тупике. Вступление Республики Кипр в ЕС качественно изменило ситуацию. Для греко-кипрской стороны конфликт давно превратился в конфликт эмоций. С одной стороны, она желает восстановления своей территориальной целостности и суверенитета, с другой — не стремится делать шаги навстречу туркам-киприотам. Реальные параметры урегулирования по линии ООН, свидетельствуют о том, что греко-кипрская сторона предпочитает статус-кво объединению с севером, полагая (возможно, ошибочно), что время работает на нее. Турция и турко-кипрская сторона желают скорого разрешения проблемы. Однако здесь существует определенное расхождение интересов. Позиция Турции амбивалентна: с одной стороны, она желает урегулирования для ускорения своего вступления в ЕС, с другой — не проявляет готовности ради ЕС поступиться интересами своей безопасности, так как «таксим» уже реализован, а вступление в ЕС — дело не близкой перспективы. Единственным искренним сторонником скорого урегулирования является непризнанная ТРСК в лице своего руководства, представляющего юнионистскую РТП. Желая объединиться с Республикой Кипр, а не отделиться от нее, правительство М. А. Талата пытается убедить международное сообщество оказать влияние на Республику Кипр, что представляется довольно сложной задачей, учитывая связанность проблемы Кипра с проблемой членства Турции в ЕС и прочими узловыми вопросами региональной и глобальной политики. Представляется, что, если с течением времени кипрский вопрос не будет разрешен (о чем, вероятно, позаботится Республика Кипр), в ТРСК возможно возвращение к власти сепаратистски настроенных националистов, например из ПНЕ. В этом случае раздел острова и отсутствие юридического статуса ТРСК примут затяжной характер. Процесс же «де-факто» признания ТРСК,

видимо, будет продолжаться, тем более что он имеет определенные юридические основания.

Согласно Конвенции Монтевидео о правах и обязанностях государств (1933) международное право устанавливает следующие критерии состоятельности государства:

- наличие постоянного населения;
- наличие определенной территории;
- наличие правительства;
- способность входить в сношения с другими государствами.

Совершенно очевидно, что ТРСК отвечает первым трем критериям, но не удовлетворяет последнему. Она не обладает внешним суверенитетом, а наличие правительства не повышает легитимности образования. Тем не менее ТРСК обладает следующими общими признаками непризнанных государств:

наличие организованного политического руководства, которое происходит из местной среды, пользуется поддержкой местного населения, и в течение значительного периода времени осуществляет эффективный контроль над определенной территорией, а также выполняет социальные и иные функции, обычно выполняемые государством;

стремление к полной независимости или широкому международному признанию в качестве суверенного государства или части конфедерации. ТРСК, являющаяся «де-факто» государством, воспринимает себя способной входить в межгосударственные отношения с другими государствами (то есть соответствовать четвертому критерию Конвенции Монтевидео), хотя действует в условиях своего непризнания международным сообществом. ТРСК как любое непризнанное государство не обладает юридическим статусом в международных отношениях, так как не имеет юридических прав на занимаемую им территорию, потому что эта территория юридически принадлежит на законных основаниях международно признанной Республике Кипр.

В этой ситуации будущее ТРСК зависит от готовности или неготовности мирового сообщества признать за ней статус суверенного государ-

ства или члена конфедерации, что требует очередного рассмотрения вопроса о соотношении принципа территориальной целостности государств и права народов на самоопределение. В этой связи интересным представляется мнение известного российского специалиста по международному праву, профессора, доктора юридических наук, старшего научного сотрудника Института права РАН Г. М. Вельяминова, выраженное в статье «Признание непризнанных», опубликованной в журнале «Россия в глобальной политике» (2007. — № 1)⁵¹. Г. М. Вельяминов утверждает, что при наличии противопоставления права народов на самоопределение и территориальной целостности государств противоречия между двумя принципами не существует. Он отмечает, что в хельсинкском Заключительном акте СБСЕ 1975 г. говорится, что все зафиксированные в нем принципы (в том числе упомянутые выше) должны «одинаково и неукоснительно применяться при интерпретации каждого из них с учетом других».

Далее российский ученый напоминает, что принцип самоопределения народов был включен в проект, а затем и в текст Устава ООН в 1945 г. на Конференции Объединенных Наций в Сан-Франциско. Это событие знаменовало собой победу советской дипломатии: придание принципу самоопределения столь высокого статуса инициировал именно Советский Союз, и его делегации пришлось немало потрудиться, чтобы преодолеть жесткое сопротивление со стороны западных держав. Принцип самоопределения закреплен в статьях 1.2 и 55 Устава ООН. Кроме того, в статье 76.8 (глава «Международная система опеки») говорится о прогрессивном развитии населения территорий под опекой в направлении к самоуправлению и независимости. Такая позиция СССР мотивировалась тем, что он создавал юридическую основу для освобождения колониально-зависимых народов.

Говоря точнее, в Уставе ООН фигурирует «принцип равноправия и самоопределения народов». Данная формулировка объединяет, по сути, два принципа, которые могут трактоваться и как самостоятельные. Такая увязка отнюдь не случайна. Нет равноправия между народами, если одни из них обладают государственностью, независимы и суверенны, а другие — нет. Это касается и самоопределения: поскольку все нации имеют на него равные права, любой самоопределившийся, вплоть до обретения государственной независимости, народ вправе, равно с другими народами, рассчитывать на признание своей государственности.

Г.М. Вельяминов указывает на то, что в Заключительном акте СБСЕ с принципом самоопределения произошла определенная метаморфоза. Вместо привычной ооновской формулы «равноправие и самоопределение народов» здесь прописано «равноправие и право народов распоряжаться своей судьбой» (принцип VIII Декларации). Правда, здесь же указывается, что, «исходя из принципа равноправия и права народов распоряжаться своей судьбой, все народы всегда имеют право в условиях полной свободы определять, когда и как они желают, свой внутренний и внешний политический статус без вмешательства извне...». Словосочетание «определять внешний политический статус», которое, очевидно, может пониматься и как определение суверенно-независимого государственного статуса, подменило собой, причем не вполне точно, слово «самоопределение».

По мнению российского юриста-международника, хельсинкское «право народов распоряжаться своей судьбой» является только парафразом принципа, зафиксированного в Уставе ООН, так как «право распоряжаться своей судьбой» не может исключать права и на самоопределение. Кроме того, надо иметь в виду, что страны-участницы СБСЕ, подписавшие хельсинкский Заключительный акт, придавая ему статус официального документа ООН «с высоким политическим значением», постановили, что он не подлежит регистрации на основании статьи 102 Устава ООН, в силу чего не рассматривается как международный договор. Таким образом, изложенный в нем принцип самоопределения народов и соответствующие положения Устава ООН (который, напротив, является международным договором) далеко не равнозначны с точки зрения их обязательной силы.

Отсутствие в Заключительном акте формулы «самоопределение народов» — это своего рода реванш западной дипломатии. Охранительный, легитимистский крен документа особенно проявляется в четком установлении обязанности государств уважать территориальную целостность друг друга и воздерживаться от любых действий «против территориальной целостности, политической независимости и единства любого государства-участника». «Никакая оккупация или приобретение» не будут признаваться законными.

При этом, учитывая изменение исторической ситуации в 70-е гг. XX века, следует признать, что «территориальная целостность государств» стала одной из ипостасей главного международно-правового принципа ува-

жения государственного суверенитета наряду с такими его составляющими, как принципы суверенного равенства, уважения прав, присущих суверенитету, нерушимости границ, невмешательства во внутренние дела. Все эти положения сводятся, по сути, к генеральной обязанности государства не вмешиваться в осуществление другими суверенными государствами их властных функций. Иначе говоря, речь идет о сугубо межгосударственных отношениях.

Проблема самоопределения, напротив, решается, прежде всего, внутри того или иного государства. Его источником в реальности являются не сами государства как таковые, а их народ, причем не обязательно весь, а, возможно, лишь один либо несколько из его «самоопределяющихся» этносов. Высшее проявление самоопределения — образование нового самостоятельного государства, то есть особой социальной общности людей, которая функционирует на отдельной территории и контролируется независимыми властями.

Как из Устава Организации Объединенных Наций (статьи 1.2 и 55), так и из Заключительного акта (принцип VIII Декларации) аналогично вытекает обязанность государств уважать равноправие и самоопределение народов (право распоряжаться своей судьбой), то есть обязанность проводить не только внутреннюю, но и внешнюю политику для обеспечения данного принципа. Более того, равноправие и самоопределение являются, согласно Уставу ООН, важнейшей основой всеобщего мира. Разумеется, каждая страна может суверенно определять условия, порядок и методы самоопределения внутри своей подвластной территории. Но это вовсе не значит, что такие условия и порядки могут нарушать принципиальные международно-правовые обязательства по уважению прав человека, основных свобод и права на самоопределение. То есть нельзя вмешиваться извне в процессы самоопределения, превращать территорию, связанную с этими процессами, в объект оккупации, аннексии в любых формах. В этом, и только в этом — смысл принципа территориальной целостности применительно к ситуациям самоопределения. Иначе говоря, нет никаких правовых противоречий между принципами самоопределения народов и территориальной целостности государств.

Таким образом, российский ученый утверждает, что международное право не содержит норм, которые ограничивали бы суверенное право любого государства признавать другое государство, возникшее в результате самоопределения. Не содержит оно и норм, препятствующих при-

знанию нового государственного образования в случае, если последнее отделяется от другого государства, невзирая на его несогласие. А вот любое вмешательство одного государства в процесс самоопределения в другой стране, тем более оккупация или приобретение (полностью либо частично) самоопределяющейся территории, является, как уже говорилось выше, несомненным нарушением международного права.

Признание имеет свои градации: различаются признание «де-юре» или «де-факто», признание с оговорками, признание нации, борющейся за свою независимость, признание воюющей стороны и т. д. При этом признание «де-факто» может быть не только формальным, но и подразумеваемым — в частности, выражаться в заключении крупного двустороннего договора, например, о торгово-экономических связях, всесторонне определяющего отношения между двумя государствами. Формы и степени признания определяются требованиями реальной политики, что отчетливо проявилось, к примеру, в признании разными странами арабского государства Палестины. В настоящее время немало говорится о возможном признании (со стороны Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе, ЕС, НАТО и пр.) независимости «албанизированного» Косово вопреки воле Белграда. Такое признание может оказаться важным прецедентом, но не правовым, а лишь политическим.

Как же должна вести себя любая страна в отношении непризнанных государственных новообразований, если она стремится оставаться в рамках международного права?

Во-первых, она должна исходить из того, что в данном случае у нее есть полное право признавать или не признавать такое образование. Строго говоря, юридически с точки зрения равноправия народов — это не только право, но и обязанность, однако не безусловная обязанность. Государство само анализирует реальные параметры государственности самоопределившегося новообразования, определяет обоснованность, разновидности, формы признания и т. д. На практике это происходит с учетом собственных интересов, задач и требований реальной политики.

Во-вторых, недопустимо вмешиваться в процесс самоопределения. Тем более нельзя прибегать к оккупации нового государства, к присоединению его либо к объединению с ним (в том числе в форматах федерации, конфедерации, ассоциации, протектората и т. п.). Вместе с тем подписа-

ние с ним международного договора (о ненападении, сотрудничестве, взаимной помощи и пр.) не будет являться нарушением норм международного права. Сотрудничество, с одной стороны, и территориальная целостность, с другой — это совершенно разные вещи.

Вышеизложенное объясняет процессы, происходящие вокруг ТРСК. С одной стороны, ее образование является примером внешнего вмешательства в право народа на самоопределение, которое осуществилось при иностранной военной поддержке, с другой — случаем признания непризнанного государства в свете решения задач реальной политики. Вспомним мнение П. Пентхаллера о соответствии ТРСК критериям государства, утверждения Дж. Стро о том, что разделенный остров — неприемлем для региона и ЕС, то есть для интересов основных региональных и глобальных игроков, связанных с кипрской проблемой. Таким образом, в политике США, Великобритании, стран ЕС отчетливо наметилась тенденция считать образование ТРСК случаем самоопределения без иностранного вмешательства, что позволяет осуществлять определенные формы фактического, а не юридического признания.

В этой связи нельзя не согласиться с предложениями Г. М. Вельяминова, касающимся отношения РФ к расположенным по периметру ее границ непризнанным образованиям. Он считает, что изначально признание «непризнанных» республик предпочтительнее производить в мягкой форме «де-факто» — в виде заключения широкоформатных межгосударственных договоров об экономических и торговых отношениях, о гуманитарной помощи и т. п. В целом, как четко определено Президентом РФ в его телевизионном выступлении 25 октября 2006 г., политика России, в частности, в отношении Абхазии и Южной Осетии основывается на двух постулатах: во-первых, мы «не можем допустить кровопролития в этом регионе», во-вторых, мы отнюдь «не стремимся к тому, чтобы расширять нашу территорию».

Как указывает российский ученый, признание Россией «непризнанных» государственных новообразований вполне вписывается в эту политику. Для подобного подхода к «непризнанным» республикам у Москвы помимо формального права имеются и веские политические основания. Прежде всего, следует обеспечить гуманитарные права и потребности населения, в том числе значительного числа жителей, имеющих российское гражданство. Кроме того, необходимо не допускать у наших границ нестабильности, военных действий и кровопролития, а для это-

го требуются сотрудничество и контакты с правящими режимами республик. К тому же их правительства в известной мере уже фактически легитимированы на международной арене и, по крайней мере, отчасти, признаны в качестве сторон международных переговоров по вопросу своего статуса. Практически заключение Россией международных договоров с «непризнанными» республиками, по сути, лишь оформляло бы уже реально сложившиеся взаимоотношения, то есть подводило бы более цивилизованные основы под существующее состояние, не затрагивая при этом возможностей продолжения урегулирования отношений «непризнанных» республик с государствами, из которых они самоопределяются. Другое дело — признание этих республик «де-юре». В нынешних условиях такое признание может принести им действительные выгоды только в том случае, если оно будет достаточно многосторонним.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Образование Республики Кипр в 1960 г. было следствием геополитической конфигурации, сложившейся в результате многовекового противоборства между различными государствами за обладание островом — стратегически важным плацдармом ведения боевых действий с целью контроля над Восточным Средиземноморьем, торговыми путями в Африку, на Ближний Восток и в регион Индийского океана. Великобритания, последняя метрополия острова, предоставляя ему независимость, старалась учесть двухобщинный характер острова, сложившийся в результате 400-летнего обладания Османской империи этнически греческим островом. Принятая на основе цюрихско-лондонских соглашений, подписанных Великобританией, Грецией и Турцией, Конституция нового государства основывалась на двухобщинности и предоставляла равные права обоим живущим на острове народам. Вместе с тем греческое большинство острова, составлявшее 82 процента населения, было не согласно с несправедливым, по его мнению, наделением турецкого меньшинства (18 процентов от общего количества населения) равными с греками правами. Со своей стороны турки не желали довольствоваться статусом меньшинства и ратовали за выполнение условий кипрской Конституции.

Несмотря на принятие двухобщинной Конституции, каждый из двух кипрских народов придерживался своей национальной идеи, сформировавшейся в период почти 100-летнего британского колониального владычества. Греки были сторонниками «эносиса», то есть объединения в одно государство с Грецией, турки поддерживали «таксим» — раздел острова между Грецией и Турцией. Политические и военные связи обеих общин с «материнскими государствами» — Грецией и Турцией привели к усилению общинных военных формирований и институтов в ущерб общекипрской государственности. Греческое большинство, бывшее более сильным в военном и экономическом отношении, предприняло попытку лишения турок прав, предоставленных им Конституцией.

В результате реализации плана «Акритас», принятого с целью достижения эносиса, в 1963 г. турки были вытеснены вооруженным путем из государственных структур управления, им было предложено признать изменения двухобщинной кипрской Конституции. Эти события сопровождались нарушениями прав турецкого меньшинства, которое было изгнано из большинства населенных пунктов, лишено собственности и загнано в небольшие анклав, составлявшие 3 процента от общей территории острова.

Поддержка СССР Кипра в ООН привела к принятию резолюции Совета Безопасности ООН № 186, в которой фактически закреплялся односторонний захват власти греческой общиной, а для разделения враждующих сторон на острове были размещены войска ООН. Попытки Турции ввести свои войска на остров для защиты прав турецкого меньшинства, согласно условиям цюрихско-лондонских соглашений наталкивались на неприятие СССР и США, которые активно противоборствовали за влияние на острове. В тот период начались межобщинные переговоры по урегулированию положения на острове, которое не привело к положительным результатам. Поддержка СССР привела к увеличению самостоятельной роли Кипра на международной арене. Это обусловило отход греко-кипрского руководства от идеи эносиса, негативно воспринятой находившимися у власти в Греции военными, немало сделавшими для укрепления греческой власти на острове в расчете на эносис.

В 1974 г. Греция спровоцировала на Кипре государственный переворот, сопровождавшийся приходом к власти экстремистов, объявивших о курсе на эносис. Новые власти Кипра развернули репрессии против сторонников свергнутого правительства, а также турецкого национального меньшинства. В связи с нарушением цюрихско-лондонских соглашений, запрещавших объединение Кипра с каким-либо государством, Турция ввела свои войска на остров. В результате двухэтапной военной операции под контроль турецких ВС перешло 37–38 процентов территории Республики Кипр с северной стороны острова. Турецкое военное вторжение сопровождалось массовыми нарушениями прав гражданского греческого населения острова. Эта акция привела к правительственному кризису в Греции и падению военного режима, а также возвращению на Кипр законно избранного правительства. Вместе с тем Турция отказалась вывести свои войска с Кипра, мотивируя это необходимостью защиты прав турецкого населения.

В 1974 г. на севере острова было провозглашено создание Турецкого федеративного государства Кипр, в 1975 г. произошел обмен населением, в результате чего подавляющее большинство турок сконцентрировалось на севере острова, а подавляющее большинство греков — на юге. Эта ситуация сохраняется на острове по сей день.

В ходе переговоров по урегулированию, начавшихся после 1974 г., стороны прояснили свои позиции и даже достигли компромисса по будущему устройству единого Кипрского государства. Оно должно быть федеративным, двухобщинным и двухзональным. Однако разное видение кипрской федерации не позволило сторонам прийти к соглашению. Греки видят ее как государство с общей территорией и прозрачными границами между двумя частями, турки — как конфедерацию двух самостоятельных государств. Противоречия между общинами по этому вопросу привели к провозглашению турецкой общиной в 1983 г. независимой Турецкой Республики Северного Кипра (ТРСК) — первого в послевоенной Европе непризнанного государства. Образование ТРСК было отрицательно воспринято мировым сообществом, Совет Безопасности ООН принял резолюции 541 и 550, призывающие мировое сообщество не признавать ее и не устанавливать с ней никаких политических, экономических и культурных контактов. Вместе с тем ТРСК была признана Турцией в качестве независимого государства. Она пользуется всеобщей дипломатической, экономической и военной поддержкой этого государства.

Переговоры по урегулированию кипрской проблемы ведутся в рамках миссии добрых услуг Генерального секретаря ООН, созданной согласно резолюции 186 Совета Безопасности ООН. Однако прогресса на переговорах практически нет. Это связано с тем, что Кипр продолжает быть средоточием усилий разных политических сил мирового масштаба по реализации своих интересов в регионах Южной Европы, Ближнего Востока и Северной Африки. Взаимоисключающие интересы различных государств ведут к попеременной поддержке ими разных кипрских сторон и сдерживанию процесса урегулирования. Так, в начальный период кипрского урегулирования (первое десятилетие после принятия резолюции № 186) определяющим в регионе было непосредственное противостояние СССР и США с определенным преимуществом Советского Союза. Во второе десятилетие урегулирования (вплоть до середины 80-х гг.) наметилось определенное ослабление позиций СССР. При этом обе сверхдержавы сконцентрировались на влиянии в регионе посред-

ством региональных игроков — Греции и Турции, противоречия между которыми и были основным препятствием на пути урегулирования. При этом более сильная в военном отношении Турция делала упор на свое преимущество в военно-стратегической плоскости, менее сильная Греция в полной мере пользовалась рычагами дипломатического давления на оккупирующую Турцию и непризнанную ТРСК. Ослабление позиций СССР в такой ситуации было связано с недостаточно хорошими отношениями с Турцией и более хорошими — с Грецией и Республикой Кипр. США имели значительно больше возможностей установления прочных контактов со всеми тремя из перечисленных региональных игроков. Тот период был временем последовательного отвержения инициатив ООН обеими сторонами конфликта, в чем больше преуспела турко-кипрская сторона, открыто демонстрировавшая свою приверженность «таксиму». Логика таксима требовала международного признания ТРСК, первые шаги на пути к чему делались руководством Турции и ТРСК в рамках Организации Исламская Конференция (ОИК). С последнего, перестроечного периода существования СССР наметился его окончательный отход на второй план в вопросах кипрского урегулирования.

В настоящее время РФ продолжает политику содействия контактам сторон, направленным на урегулирование, однако следует признать, что центр тяжести переговоров окончательно сместился в ООН, где США пока имеют несколько большие возможности воздействия на ситуацию. Изменение геополитической ситуации в результате распада СССР привело к большей самостоятельности на международной арене Евросоюза, что было в полной мере использовано Грецией и Республикой Кипр, вступившей в ЕС в качестве полноправного члена. В этой связи следует отметить смену руководства ТРСК, чему в немалой степени способствовали США, Великобритания и Турция. Новое руководство ТРСК, пришедшее к власти на волне борьбы за объединение острова в соответствии с планом урегулирования ООН (планом Аннана), провозгласило своей целью объединение острова, а не его раздел. Параметры урегулирования, принятые ООН в настоящее время, близки к цюрихско-лондонским принципам, что предопределяет обструкцию греко-кипрской стороной инициатив ООН последнего времени, в том числе и плана Аннана.

Провал референдума по плану Аннана в греческой части острова и его успех в турецкой привели к изменению отношения мирового сообщества к ТРСК и перехвату Турцией и ТРСК инициативы в сфере международных отношений. Международно признанная Республика Кипр

в настоящий момент расценивается на международной арене как сила, препятствующая объединению острова. Это и прочие обстоятельства геополитического характера дали старт процессу фактического признания ТРСК со стороны мирового сообщества. США, Великобритания, Франция, некоторые страны ОИК стали признавать паспорта ТРСК. Эти же страны имеют в северной части острова представительства, частично выполняющие дипломатические функции. В 17 странах мира действует 22 дипломатических, торговых и почетных представительства ТРСК. Расширяются двусторонние контакты ТРСК с ЕС, Советом Европы, ОИК, лидеры и официальные лица этого непризнанного государства принимаются на высоком государственном уровне в США, Великобритании, Пакистане, Саудовской Аравии и других странах мира. Подобная ситуация стала результатом не только усилий по достижению признания ТРСК, прилагающихся турко-кипрской стороной, ее союзниками и симпатизантами. Это является свидетельством серьезного тренда в международных отношениях в сторону определенных форм признания непризнанных государственных образований.

Многополярность и процессы глобализации привели к увеличению возможностей применения различных форм признания непризнанных государств, исходя из совокупности международных интересов заинтересованных держав. Так происходило с Палестиной, Боснией и Герцеговиной, так происходит с Косово и ТРСК. Согласно заключениям ведущих мировых специалистов по международному праву, принцип нерушимости границ, провозглашенный в целом ряде важнейших международных документов, означает неприкосновенность границ, их защиту от внешней агрессии и предотвращение поддержки извне внутренней ирреденты. Однако в случаях, если сецессия является следствием внутренних процессов, происходящих внутри международно признанных государств, остальные государства имеют право признавать ее и даже обязаны это делать, исходя из принципа равноправия народов и соблюдения прав человека. При этом процесс признания может происходить в различных формах и не обязательно подразумевает полное политическое признание непризнанных государств.

Как уже упоминалось, в реальной политике процесс признания непризнанных государств в основном зависит от интересов крупных региональных и мировых держав. Так, непосредственное участие Турции в образовании ТРСК и ее международном признании, сама идея таксима объясняются необходимостью держать под военным контролем остров,

представляющий самый удобный стратегический плацдарм для нападения на ее территорию, населенный этническими соотечественниками. Поддержка союзниками Турции урегулирования кипрской проблемы на основе конфедерации (будем называть вещи своими именами) также имеет стратегическую цель — избежать в будущем однополюсной ориентации всей территории важнейшего с геополитической точки зрения природного объекта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

На русском языке

1. Республика Кипр: справочник РАН. — М., 1992.
2. *Теплов Э. П.* Кипр — зеркало противоречий Средиземноморья. — Л., 1988.
3. *Егоров Б. Г.* Кипр — тревоги и надежды. — М., 1986.
4. *Уразова Е.* Положение на Кипре — влияние перемен на Балканах // Балканы: между прошлым и будущим. — М., 1995.
5. *Вахитов И.* Кипрская проблема — тенденция к разрешению // Московский журнал международного права. — 2004. — № 1 (53).
6. *Бердихин О. Н.* Эволюция межобщинных отношений на Кипре: основные этапы // Вопросы истории. — 2003. — № 10.
7. *Рытов А. Г.* Разделенный остров Афродиты. Кипр после интеграции в ЕС: новая реальность, старые проблемы // Вестник Европы. Т. XIII–XVI. — 2004/2005.
8. *Касулидис И.* Кипр на перекрестке трёх континентов // Международная жизнь. — 2001. — № 11
9. *Пумпянский А. Б.* Трагедия и благодать острова Афродиты // Новое время. — 2006. — № 33.
10. Кипр — семь вопросов и ответов/Министерство иностранных дел и обoronы ТРСК. Лефкоша [Никосия].
11. *Ямсков А.* Этнический конфликт: проблемы дефиниции и типологии // Идентичность и конфликт на постсоветском пространстве. — М., 1997.
12. *Стрелецкий В.* Этнотерриториальные конфликты: сущность, генезис // Идентичность и конфликт на постсоветском пространстве. — М., 1997.
13. «Мы не занимаемся сведением счетов с прошлым»: интервью президента ТРСК Мехмета Али Талата // Эхо [Баку]. — 2007. — 5 мая.

14. «Северный Кипр — не только море и солнце»: интервью директора департамента Министерства экономики и туризма ТРСК Х. Артунера // Эхо [Баку]. — 2007. — 21 апреля.
15. *Хорошев А.* Остров Афродиты // Днестровский курьер [Тирасполь]. — 2004. — 21 апреля.
16. *Шенсой Н.* В соответствии с цюрихскими и лондонскими соглашениями // Независимая газета [Москва]. — 2001. — 3 октября.
17. *Нурани.* Уроки политологии от властей Южного Кипра // Эхо [Баку]. — 2007. — 9 мая.
18. Гусейнов А. Эмигранты. Баку, 1994.

На английском языке:

19. Turkey and the Turkish Cypriots: An account of manipulation by Turkey of the political process in occupied Cyprus before and after illegal declaration of independence. [Nicosia] 1984.
20. *Green Pauline.* Embracing Cyprus: the path to unity in the New Europe. — London, 2003.
21. *Sonyel Salahi.* Cyprus: The destruction of a republic and its aftermath. — Lefkosa, 2003.
22. *Mirbagheri Farid.* Cyprus and international peacemaking. London, 1998 About Cyprus. — Nicosia, 2001.
23. *Josef Josef S.* Cyprus: ethnic conflict and international politics. Basingstone & Macmillan, 1999.
24. *Stephen Michael.* The Cyprus question: A course guide to the history, politics and law of the Cyprus question. — London, 2003.
25. *Reddaway John.* Burdened with Cyprus: The British connection. London, 1984
Stephens Robert. «MacMillan Plan»: Cyprus — The place of arms. — London, 1966

На турецком языке

26. Volkan.
27. Hurriyet.
28. Kuzey Kibris haber. 20.07.2004.
29. Halkin sesi. 17.08.1954.

Интернет-ресурсы

30. www.duma.gov.ru
31. www.mid.ru
32. www.parliament.uk
33. www.state.gov
34. www.un.org
35. www.pio.gov.cy
36. www.robertcutler.org
37. www.abhaber.com
38. www.milnet.com
39. www.loc.gov
40. www.archivum.ws
41. www.dosfan.lib.nic.edu
42. www.axisglobe.com
43. www.washingtonpost.com
44. www.ng.ru
45. www.opec.ru
46. www.cyprus-mail.com
47. www.telegraph.co.uk
48. www.expert.ru
49. www.newizv.ru
50. www.cceis.ru
51. www.iimes.ru
52. www.oic-oci.org
53. www.kibrisgazetesi.com
54. www.assembly.coe.int
55. www.izvestia.ru

СОДЕРЖАНИЕ

МОДЕСТ КОЛЕРОВ. «КОСОВСКИЙ ПРЕЦЕДЕНТ»: СОЗДАТЕЛИ И ПЛОДЫ (1999–2007)	3
Прецедент — 1999: расчленение	5
Прецедент — 2004: легитимация	8
Прецедент — 2005/2007: независимость	12
ВВЕДЕНИЕ	23
САМООПРЕДЕЛЕНИЕ ПО-КИПРСКИ: ДВА ПЛЮС ТРИ	29
КИПРСКОЕ УРЕГУЛИРОВАНИЕ И ЕГО ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ. ПЕРВЫЕ ШАГИ НА ПУТИ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРИЗНАНИЯ ТУРЕЦКОЙ РЕСПУБЛИКИ СЕВЕРНОГО КИПРА	63
ТУРЕЦКАЯ РЕСПУБЛИКА СЕВЕРНОГО КИПРА, ЕЕ ВНУТРЕННЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ, МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ СТАТУС И ВНЕШНИЕ СВЯЗИ	131
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	165
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	171

ИЗДАНИЯ И СБОРНИКИ
ИНФОРМАЦИОННОГО АГЕНТСТВА REGNUM
(2005-2007)

1. Россия и «санитарный кордон». Сборник // Сост. Информационное агентство REGNUM. — М.: Издательство «Европа», 2005.
2. Белая книга Приднестровской Молдавской Республики. — М., 2006
3. Восстание меньшинств. Сборник // Сост. Информационное агентство REGNUM. — М.: Издательство «Европа», 2006.
4. Карабахский конфликт: азербайджанский взгляд. Сборник // Сост. Информационное агентство REGNUM. — М.: Издательство «Европа», 2006.
5. *О. Ф. Тимофеева*. Труд иностранных граждан в Российской Федерации: правовые аспекты. — М, 2007.
6. Западная Сахара: преданная независимость. Сборник исследований и документов по современной истории Сахарской Арабской Демократической Республики // Сост. Е. Висенс. — М., 2007.
7. *Л. М. Григорьев, М. Р. Салихов*. ГУАМ — пятнадцать лет спустя: Сдвиги в экономике Грузии, Украины, Азербайджана и Молдавии, 1991–2006. — М., 2007.
8. *А. Егиазарян*. Турция и Россия во внешнеэкономических отношениях Азербайджана (1995–2006) // Аналитический центр «Кавказ». — М., 2007
9. *А. Егиазарян*. Грузия: структурные проблемы экономики и турецкая внешнеэкономическая экспансия (1994–2007) // Аналитический центр «Кавказ». — М., 2007
10. *Симон Кордонский*. Ресурсное государство. — М., 2007.
11. Испания–Каталония: империя и реальность. Сборник статей // Сост. Е. Висенс. — М., 2007.
12. *Фуад Гаджиев*. Независимость де-факто: Турецкая Республика Северного Кипра // С предисловием Модеста Колерова «“Косовский прецедент”: создатели и плоды (1999–2007)». — М., 2008.